АРВИД НОРД

ЧЁРНАЯ ВОДА

ХРОНИКИ СЕВЕРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Хроники северных преступлений

Арвид Норд

Чёрная вода

«Автор»
2026

Норд А.

Чёрная вода / А. Норд — «Автор», 2026 — (Хроники северных преступлений)

ЧЁРНАЯ ВОДАХельсинки. Исчезновение женщины, старая фотография и тайна человеческих биографий, которую скрывали двадцать лет.Ноябрьский Хельсинки. Исчезновение Анны Линд приводит инспектора Элиаса Виртанена к старой фотографии пяти женщин и гибели Ингрид Сааринен. За расследованием проступает история чужих биографий, скрытых решений и тайны, которая пережила двадцать лет молчания. Чем ближе Элиас к ответу, тем труднее определить, кому можно доверять.

© Норд А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ 5
ЧАСТЬ I. ИСЧЕЗНУВШИЕ 10
Глава 1. Женщина, которая не вернулась 10
Глава 2. Человек у пристани 21
Глава 3. Три сестры 32
Глава 4. Шестая фотография 47
Глава 5. Чужое имя 57
Глава 6. Дело № 0418 69
Глава 7. Голос из прошлого 80
ЧАСТЬ II. ЧУЖИЕ СЕМЬИ 93
Глава 8. Человек без лица 93
Глава 9. Два детства 110
Конец ознакомительного фрагмента. 115

Арвид Норд
Чёрная вода

ПРОЛОГ

13 ноября 1991 года. Последний звонок

Дождь шёл с середины дня. К девяти вечера вода пропитала деревянные ступени, собралась в трещинах подоконника и наконец расшатала водосточную трубу. Труба ударила по стене. Девочка вздрогнула и поджала босые ноги под длинную футболку, хотя прекрасно знала, откуда взялся звук.

В прихожей было холодно. Половик у двери пах мокрой шерстью и землёй, занесённой с обувью. На лестнице горела одна лампа; из-под кухонной двери пробивалась жёлтая полоса света. Если подняться на второй этаж, можно было лечь под одеяло и ничего не услышать. Но мать уже дважды подошла к окну и проверила задвижку, а потом сказала: «Иди спать», — тем самым ровным голосом, которым всегда пользовалась, когда боялась.

Девочке исполнилось пятнадцать. Она давно перестала считать себя маленькой, однако сейчас сидела на полу, как в детстве, когда ждала, что взрослые перестанут ссориться. Из спальни её никто не вызывал. Она сама спустилась после того, как услышала автомобиль на гравийной дорожке.

Мария не любила неожиданных гостей. При них она смахивала с кухонного стола невидимые крошки, ставила чашки ручками в одну сторону, а после ухода людей открывала форточку. Сейчас форточка была заперта. В доме пахло табаком, хотя Мария никому не разрешала курить внутри.

Мужчину девочка знала по летним визитам. Он приезжал в светлом автомобиле, приносил цветы, разговаривал с Марией на крыльце, если считал, что в доме слишком много ушей. Однажды фотографировал её у яблони и просил не двигаться. Имени девочка не знала наверняка: взрослые то произносили его, то намеренно обходились без обращения. Теперь он вошёл без цветов и долго не снял пальто.

— Ты обещала, — сказал он.

В ответ зазвенел стакан. Мария, вероятно, поставила его слишком близко к краю блюдца и поправила. Девочка могла представить её руки — широкие ладони, короткие ногти, тонкую царапину на большом пальце, оставшуюся после того, как весной разбилась банка.

— Я помню, что обещала.

— Тогда почему они получили доступ?

— Спроси того, кто выдавал ключи.

Мужчина заговорил тише. Девочка разобрала лишь два слова: «бумаги» и «снимок». Остальное потерялось за кухонной дверью.

У девочки свело икру. Она осторожно вытянула ногу, стараясь не задеть половицу. В школе она могла спорить с учителем и отвечать у доски, даже когда ошибалась. Здесь ей не хватало мужества подняться и спросить, из-за чего взрослые говорят так, словно кто-то стоит за их спинами.

— Если он узнает, всё закончится, — сказал мужчина.

— Для нас уже закончилось.

Мария не повысила голос. Девочка знала эту особенность: громко мать сердилась из-за разбитой посуды, потерянных ключей и невымытых ботинок. Когда случалось что-нибудь серьёзное, она говорила почти шёпотом.

На кухне отодвинули стул. Мужчина прошёл к окну; подошвы его ботинок чуть поскрипывали по линолеуму.

— А дети? — спросил он.

— Дети вырастут.

— И станут задавать вопросы.

— Они уже задают.

Девочка медленно прижала ладонь к холодной стене. Она много раз спрашивала, почему в доме нет фотографий первых лет её жизни и отчего в старых тетрадях иногда встречается имя Лаура. Мария говорила, что это была школьная ошибка, потом сердито убирала тетрадь. Сегодня девочка впервые подумала: может быть, мать боялась не прошлого, а того, что дочь начнёт складывать его по кусочкам.

— Ты обещала ничего им не рассказывать, — произнёс мужчина.

— Я обещала не выдавать чужих детей. Это не одно и то же.

В прихожей зазвонил телефон. От неожиданности девочка ударилась плечом о шкаф. Чёрный аппарат стоял на узкой полке, под зеркалом; телефонный провод был перекручен возле розетки и всегда цеплялся за коробку с зимними перчатками.

— Не бери, — сказал мужчина.

Мария уже вышла из кухни. Девочка успела отодвинуться за висящее пальто; мать не посмотрела в её сторону. Подняла трубку и прижала её к уху.

— Haloo?[1]

Сначала Мария слушала. Вода стучала в трубу с такой настойчивостью, что девочке хотелось встать и придержать её снаружи. На кухне непрерывно гудел холодильник. Голос в трубке был слишком слаб, чтобы разобрать хотя бы слово.

Мария опустила свободную руку. Пальцы разжались, и маленькая связка ключей, которую она держала, упала на пол. Девочка узнала звук: ключ от задней двери звенел тоньше остальных.

— Господи, — сказала Мария. — Вы уверены?

Мужчина вышел к ней.

— Кто там?

Мария отвернулась к зеркалу и прикрыла трубку ладонью. Девочка видела её лицо в отражении, а собственное — только краем глаза.

— Они вышли на её след, — сказала мать.

— На чей?

— На след Ингрид.

Мужчина шагнул ближе, но Мария жестом остановила его. Слушала ещё несколько секунд, назвала имя, которого девочка не запомнила, и повесила трубку. Трубка легла на аппарат не с первого раза.

— Надо уехать, — сказала она.

— Сегодня? По такой дороге?

— Сегодня. Пока они не приехали сюда.

Мужчина посмотрел на закрытую кухонную дверь, будто впервые вспомнил, что в доме живёт ребёнок. Мария заметила это и тоже обернулась. Девочка успела опустить голову, но не была уверена, что её не увидели.

— Поздно, Мария, — сказал он.

В этих словах слышалась не угроза, а усталость. Девочка ждала, что мать возразит. Вместо этого та подняла ключи, проверила каждый на ощупь и вернулась к столу.

---

[1] Haloo (фин.) — «Алло?»

За дверью открыли нижний кухонный ящик. Выдвижная направляющая давно скрипела на одном и том же месте. Девочка слышала этот звук столько раз, что могла бы узнать его в другом доме.

— Если с тобой что-нибудь случится, бумаги должны уйти к тем, кто сможет их прочитать, — сказал мужчина.

— А снимки?

— Не все. Один я оставлю.

— Больше ничего не оставляй без моего согласия.

— Мария…

— Ты уже однажды решил за нас.

Мужчина не ответил. Потом девочка услышала, как он гасит сигарету и отставляет пепельницу. В этой паузе мать вдруг стала для неё чужой: не потому, что она сделала что-то страшное, а потому, что у неё была целая жизнь, которую она тщательно прятала от ребёнка.

Дверь открылась. Девочка едва успела убрать ноги с прохода. Мужчина остановился перед ней; с края мокрого пальто капало прямо на половик. Вблизи лицо его выглядело старше, чем летом. На правой ладони возле большого пальца был маленький белый рубец, который девочка прежде не замечала.

— Не спишь, значит.

— Нет.

Он присел, придерживая колено, и некоторое время смотрел не на неё, а на стену за её плечом.

— Ты слышала разговор?

Девочка могла ответить правду или попытаться угадать безопасную часть. Выбрала другое.

— Я слышала имя Ингрид.

Мужчина едва заметно кивнул.

— А ты знаешь, зачем люди хранят фотографии?

— Чтобы помнить.

— Иногда. А иногда чтобы другие поверили, будто всё было именно так, как показывает снимок.

— Вы фотограф?

Он посмотрел ей прямо в глаза. Вопрос, кажется, оказался для него неожиданным.

— Я делал фотографии, — ответил он. — Это не всегда одно и то же.

Мария позвала его из кухни. Мужчина поднялся, не прощаясь за руку, и пошёл к выходу. Возле порога остановился, будто хотел ещё что-то добавить. Потом лишь поправил воротник и вышел под дождь.

Его машина долго не заводилась. Стартер дважды сорвался, после чего двигатель наконец подхватил. Свет фар провёл по потолку прихожей и исчез за деревьями.

Мария появилась из кухни, когда шум мотора уже стих. Она всё ещё держала ключи. На пальце осталась красная полоса от туго затянутого кольца; девочка прежде не обращала на неё внимания.

— Сколько ты слышала?

— Про детей. И про Ингрид.

— Про детей он говорил не тебе.

— Я знаю.

— Нет, — сказала Мария после короткого молчания. — Думаю, не знаешь.

Она опустилась рядом на холодный пол. Кардиган собрался складками у коленей, и девочка впервые увидела, как сильно дрожат её руки. Мария умела справляться с квитанци-

ями, школьными жалобами, болезнью, внезапной потерей денег. От её дрожи стало страшнее, чем от слов гостя.

— Если когда-нибудь тебя будут спрашивать о сегодняшнем вечере, — сказала она, — скажи только то, что помнишь сама. Не повторяй за людьми, которые говорят уверенно.

— А если спросят о тебе?

Мария отвела взгляд.

— Тогда тоже.

— Ты куда-то уезжаешь?

— Возможно. Мне надо кое-что сделать, пока я ещё могу.

Девочка хотела спросить, почему взрослые не могут сделать это вместе. Но мать вдруг прижала её к себе и поцеловала в волосы — неловко, в самое темя, как не делала уже несколько лет. От кардигана пахло кофе, табаком и обычным хозяйственным мылом. Девочка запомнила этот запах, потому что больше не знала, за что удержаться.

Утром 14 ноября Марии не было дома. Её пальто исчезло из прихожей вместе с небольшой сумкой. На кухонном столе остались две чашки, одна с тёмным следом от губы по краю, и невымытая пепельница. Постель в спальне выглядела так, словно в ней не ложились. Девочка звонила сперва по номеру, написанному под телефоном, потом тёте Хелене. Хелена приехала через сорок минут и, прежде чем спросить о матери, проверила, закрыта ли задняя дверь.

Шестнадцатого ноября машину Марии обнаружили возле старой пристани. Двери были заперты. Ключи лежали на сиденье, пассажирский коврик намок, хотя стекла оставались целыми. Полицейские расспрашивали соседей и рыбаков, проходили вдоль берега. Девочка слышала слова «утопление» и «самовольный отъезд», но никто не объяснил, почему автомобиль оказался там, где Мария не собиралась останавливаться.

Потом приехали люди, которые называли себя знакомыми семьи. Они говорили с Хеленой за закрытой дверью. Девочку больше не просили уходить спать: взрослые просто понижали голоса при её появлении. Она начала записывать дни в тетрадь, чтобы не забыть их порядок. Тринадцатое — разговор. Четырнадцатое — пустая спальня. Шестнадцатое — пристань. Под последней датой она не написала ничего.

В управлении её посадили напротив женщины с седыми прядями у висков. На столе стоял стакан воды, который никто не предложил выпить. Сотрудница объяснила, что задаст одни и те же вопросы несколько раз, потому что тревога меняет порядок воспоминаний. Девочка сразу обиделась: она знала, какой была ночь, и не хотела, чтобы взрослые снова делали вид, будто ребёнок ничего не понимает. Однако на третьем вопросе обнаружила, что не может с уверенностью сказать, во сколько именно раздался телефонный звонок. До десяти, после десяти? Часы она видела на кухне утром; во время разговора до них было не дотянуться взглядом.

— Мужчина назвал своё имя? — спросила сотрудница.

— Я слышала, как его называла мать. Но не разобрала.

— А раньше вы встречали его?

— Летом. Он фотографировал.

Сотрудница сделала запись и не стала предлагать фамилию, словно это была угадайка. Девочке стало немного легче. Впервые за несколько дней взрослый не требовал от неё ни молчать, ни уверенно отвечать на то, чего она не знала.

После беседы Хелена вывела её на улицу. Ноябрьский ветер гнал по парковке скомканные квитанции и листья, которые не успели убрать до снега. Тётя долго искала ключи, хотя они лежали у неё в ладони. Девочка спросила, почему Мария иногда называла её другим именем. Хелена остановилась, опустила голову и сказала, что говорить об этом будут дома. Дома они не заговорили. Девочка не забыла ни вопроса, ни обещания.

В ту ночь ей снился не автомобиль на пристани и не вода, хотя днём все говорили именно о них. Снилось, что Мария стоит на кухне спиной к двери и медленно разрезает фотогра-

фию вдоль чужого лица. Девочка проснулась с таким ясным ощущением скрипа ножниц, что несколько минут прислушивалась к дому. Потом поняла: самого разрезания она не видела, ножниц на кухне в тот вечер не слышала. Сон уже пытался выдать себя за воспоминание. Она записала его в тетрадь на отдельной странице и сверху вывела: «ЭТО МНЕ СНИЛОСЬ».

Через неделю Хелена взяла её в дом за одеждой и школьными книгами. Отопление выключили, на внутренней стороне кухонного окна выступила влага. Тётя пошла наверх собирать вещи; девочка осталась в прихожей и увидела слова на зеркале.

Их провели пальцем по пыли. Где-то буквы получились тонкими, где-то человек нажимал так сильно, что оставалась светлая полоса до самого стекла.

ТЫ ВСЁ РАВНО УЗНАЕШЬ ПРАВДУ.

Она не тронула надпись. Ни почерка, ни даты на зеркале не было. Это могло оказаться обещанием или угрозой. После исчезновения Марии разница казалась несущественной.

На половике лежала фотография. Девочка была уверена, что неделю назад её там не было, но доказать это не могла: тогда она почти всё время смотрела на лестницу, ожидая, что мать спустится. Бумага выгнулась по краям. На берегу озера стояли пять женщин, рядом с ними — маленький мальчик. Солнечный свет на снимке не имел ничего общего с серым ноябрьским днём. У мальчика было плохо различимо лицо; в одном месте поверхность отпечатка выглядела повреждённой.

Она перевернула снимок. На обороте синими чернилами написали: «18 июля 1980 года».

Кто поставил дату, девочка не знала. Не знала и того, кто оставил снимок: человек с фотографии мог быть совсем не тем, кто пришёл накануне исчезновения матери. Она подумала об этом, словно учась впервые сомневаться не в себе, а в доказательствах, которые ей подсовывали.

Сверху Хелена крикнула:

— Ты нашла учебники?

— Сейчас.

Девочка спрятала фотографию в тетрадь, между двумя чистыми страницами, чтобы не погнуть её ещё сильнее. Потом поднялась по лестнице, стараясь запомнить, на какой ступеньке скрипит дерево.

Впоследствии её спрашивали, что произошло в ночь перед исчезновением Марии. Она могла назвать дождь, ключи, голос мужчины и чужое имя — Ингрид. Не могла назвать того, кто написал на зеркале и оставил фотографию. Именно это различие она решила не отдавать никому, как бы убедительно ни звучали чужие объяснения.

ЧАСТЬ I. ИСЧЕЗНУВШИЕ

Глава 1. Женщина, которая не вернулась

Хельсинки. Понедельник, 14 ноября 2011 года.

В половине девятого на проспекте ещё не выключили автомобильные фары. Трамвай тронулся от остановки, и человек с портфелем побежал за ним, придерживая одной рукой капюшон. Не догнал. Остался стоять на мокрой плитке, глядя вслед освещённым окнам. Ветер со стороны залива загонял дождь под навесы, туда, где люди обычно пытались от него спрятаться.

Элиас Виртанен видел остановку с третьего этажа полицейского управления. Внизу всё шло своим чередом: кто-то спешил на работу, кто-то опаздывал, дорожная машина не могла проехать из-за доставки в магазин. Нормальное утро. Он стоял у окна, пока за спиной остывал кофе, который и до того было трудно назвать свежим.

В кабинете дёргалась на одном винте вентиляционная решётка. С осени её обещали заменить. Возле батареи лежали чужие кожаные перчатки, высохшие до твёрдости; одна соскользнула на пол и теперь мешала открыть нижний ящик шкафа. Элиас поднял её за кончик пальца и положил обратно. На письменном столе теснились два монитора, коробка с материалами старых дел и тонкая папка, которую он не должен был сегодня открывать.

Он всё же открыл.

Мужчина ушёл из дома без телефона. Через два дня его банковской картой расплатились в Турку. Не очень большая сумма, ничего необычного. Руководство считало, что тот мог уехать добровольно; оснований для другой версии пока не хватало. Жена пропавшего присылала письма с исправлениями к своим показаниям — даты, часы, фамилии людей, к которым супруг собирался обратиться. Одни сведения расходились с первыми, другие объясняли расхождения. На последней странице она просила проверить знакомого мужа, которому до сих пор никто не звонил.

Элиас перечитал просьбу. Взял карандаш, обвёл фамилию. Потом вспомнил, что этот человек уже был указан в приложении, только с другой буквой в конце, и отыскал прежнюю запись. Ошибка могла принадлежать женщине, могла — тому, кто переносил её слова в протокол. Придётся выяснять. В папке давно не было ничего, что позволяло бы закрыть дело с чистой совестью.

Кофе он налил себе ещё до семи. Теперь сделал глоток и сразу отставил чашку. Кисло. Элиас зашёл к маленькой раковине, прополоскал рот, некоторое время смотрел на каплю воды, застрявшую у края крана. В тёмном стекле рядом с окном отражались его небритый подбородок, воротник рубашки, который не удалось разгладить ладонью, и седая нитка у виска. Сорок три. Он не собирался обнаруживать каждый новый признак возраста, просто утром на них иногда падал свет.

В дверь постучали два раза.

— Виртанен?

— Если это отчёт за октябрь, скажи, что меня нет.

— Я видел твою машину.

— Значит, скажи, что меня нет вместе с машиной.

Юкка Лахти вошёл, не улыбнувшись. Комиссар был в тёмном костюме и узком галстуке, безупречно затянутом, хотя на плече пиджака темнела полоска от дождя. От него пахло сигаретой, выкуренной на улице. Волосы он зачесал назад мокрой ладонью; возле уха осталась одна упрямая прядь.

— Финансовый отдел всё равно попросит подпись, — сказал он.

— Тогда я воскресну к концу недели.

Лахти положил на свободный угол стола серую папку. Не толстую. Такие папки Элиас не любил: на нескольких листах в них обычно помещалось ровно столько, чтобы стало ясно, как мало полиция знает.

— Женщина пропала. Анна Линд, сорок лет. Бухгалтер в туристической фирме. Кулосаари. Муж, двое детей. Последний раз дома её видели в пятницу, одиннадцатого ноября, вечером.

Он не садился. Элиас подвинул чашку от документов, развернул папку к себе. На фотографии Анна стояла под летним солнцем, чуть боком к объективу. Светлые волосы были заправлены за ухо; на лице ещё оставалось выражение человека, которого только что позвали по имени. Для дела выбрали хороший снимок — резкий, без теней. Если потребуется разослать ориентировку, такой подойдёт.

— Кто заявил?

— Петер Линд. Муж. Сорок четыре. Строительная компания.

— Сегодня?

— В восемь с небольшим.

Элиас поднял глаза.

— С пятницы до понедельника?

— Говорит, она могла остановиться у подруги.

— У какой?

— Имени не назвал.

Лахти открыл свою записную книжку, хотя ответ и так помнил.

— Дети дома были? — спросил Элиас.

— Дочь Лаура, четырнадцать лет. Микко, девять. С ними ещё не говорили отдельно. Муж сообщил, что у них с Анной были трудности с деньгами и споры по личным вопросам. Слово «обычные» прозвучало несколько раз.

— Обычные для кого?

— Допросишь — узнаешь. Но сначала послушай, что ещё есть.

Элиас нашёл в материалах две отметки о посещении частной клиники «Медика Норд» за последний месяц. Указаны даты, без назначения приёма. Сведения были переданы семьёй, подтверждения клиники пока не было.

— Он знает, зачем она ездила туда?

— Говорит, не знает. Утверждает, что спрашивал.

— Проверим, могла ли клиника подтвердить хотя бы время визитов. Медицинские сведения просто так нам не выдадут.

— Я помню, как устроена бумажная работа, Элиас.

— Хорошо. Тогда мы оба не удивимся, когда на это уйдёт время.

Юкка посмотрел на решётку вентиляции, которая снова зазвенела. Поправил узел галстука.

— В доме нашли повреждённую семейную фотографию. Кто-то ножницами вырезал из неё одного человека.

— Человека целиком?

— Так описали. Осмотр ещё идёт. Я не хочу, чтобы мы угадывали по телефонному сообщению, чьё там было лицо.

Элиас отложил снимок Анны поверх папки.

— Кто на месте?

— Криминалисты и сотрудник, принимающий объяснения. Муж дал согласие на осмотр, его оформили. Пока от семьи нам нужны исходные рассказы, а не готовая версия, которую они успеют друг другу пересказать.

Юкка наконец сел — на край гостевого стула, не снимая пальто.

— Ты хочешь, чтобы я поехал к Линдам.

— Да. И не забудь: плохой муж не становится убийцей только потому, что следователю не нравится его голос.

— Ты уже успел услышать его голос?

— По телефону.

— А я пока нет.

— Вот и не спеши.

Они знали друг друга достаточно долго, чтобы на этом остановиться. Элиас сунул в карман блокнот, снял с крючка пальто и снова увидел у локтя папку пропавшего мужчины. На полях лежала обведённая карандашом фамилия. Её следовало проверить, и лучше сегодня. Он положил папку ближе к клавиатуре, чтобы вечером не забыть.

— Юкка, — сказал он у двери, — дети должны получить возможность говорить без отца. Не только в общей гостиной.

— Организуй. И не превращай первую беседу в формальный допрос ребёнка, пока не решено, кто и в каком порядке его проведёт.

— Знаю.

Лахти остался сидеть. В руках он держал лист, где было напечатано: «Анна Линд, местонахождение неизвестно». Элиас услышал, как тот выровнял край бумаги о стол, прежде чем выйти из кабинета.

. . .

В Кулосаари дороги уходили от магистрали к воде, между соснами и частными участками. За низкими оградами стояли дома, в которых редко было слышно соседей. Под навесом одного из них мокли детский самокат и велосипед без переднего колеса; у другого садовая мебель до сих пор не была убрана на зиму. Накануне ночью шёл дождь, и на гранитных плитах дорожек удерживались лужи, покрытые тонкой рябью от ветра.

Тёмно-синий универсал стоял перед домом Линдов. На заднем сиденье виднелись куртка с яркой подкладкой и пустая упаковка от печенья. Элиас взглянул на номер, записал его, но не стал придумывать объяснений беспорядку. У него самого в служебной машине с прошлой недели перекатывалась под сиденьем пустая бутылка из-под воды. Люди не переставали жить сразу после того, как в их дом приходила беда.

Он нажал на звонок. Подождал. После второго звонка за дверью послышалось движение.

Петер Линд открыл дверь в носках и сером свитере с растянутым воротом. Высокий, широкоплечий, коротко стриженный; лицо с тяжёлым подбородком и мелкими воспалёнными точками возле носа. По краям глаз темнела недосыпная кожа, но волосы были вымыты и аккуратно приглажены. На правом запястье белел след от часов. Элиас заметил это и тут же забыл: пока часы не имели отношения к тому, где находилась Анна.

— Инспектор Виртанен?

— Да. Из полиции звонили перед выездом. Можем поговорить?

Петер отступил. При рукопожатии стиснул пальцы так сильно, что Элиасу пришлось чуть повернуть кисть. Потом мужчина сам отпустил руку и посмотрел вниз, на коврик, будто заметил свою неловкость.

В прихожей пахло обувным кремом и влажной одеждой. На вешалке висели два взрослых пальто, а под ними — детская школьная сумка с расстёгнутым боковым карманом. Три пары ботинок были выставлены у стены; резиновые сапоги с зелёной полосой лежали на боку. Над полкой — деревянная планка для ключей. Один крючок пустовал. Элиас не задержался возле него. Потом можно будет спросить, кому принадлежали ключи, если появится причина.

— Ваши коллеги уже здесь были, — сказал Петер, закрывая дверь. — Ходили по спальне, спрашивали, где Анна хранит старые вещи.

— Я знаю. Осмотр продолжается. Мне нужно восстановить пятницу по вашим словам. Вы не возражаете, если я буду записывать?

— Если это поможет её найти.

Ответ не был согласием и не был отказом. Элиас открыл блокнот.

Из кухни тянуло подогретым хлебом. На столе стояли три тарелки: на одном бутерброд был надкушен, на другом ломтики огурца подсыхали по краям. Телевизор в гостиной работал без звука; женщина в студии двигала губами рядом с бегущей строкой новостей. Из верхней комнаты доносились шаги. Кто-то ходил туда и обратно, изредка останавливаясь у лестницы.

На диване сидела девочка, вжавшись спиной в подушку. Светлые волосы были собраны неровным хвостом, одна прядь налипла на щёку. Худое лицо ещё сохраняло детские округлости, но взгляд у неё был прямой, настороженный. Слишком длинные рукава тёмной толстовки прятали кисти. На столике лежал открытый учебник, прижатый пустой чашкой; страница была одна и та же уже, вероятно, давно.

— Лаура, — представил её Петер и сразу добавил: — Иди к брату.

Девочка не шевельнулась.

— Päivää, — сказал Элиас.[2]

— Здравствуйте.

Лаура ответила коротко, на том же языке, без всякой приветливости. Голос у неё был низковат для её возраста.

— Я сказал, наверх, — повторил Петер.

— А я сказала, что останусь.

— Мы говорим с полицейским.

— О маме. Я слышала.

Мужчина обхватил ладонью край спинки кресла. Рука у него была широкая, с короткими ногтями и небольшим порезом возле большого пальца.

Элиас снял пальто, аккуратно повесил на свободный крючок.

— Я задам несколько вопросов, которые вы оба можете услышать, — сказал он. — Потом нам понадобятся отдельные разговоры. Лаура, если что-то вспомнишь, не обязательно говорить при всех. Мы найдём способ спокойно побеседовать.

— Я не боюсь говорить при всех.

Петер уже открыл рот, но Элиас повернулся к нему:

— Для начала это займёт немного времени. Хорошо?

— Садитесь.

Хозяин указал на кресло, стоявшее между журнальным столиком и дверью в холл. Элиас сел, положил блокнот на колено. Отсюда было видно и лестницу, и кухонный проход, и лицо девочки. Петер остался у окна, словно гостиную целиком пришлось уступить инспектору.

— Одиннадцатое ноября, пятница, — начал Элиас. — Вечером вы ужинали вместе?

— Да.

— Все четверо?

— Микко сначала был с нами. Потом ушёл наверх. Анна почти не разговаривала.

— А обычно?

— С детьми — всегда. Спросит, как в школе, напомнит про уроки. В пятницу сидела и смотрела в тарелку.

Лаура поправила чашку на учебнике. Только передвинула на пару сантиметров, а потом вернула туда же.

— Вы помните, ела ли она?

— Немного. Я не следил.

---

[2] Финское вежливое приветствие: «здравствуйте».

— Вы ссорились в тот вечер?

— Нет.

Петер сел наконец на другой край дивана, оставив между собой и дочерью место для третьего человека.

— Не в пятницу. У нас были споры раньше. Деньги, моя работа. Все об этом знают, теперь, наверное.

— Мне рассказали о ваших словах, — сказал Элиас. — Я хочу понять последовательность. Когда вы пришли домой?

Петер назвал приблизительное время. Элиас отметил его как оценку, не как установленный факт.

— После ужина?

— Включил новости. Анна сказала, что ей нужно выйти.

— Как сказала?

— Просто: «Я выйду ненадолго».

— Время?

— Половина восьмого, может, позже. Я не смотрел на часы.

— Она назвала место?

— Хотела пройтись.

— Одна?

— Да. Думаю, одна.

— Она часто выходила вечером?

— Бывало. Не нужно каждую прогулку превращать в событие.

— В пятницу был дождь. Она всё равно выходила?

Петер посмотрел на него как на человека, нарочно задающего глупые вопросы.

— А вы бы не вышли? Не сидеть же под одной крышей, если нечего сказать друг другу.

— Вот это я и пытаюсь понять. Вы оба не хотели оставаться дома?

— Я этого не говорил.

Элиас кивнул. Не спорил. В протоколе найдётся место для точной формулировки, без догадок о намерениях.

— Что было на ней?

— Тёмное пальто. Шарф. Кажется, серый.

— Сумка?

— Не обратил внимания.

— Телефон?

— Наверное, взяла.

— «Наверное» — значит, вы не видели?

— Да. Не видел.

Лаура снова начала тереть шов на рукаве. Элиас заметил движение лишь потому, что девочка делала это, когда отец отвечал слишком быстро.

— Когда вы убедились, что Анна не ночевала дома? — спросил он.

— Утром в субботу. Кровать была пустая.

— Почему не сообщили?

— Случалось, что она уходила после ссоры. Оставалась у подруг.

— Кому позвонили?

— Нескольким людям.

— Их имена запишем. И примерное время звонков, если вспомните. Потом проверим по данным связи, когда их получим установленным порядком.

— Вы правда собираетесь проверять мои звонки?

— Мы пытаемся восстановить поиски, которые вы уже предприняли. Это обычная проверка.

Петер посмотрел на дочь; Лаура смотрела на стену за его плечом. Наверху раздался лёгкий скрип половицы. Петер прислушался. Микко, вероятно, стоял у лестницы, но Элиас его не видел и не собирался делать предположения о том, что мальчик слышал.

— Я могу показать вам фотографии Анны? — спросил инспектор.

— У вас уже есть фотография.

— У меня есть одна. Мне полезно увидеть, с кем она проводила время. Если вы согласны.

Петер махнул рукой в сторону книжной полки.

Рамки были разного размера и ни одна не стояла идеально ровно. На одной семья сидела за рождественским столом: перед Микко лежала гора мандариновых корок, Анна смотрела не в камеру, а на ребёнка. На другой — берег моря, две куртки на песке, Лаура с растрепавшимися волосами. Был и старый снимок трёх человек: Анна, Петер и совсем маленькая девочка перед дверью незнакомого дома. Муж держал руку на плече жены. Анна повернула голову к дочери в самый момент съёмки.

— Где это было?

— В две тысячи втором. День рождения знакомых. Точно не скажу у кого.

— Фотографировал кто?

— Кто-нибудь из гостей. Я не помню.

Элиас не стал выяснять на месте, насколько крепко стояли супруги друг к другу на снимке. Положение рук зависело от десятка причин, включая необходимость удержать ребёнка перед камерой. Значение имело другое: Петер действительно не мог назвать людей, с которыми семья была близка девять лет назад. В дальнейшем список можно будет восстановить по альбомам и контактам. Но не сейчас.

— Анна рассказывала о клинике «Медика Норд»?

До этого момента Петер стоял рядом с полкой. Теперь отступил, чтобы между ними оказался столик.

— Рассказывала, что ходила туда.

— Зачем?

— Не сказала.

— Вы спрашивали?

— Ещё бы. Она ответила, что это личное.

— Как вы отнеслись?

— Как должен был? — Петер раздражённо потёр висок. — Разве у моей жены не было права на личное?

— Было. И я не прошу вас открывать её медицинские сведения. Меня интересует, обсуждали ли вы поездки и с кем она могла там встречаться.

— Она ничего не объяснила.

Из кухни щёлкнул термостат чайника. Петер обернулся на звук, словно проверял, не нужно ли уйти выключить плиту, хотя плита была выключена.

— Вы хотите искать Анну или доказать, что у нас был плохой брак?

— Первое. Для этого мне нужно выяснить, зачем она вышла и с кем рассчитывала увидеться.

— Она не рассчитывала. Она просто ушла пройтись.

— Вы уверены?

— Она не из тех, кто пугается и бежит.

— Анна вообще чего-нибудь боялась?

— Анна ничего не боялась.

— Папа врёт, — сказала Лаура.

Петер резко повернулся. Локтем задел маленькую рамку на полке. Элиас подхватил её прежде, чем стекло ударилось о край стола, и поставил обратно. На фотографии Микко улыбался из-под огромного спасательного жилета, в котором едва мог повернуть голову.

— Лаура. Хватит.

Девочка встала, потянула на плечо сползшую толстовку. Лицо у неё покраснело, но взгляд оставался упорным.

— Она не пошла гулять. Она хотела с кем-то встретиться.

— Ты понятия не имеешь, что говоришь.

— Тогда пусть инспектор спросит меня.

Элиас закрыл блокнот пальцем на пустой странице.

— Откуда ты знаешь о встрече?

— Мама говорила по телефону. В спальне.

— Ты слышала весь разговор?

— Нет. Я шла в ванную. Дверь была приоткрыта. Она думала, что я уже сплю.

— В пятницу?

— Да. Я помню пятницу. Суббота была без школы.

— Это было до ужина или после?

Лаура наморщила лоб, потом сердито выдохнула.

— Не знаю. Я всё время пытаюсь вспомнить, а теперь путаюсь. Там было темно, но ещё не поздно. По-моему.

— Хорошо. Не нужно угадывать. Какие слова ты запомнила точно?

— «Я приду».

— Ты слышала имя?

— Нет. Она ещё говорила, но я не разобрала. Потом замолчала. Долго слушала.

Лаура потянула рукава ниже, до кончиков пальцев, и села обратно. Элиас подождал.

— А потом заплакала. Почти неслышно. Не так, как когда человеку очень больно, — девочка осеклась, не сумев найти слово. — Она старалась не шуметь. Я ушла, чтобы она не увидела меня.

Петер шагнул к дочери.

— Почему ты мне не сказала?

— Ты бы поверил?

Он положил ей руку на плечо. Не ударил, не тряхнул. Просто сжал, и Лаура мгновенно стряхнула ладонь.

— Не надо этого при посторонних.

— Это ты вызвал полицию, папа.

Элиас почувствовал, что разговор подходит к границе, после которой воспоминания девочки будут зависеть от отцовских реплик. Он закрыл блокнот.

— Лаура, спасибо. Ты рассказала важное. Мы позже поговорим с тобой отдельно, спокойно, с подходящим взрослым рядом. Сейчас я больше не буду спрашивать про звонок. И ты не обязана обсуждать его с кем-либо до этой беседы.

Петер провёл рукой по лицу.

— Прекрасно. Теперь и ребёнка будете допрашивать.

— Мы обязаны выслушать человека, который мог что-то видеть или слышать. Она дочь Анны.

Лаура подняла на отца глаза.

— А ты сказал, что мама уже не вернётся.

Он замер.

— Ты не так поняла.

— В субботу. Я спросила, надо ли нам её искать. Ты сказал: «Она не вернётся».

— Я сказал, что не знаю, вернётся ли она.

— Нет. — Лаура сделала шаг назад. — Ты сказал, что не вернётся. Ты даже не посмотрел на меня.

Петер попытался что-то ответить, но девочка уже обошла кресло и ушла в холл. Она взбежала по лестнице быстро, почти не касаясь перил. Дверь наверху закрылась с сухим стуком. Через несколько секунд там послышались другие, более лёгкие шаги; вниз никто не пришёл.

На экране телевизора сменился сюжет. Элиас только теперь заметил, что из-за беззвучной трансляции слышен тикающий над дверью кухни часовой механизм. Одна стрелка отставала от другой на маленьком декоративном циферблате, но часы продолжали идти.

Петер опустился на диван. Разгладил ладонями брюки на коленях, потом снова смял ткань.

— Вы действительно сказали дочери, что жена не вернётся?

— Она вырывает слова. Подростки так делают.

— Какими были ваши слова?

Петер посмотрел в окно. По стеклу медленно стекала вода, а за ней покачивалась мокрая ветка сосны.

— Она спросила в субботу, где Анна. Я сказал, что не знаю. Потом спросила, вернётся ли. Я ответил: «Может быть, нет». Я был зол. И сам не понимал, что происходит.

— Почему вы так решили?

— Потому что Анна не уходила просто так.

— Вы сказали, что раньше она оставалась у знакомых после ссор.

— Это другое.

— Объясните.

Петер потёр большим пальцем порезанную кожу возле ногтя. Элиас видел, как края маленькой ранки разошлись, но мужчина будто не чувствовал боли.

— В прошлый раз, когда она ушла, — сказал Петер тихо, — я тоже знал, что она не вернётся.

Элиас не успел спросить, что это значит. Петер сидел, уставившись в руки, и было ясно, что следующую фразу придётся ждать. За потолком снова скрипнула ступень. Возможно, Лаура слушала из коридора. Возможно, дом просто был старым.

— Когда был этот прошлый раз? — спросил Элиас.

Петер открыл рот и закрыл. Покачал головой.

Элиас оставил в блокноте свободную строку. Они ещё вернутся к этому. Пока инспектор мог записать лишь то, что действительно прозвучало, без предположений о чужом прошлом.

. . .

После полудня в управлении пахло разогретыми обедами и мокрыми рукавами курток. В коридоре переговаривались двое патрульных; один пытался достать из принтера лист, застрявший поперёк лотка. Бумага порвалась, и он произнёс слово, которого Элиас не стал бы повторять при начальнике. На стене у лифта ещё висело объявление о пожарных учениях, расползшееся по углам от сырости.

Элиас принёс из Кулосаари записи о времени ухода Анны, о разговоре по телефону и о словах мужа. На первой странице блокнота стояло: «19:30 — приблизительно». Рядом: «сумка — не помнит», «телефон — не видел». Эти последние два ответа были куда менее удобны для ориентировки, чем могли показаться человеку, не ищущему пропавших: проверка личных вещей могла показать, что женщина действительно взяла с собой, а что осталось дома. Он направил коллегам просьбу уточнить это во время согласованного осмотра, не устраивая в квартире лишнего движения.

Разговор с Лаурой он отделил от показаний Петера. Записал фразу «Я приду» дословно и рядом поставил вопросительный знак возле времени звонка. Девочка не знала, кто был на

другом конце, и не могла знать, что этот человек говорил. Её плачущую мать Элиас тоже не собирался превращать в свидетельство угрозы. Дети подслушивают взрослых чаще, чем взрослым хотелось бы; услышанное может быть точным и при этом означать совсем не то, что им кажется.

Он передал информацию о несовершеннолетних свидетелях сотруднику, который должен был организовать отдельные беседы. С Лаурой следовало поговорить до того, как дом наполнится советами родственников и собственными объяснениями отца. С девятилетним Микко — тоже, но без спешки и без вопросов, подсказанных чужими догадками.

На отдельном листе Элиас выписал:

ПЯТНИЦА, 11 НОЯБРЯ. ОКОЛО 19:30 — СО СЛОВ ПЕТЕРА.

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР — СО СЛОВ ЛАУРЫ. ВРЕМЯ НЕ УСТАНОВЛЕНО.

ОБРАЩЕНИЕ В ПОЛИЦИЮ — ПОНЕДЕЛЬНИК, 14 НОЯБРЯ, УТРО.

Это выглядело почти смешно: три строки, которыми ещё нельзя было заполнить даже один день. Но если что-то изменится позже, именно к ним придётся возвращаться. Он помнил дела, где ошибка в полчаса успевала превратиться в безупречное алиби, потому что её слишком много раз переписывали из одного рапорта в другой.

Петер сказал: «В прошлый раз, когда она ушла, я тоже знал, что она не вернётся». Элиас не исправлял эту фразу на удобное «она уходила раньше». В словах мужа было какое-то различие, а какое — пока никто не объяснил. Возможно, речь шла о разлуке, после которой супруги помирились. Возможно, о совсем другой истории. Инспектор не собирался делать из неё сенсацию до следующего разговора.

Он включил настольную лампу. Снаружи свет неяркого дня уже стал серым; под потолком в коридоре кто-то погасил одну лампу, чтобы перестала мигать. Виртанен сдвинул мокрые рукавицы коллеги с общей батареи, положил рядом свой шарф, вернулся к столу.

В 14:17 на служебный телефон поступило сообщение из группы, продолжавшей осмотр дома Линдов. В спальне, за задней стенкой шкафа, обнаружили старую фотографию. Криминалист указал место находки и сообщил, что снимок зафиксирован до изъятия. Элиас попросил прислать изображения лицевой и оборотной сторон, а оригинал сохранить в соответствующей упаковке.

Фотографии пришли через несколько минут.

Сначала он увидел воду. Светлое озеро, низкий берег, гладкую полосу неба над деревьями. Затем людей: пять женщин стояли плечом к плечу, почти одинаково щурясь на солнце. Две обнимались, третья держала руку у груди — может быть, поправляла цепочку. У четвёртой выбилась прядь волос. Пятую он узнал не сразу. Анна Линд — моложе, чем на снимке из ориентировки, с тем же разрезом глаз и упрямой складкой возле губ. Она смотрела не прямо в камеру. На лице было что-то от сдерживаемой улыбки, словно кто-то рядом говорил не вполне подходящую для фотографии глупость.

Ни одна из женщин не выглядела испуганной. Элиас специально заставил себя это отметить: после истории с вырезанной фигурой соблазн находить угрозу на каждой старой бумажке был слишком велик.

На обороте стояла дата: «18 июля 1991 года».

Двадцать лет. Если дата верна, Анне было около двадцати. Он открыл учётные сведения и пересчитал ещё раз — не потому, что не умел вычитать, а потому, что в этот момент важно было не перепутать проверенный возраст с возрастом, который женщина могла назвать при знакомстве. Полицейские данные подтверждали лишь, что такое лицо могло принадлежать ей. Они ещё не подтверждали, когда сделан сам отпечаток и кем проставлена дата.

Он приблизил нижний край изображения.

Слева, почти за пределами кадра, была детская рука. Ладонь и несколько пальцев. Ребёнок не попал в объектив, и невозможно было определить ни пол, ни возраст по одному этому

фрагменту. Рука могла тянуться к женщине. Могла оказаться там случайно, если ребёнок бежал мимо фотографа.

Элиас проверил увеличение ещё раз. Вместо пальцев появились серые квадраты пикселей. Он вернул исходный масштаб.

Позвонил криминалисту.

— Виртанен. Снимок получил. Мне нужен оригинал для сравнения и нормальная копия оборота. Есть возможность установить тип бумаги, следы обрезки, другие отпечатки с того же негатива?

— С бумагой посмотрим. Негатива у нас нет, если он вообще сохранился.

— Понимаю. Ещё люди на фотографии. Нужно установить всех, не только Анну.

— Мы уже сделали общие кадры. Отдельные крупные планы подготовим.

— Внизу есть детская рука. Не забудьте включить её в описание.

— Там почти ничего не видно.

— Так и напишите. Я не прошу угадывать, чья она.

После разговора он убрал трубку и ещё некоторое время рассматривал женщин. Пятеро, двадцать лет назад. Не факт, что близкие подруги. Не факт даже, что все знали друг друга хорошо. И всё же кто-то берег этот снимок настолько, чтобы спрятать его за шкафом. Почему Анна хранила его там, где не нашёл бы муж? Или снимок спрятала не она?

Элиас записал эти вопросы отдельно. Ответов пока не было.

Он вернулся к фотографии Анны для ориентировки. Летний свет на одном снимке и на другом был разным: в первом случае она стояла одна, взрослой женщиной, уже матерью двух детей, во втором — среди людей, чьи имена следствие только собиралось выяснить. Он подумал, что люди способны годами хранить отдельные части собственной биографии в разных комнатах. А иногда их за них прячут другие.

Телефон зазвонил. Внутренняя линия.

— Виртанен.

— Лахти. У старых портовых складов нашли тело женщины.

Элиас подвинул блокнот ближе.

— Личность?

— Пока нет. Осмотр идёт. Туда уже выехали наши.

— Почему ты звонишь мне?

Юкка ненадолго отвлёкся. На заднем плане кто-то назвал номер телефона и попросил повторить. Потом комиссар снова заговорил:

— При погибшей обнаружили фотографию.

Элиас перестал листать записи.

— Какую?

— Пять женщин на берегу озера.

Он посмотрел на открытый файл. Женщины всё ещё стояли в ряд, в том жарком июльском дне, который существовал двадцать лет назад и ничего не знал о понедельнике в полицейском управлении.

— Это тот же отпечаток?

— Не знаю, — сказал Лахти. — Композиция совпадает. О сравнении бумаги и изображения будем говорить после работы лаборатории.

— Снимок из дома Линдов у меня на экране. Отправь на место осмотра его данные и номер изъятия, если ещё не сделали.

— Сделаем. Ты поедешь?

— Сейчас.

Элиас выключил монитор, взял пальто и проверил карман с блокнотом. Вопрос о том, кто мог прийти на встречу с Анной, не исчез. К нему прибавилась мёртвая женщина, найденная у

воды, и фотография, похожая на ту, которую кто-то прятал за шкафом. Сходство ещё ничего не доказывало. Игнорировать его тоже было нельзя.

На лестнице от приоткрытого окна тянуло холодом. Из двора донеслось несколько коротких ударов: кто-то сбивал грязный снег с подошв о металлическую решётку, хотя снег здесь почти сразу таял. Элиас прошёл площадку и остановился. Вернулся к подоконнику, раскрыл блокнот на странице со снимком.

Под записью «ПЯТЬ ЖЕНЩИН. 18.07.1991 — ДАТА НА ОБОРОТЕ» он написал:

«Кто стоял за камерой?»

Закрыл блокнот. Внизу хлопнула наружная дверь, и на лестницу пахнуло дождём и мокрым асфальтом. До стоянки было всего несколько десятков шагов.

Глава 2. Человек у пристани

Хельсинки. Понедельник, 14 ноября 2011 года.

До старых портовых складов Элиас добирался дольше, чем рассчитывал. На развязке у гавани перекрыли полосу, и машины по одной вылезали из узкого проезда, пропуская грузовик с поднятым кузовом. Водитель фургона впереди дважды выходил посмотреть на колёса, хотя проблема была не в них. Когда наконец удалось повернуть к воде, на приборной панели мигало предупреждение о низком уровне топлива. Утром Элиас его заметил и решил заехать на заправку по пути домой.

Теперь это было некстати.

Он поставил машину за патрульным автомобилем, где проезд ещё оставался свободным. Ветер дул с залива не порывами, а почти без перерыва. По бетону катились мелкие сухие снежинки, застревали в трещинах, таяли возле канализационного люка. От ближайшего причала тянуло дизельным топливом и водорослями. Элиас застегнул пальто до горла, достал из кармана удостоверение и направился к ленте.

Молодой патрульный пытался привязать её к стойке с облупившейся краской. Узел развязывался всякий раз, когда он убирал пальцы. Полицейский посмотрел на подошедшего мужчину, перевёл взгляд на удостоверение и отступил.

— Где вход для группы осмотра?

— Со стороны склада. Там по чистому участку, — патрульный показал за угол. — Только осторожно, справа ещё следы снимают.

— Людей от воды убрали?

— Рыбака посадили в машину погреться. Двое рабочих хотели пройти к своему контейнеру. Им объяснили.

Элиас кивнул и обошёл склад. Здесь бетон был покрыт старой краской, которая отходила чешуйками. Под стеной лежала пластиковая стяжка и обрывок упаковочной ленты. В обычный день никто бы на них не посмотрел. Сегодня каждый предмет приходилось обходить, пока криминалисты не закончат с общими снимками.

На открытом участке уже работали трое. Один ставил шкалу рядом с отпечатком подошвы. Второй делал фотографии, придерживая локтем капюшон куртки, чтобы тот не съезжал на объектив. Третий, стоявший чуть дальше, узнал Элиаса и поднял руку.

— Виртанен. Нам сказали, что приедешь.

Это был Кари Лехтинен, криминалист, с которым они пересекались во время двух расследований в прошлом году. Кари редко говорил больше необходимого. Сейчас его нос покраснел от ветра, а в уголке рта застряла белая нитка от одноразовой маски.

— Начните с того, где её нашли, — попросил Элиас.

Кари показал на открытое место в нескольких метрах от края пристани.

Женщина лежала на спине. Правая рука чуть отведена от тела, левая согнута в локте. Тёмные туфли с низкими каблуками были суховатыми на подъёме и грязными по бокам; ни для мокрого бетона, ни для прогулки у воды такая обувь не годилась. Пальто расстёгнуто, один край подогнулся под бедро. Светлая блузка выбилась из-под пояса. Волосы прилипли к виску — то ли от снега, то ли от прежней влаги. Лицо Элиас узнал бы не сразу, даже если бы видел эту женщину раньше.

Он остановился там, где проходила отметка группы осмотра.

— Кто обнаружил?

— Рыбак. По его словам, около двух часов. Точное время звонка уже взяли у дежурной службы. Подошёл с дальнего причала, сначала решил, что это манекен.

— Утром он здесь был?

— Говорит, да. Тела не заметил. Но пока не установили, с какого места он смотрел и что отсюда вообще видно.

— Протокол его объяснения готов?

— Первичный — да. Он ещё на месте. Можешь поговорить после осмотра, только не у тела.

Элиас вынул блокнот. «Не заметил» не значило «не было». Рыбак мог прийти иной дорогой. Мог торопиться к воде. Иногда человек давал добросовестный ответ на вопрос, который понял не так, как полицейский.

— Камеры?

— У въезда есть старая, — ответил Кари. — Работает ли, никто не знает. У склада, похоже, ничего. Патруль уже запросил владельца территории.

— Отметьте обзор и часы записи, если она существует. Потом сравним с действительным временем. Не хочу получить красивую хронологию из камеры, которая спешит на сорок минут.

Кари посмотрел на него поверх маски.

— Ты ещё не видел тело, а уже споришь с видеозаписью.

— Запись хотя бы может ответить.

Они подошли ближе по обозначенному проходу. Элиас надел перчатки, но не опустился рядом с погибшей, пока Кари не показал, где уже закончили съёмку. По шее женщины поверх воротника ничего определённого видно не было. На ресницах оставались крохотные капли. Левая кисть лежала ладонью вниз; на коже возле большого пальца темнело небольшое пятно.

— Документы?

— Ни одного. Монеты, обычный ключ и автобусный билет. Всё задокументировали отдельно. Телефона при ней нет.

— Билет какой?

— Сейчас не буду угадывать маршрут. Его упаковали, номер и печать проверят в помещении.

— Правильно.

Элиас оглядел одежду. Ничего такого, что сразу объясняло бы, почему женщина оказалась здесь. На внутреннем шве пальто торчала светлая нитка. И это ничего не объясняло тоже.

— Первое заключение по времени смерти?

— Очень широкое окно, — сказал Кари. — По тем признакам, что успели оценить, кто-то назвал шестнадцать—девятнадцать часов. Я бы не записывал это как время смерти. У воды холодно, а мы не знаем, где она находилась до обнаружения.

Элиас всё-таки записал цифры и обвёл их словом «предварительно». Если они хоть приблизительно верны, речь шла о предыдущем вечере, воскресенье тринадцатого. Но число, занесённое в рапорт слишком рано, имело неприятное свойство превращаться в точный факт при каждом следующем пересказе.

Если отнять эти шестнадцать—девятнадцать часов от предполагаемого времени обнаружения тела, получался широкий участок между девятнадцатью и двадцатью двумя часами накануне. Элиас не подчёркивал результат: даже исходный момент осмотра ещё предстояло сверить, а охлаждение возле воды делало такой обратный счёт особенно ненадёжным.

— Повреждения?

— Пока осмотр неполный. Салонен едет. Но есть то, ради чего тебя вызвали.

Кари вынул фотоаппарат из защитного чехла и открыл несколько кадров. На первом была правая кисть погибшей до перемещения каких-либо предметов. Между пальцами находилась старая фотография. На следующем — кадр крупнее, со шкалой и номером. Третий показывал уже изъятый отпечаток, лежавший на чистой подложке.

Пять женщин у озера.

Элиас успел рассмотреть их в кабинете. Там изображение было увеличено до грубых пикселей, а рядом лежали полицейские материалы об исчезновении Анны Линд. Здесь фотография имела обычный размер, как снимки из семейного альбома. На таком могли оставлять отпечатки пальцев дети, могли писать даты на обороте. Могли прятать его двадцать лет, а потом достать в самый неподходящий момент.

— Положение руки не меняли до съёмки?

— Нет. Рыбак утверждает, что тело не трогал. Сотрудники его тоже не трогали до фиксации. Снимок изымали уже после общих и детальных кадров, в отдельной упаковке.

— Протокол передачи и номера есть?

— Всё оформляется. Дам копии, когда закончим.

— Что по сравнению с тем снимком, который обнаружили у Линдов?

Кари увеличил участок с лицами.

— Композиция совпадает. Одна и та же группа, то же положение рук, фон. Похоже, оба отпечатка получены с одного исходного изображения. На вид бумага различается, но возраст я по экрану не устанавливаю. Скажу отдельно: это пока визуальное сравнение. Нужны оригиналы, сканирование и лаборатория.

— Снимок из дома уже отправлен?

— Да. Данные изъятия нам передали.

Элиас попросил открыть первый кадр снова. Палец погибшей был согнут так, что краешек бумаги заходил под ноготь. Не было ясно, держала ли она фотографию до смерти, пыталась сохранить её или кто-то вложил снимок в руку уже после. Элиас не стал спрашивать Кари, чего тот придерживается. У криминалиста пока было столько же оснований для любой из версий.

— На отпечатке есть следы воды?

— Видимые — да. Но он лежал на открытом воздухе. И не исключено, что мокрым был раньше. Будем исследовать.

По соседству заработал двигатель грузовой машины. Один из работников порта, не дождавшись разрешения проехать, раздражённо жестикулировал из кабины. Патрульный пошёл к нему, пригибая голову от снега.

Элиас взглянул на женщину. Около пятидесяти, на первый взгляд. Возможно, кто-то уже обзванивал больницы и знакомых. Возможно, пока никто даже не знал, что она не вернётся.

— Следы у склада?

Кари повёл его вдоль стены. Крупные отпечатки шли от служебного входа в сторону открытой площадки; в нескольких местах рядом виднелись перекрывающиеся следы. Часть успел испортить талый снег. Кари показал два участка, на которых рисунок протектора ещё читался.

— Обувь не её. Размер больше. Есть возможность снять пригодные образцы. Но направление движения по этому фрагменту я бы пока не назначал. Тут могли ходить до неё и после.

— Служебный вход открывается?

— Проверяют. Замок старый. Следов взлома на виду нет. Это тоже ничего не гарантирует.

Элиас посмотрел на фанеру вместо стекла в одном из окон. Чуть дальше, под козырьком, лежала мокрая коробка из-под деталей. Здесь было удобно ждать незаметно для человека, который подходил со стороны дороги. Или прятаться от ветра без всякой преступной цели.

— Кто из местных работал вчера вечером?

— Список смен запросили. Сначала установим, кто вообще имел доступ.

— И не отбрасывайте тех, кто приходит сюда без разрешения. Рыбаки, сторожа, водители.

— Я собирался, — сказал Кари и убрал аппарат в чехол.

Внизу у причала один из спасателей проверял пространство между бетонными опорами. Элиас подошёл к ограждению. Ветер гнал по воде короткую грязноватую рябь. Издали поверхность казалась почти чёрной, но возле стенки проступала мутная зелень, и в ней плавал обрывок серого полиэтилена.

Он не знал, привезли ли погибшую сюда, пришла ли она сама и встречалась ли с человеком, который оставил следы обуви. Любое предположение могло объяснить отдельную деталь; ни одно — всё сразу.

Фотография связывала место у пристани с квартирой семьи Линд. О способе этой связи пока никто не имел права говорить уверенно.

. . .

Микаэль Салонен приехал, когда Элиас заканчивал разговор с рыбаком у патрульной машины. Мужчина, обнаруживший тело, был в старой куртке с вытертыми локтями. На коленях у него лежала шапка. Он дважды повторил, что ничего не трогал, и Элиас оба раза сказал, что услышал.

— Вы пришли с дальнего причала, верно?

— С того, где раньше ставили сетки. Теперь там одни доски. Я всегда там начинаю.

— А утром?

— Тоже был. На час, может меньше. Меня дома ждали.

— Вы в это место заглядывали?

Рыбак сжал шапку.

— Не знаю. Я смотрел на воду. Там ничего не было. По крайней мере, я ничего не видел.

Он сам поправил свою прежнюю фразу. Элиас поставил в блокноте маленькую черту рядом с утренним посещением: проверить отдельно.

— Время вы уточните, пожалуйста. По телефону, кассовому чеку, любому делу, которое делали до или после рыбалки. Мы попросим вас дать подробные показания в отделении.

— Думаете, это я?

— Я думаю, что вы нашли человека, которого уже нельзя спросить. Пока нам нужны ваши часы и маршрут.

Рыбак растёр холодные пальцы, потом неловко сунул шапку под мышку.

— Я могу позвонить жене? Она не знает, где я задержался.

— Можете. Сотрудник подскажет, когда подойдёт ваша очередь для оформления.

Элиас вышел из машины, оставив дверцу приоткрытой на минуту, чтобы выветрился тяжёлый запах старого салона и рыбачьей одежды. К этому моменту Салонен уже открывал багажник своей машины. Судебно-медицинский эксперт вынул потёртый чемодан, проверил застёжку и поднял воротник куртки.

Ему было около пятидесяти. Невысокий, плотный, с коротко стриженными редеющими волосами и усталым круглым лицом, он выглядел так, словно в любой момент может попросить тишины и начать читать лекцию. На самом деле Микаэль обычно просил дать ему поработать и не выдумывать причин смерти до вскрытия.

— Не нашлось места с отоплением? — спросил он.

— Мы рассматриваем перенос всей гавани в помещение.

— Поставь меня в список тех, кто подпишет.

Салонен передал дежурному номер автомобиля для регистрации прибытия и направился к обозначенной дорожке. Элиас пошёл рядом. Ветер тянул холод под манжеты, и правая кисть уже плохо сгибалась. Он спрятал её в карман, стараясь не касаться перчаткой блокнота.

Эксперт сначала выслушал криминалиста: положение тела, какие действия проводились, что изъяли, кто приближался к площадке. Затем присел у погибшей и попросил дополнительный свет. До прикосновения к одежде он изучил лицо и кисти, а потом осторожно приподнял воротник.

— На сколько выглядит? — спросил Элиас.

— Около пятидесяти. Или немного больше. Установим. Внешность плохо переносит холод, смерть и плохое освещение.

— Есть версия, что она умерла вчера вечером.

— Версия на основании чего?

— Предварительная оценка на месте. С большим разбросом.

— Вот и оставь её с разбросом. Температура тела в таких условиях не часы, которые можно перевести назад.

Микаэль наклонился чуть ближе. Под воротником, над линией ключиц, обнаружилась узкая красноватая полоса. Она уходила к боковой поверхности шеи и терялась в складке одежды. Элиас увидел её только после того, как эксперт изменил положение света.

— След давления?

— Возможно. Узкий предмет, край одежды, что-то другое. Надо осмотреть всю окружность и мягкие ткани. Сейчас не называй это следом удавки в рапорте.

— Я ещё не успел.

— Успеешь, если я отвернусь.

Салонен не улыбнулся. Попросил Кари снять дополнительные кадры, назвал угол и расстояние, затем перешёл к левой кисти. У основания большого пальца оставалось синее пятно с неровной границей.

— Что это?

— Красящее вещество, на первый взгляд. Может, чернила. Может, краска. Заберём образец и посмотрим, есть ли связь с поверхностью, одеждой, чем-нибудь из вещей.

Элиас подумал об автобусном билете, который неизвестная могла держать в руке, о старых штампах, о чужом рабочем столе. Все эти вещи подходили к пятну примерно одинаково плохо. Он закрыл блокнот, не успев записать ни одну.

Салонен повернул ладонь и осторожно расправил пальцы. На безымянном пальце была светлая полоска кожи.

— Здесь, похоже, носили кольцо.

— Недавно сняли?

— Этого ты от меня сейчас не услышишь. Срок по одной полоске не устанавливают. И кто снял — она или другой человек — тоже не скажу.

— Но кольца при ней нет.

— Это уже факт из осмотра вещей. Не из моих догадок.

На краю площадки Кари менял карточку памяти. Кто-то попросил у патрульного новую упаковку бахил. Обычные рабочие фразы шли одна за другой, не понижая голоса из-за присутствия умершей. Элиас хорошо знал эту привычку. Иначе никакую работу рядом с мёртвыми людьми сделать не удалось бы.

— Что по утоплению? — спросил он.

Салонен выпрямился.

— Ты опять решил, что вода здесь главный участник?

— Я спрашиваю, исключаешь ли.

— Пока ничего не исключаю. Вскрытие покажет больше, чем разговор на причале. Не путай место обнаружения с местом смерти.

Эксперт ещё несколько минут диктовал замечания. Элиас отошёл, чтобы ему не мешать. За складами с металлическим грохотом хлопнула дверь. Кари посмотрел в ту сторону; охранник, пытавшийся закрыть проход, махнул рукой. Звук был совершенно понятный, но Элиас всё равно поймал себя на том, что мгновенно обернулся.

От этой привычки уставали мышцы шеи. Врач однажды сказал ему, что мало кто так внимательно следит за обычными дверями и потом удивляется постоянной боли в затылке.

Он вернулся к патрульному.

— Сообщите, когда оформят транспортировку. Мне понадобятся список всех, кто входил в ограждение, копии первичных кадров и сведения о вещах. И время вызова, не только рассказ рыбака.

— Понял.

— Фотографии с места не раздавайте никому вне группы до регистрации. Их и так слишком много в этом деле.

Патрульный хотел что-то спросить, но передумал. Элиас видел, что молодой человек поглядывает на тёмную фигуру у воды. Ему не требовалось объяснять, почему тот задерживает взгляд.

Возвращаясь к машине, Элиас остановился у заднего колеса. На шине застрял острый камешек. Он зачем-то выковырял его носком ботинка, прислушался к лёгкому щелчку и лишь потом сел за руль.

. . .

К вечеру дорога в центр почти остановилась. Автомобили продвигались по нескольку метров, включали стоп-сигналы и снова стояли. В соседнем автобусе пассажир в рабочей куртке спал, упершись лбом в стекло. На остановке женщина пыталась застегнуть молнию ребёнку, а тот сердился и вертелся. Элиас смотрел на светофор, который уже третий раз менял цвет, не успевая пропустить очередь.

В кармане завибрировал телефон. Лахти. Элиас включил гарнитуру, не снимая рук с руля.

— Как место?

— Открытая пристань, следы обуви у склада, женщина без документов. Снимок есть. Сходство с фотографией Линдов предварительное, происхождение не установлено.

— Медик?

— Не назвал причину смерти. Есть отметина на шее, пятно на руке и след от кольца. Всё требует исследования.

— Личность?

— Ждём. Отпечатки и сведения о пропавших передали на проверку.

Впереди загудели. Элиас снял ногу с тормоза, проехал несколько метров и снова остановился.

— И ещё, Юкка. Не своди дело Линд к убийству, пока мы даже не установили, кто лежал у воды.

— Я этого не делал.

— Тогда скажи остальным. Вон у патрульных уже начинают говорить про одну историю.

— Передам. Ты когда вернёшься?

— Судя по светофорам, после окончания следствия.

Лахти на это не ответил. Отключился, как обычно, без прощания.

В отделении пахло нагретой пластмассой копировальной машины. За столом дежурного стояла коробка с новыми картриджами; её никто не унёс, потому что дверь подсобки опять заедала. Элиас взял папку с первым набором материалов по пристани, расписался за копии и поднялся на этаж.

На столе всё ещё стояла чашка утреннего кофе. Поверхность затянулась тёмной плёнкой. Элиас вынес её к раковине, вылил содержимое и долго промывал под краном, пока от стенок не отстала коричневая полоска. Вернулся, не успев снять влажное пальто.

— Значит, слухи о вашем питании кофе не преувеличены.

Женщина, сказавшая это, стояла в дверях с несколькими листами под мышкой. Лет тридцати пяти, среднего роста, волосы светло-каштановые, собраны так туго, что видны были мелкие пряди у висков. Тёмно-синее пальто на плечах ещё не высохло. На левом рукаве расплыва-

лось пятно от воды. Она держалась прямо, но не напряжённо, как человек, привыкший входить в чужие кабинеты по делу.

— Простите, мы знакомы?

— Софи Коскела. Меня перевели в ваш отдел сегодня утром. Служебное уведомление, вероятно, лежит у вас в почте.

Элиас взглянул на экран, где за непрочитанными письмами скрывалось рабочее окно. Последнее сообщение от кадровой службы действительно было там.

— Лахти мог сказать мне лично.

— Мог. Но за два часа, что я здесь, я уже поняла: если он не говорит, то, по его мнению, вы и так должны знать.

Элиас убрал пальто со спинки стула.

— Надолго?

— Пока не закончим с распределением. Сейчас — к вам. Я принесла материалы по Анне Линд.

— Вы успели их прочитать?

— Утром мне дали копию. Там не всё, что хотелось бы видеть.

— Редкое замечание для первого дня.

Софи положила бумаги на свободный край стола. На них были карандашные пометки и тонкие закладки из обычной офисной бумаги. Она не села, пока Элиас не подвинул к ней стул. Под пальто оказался серый джемпер, на котором сбоку торчала короткая нитка.

— Петер Линд что-то не сказал при первом разговоре, — произнесла она. — Но я бы не начинала с вывода, будто он причастен к исчезновению.

— Я тоже не начинал.

— Тогда хорошо. За последний год Анна меняла номер телефона трижды. Дважды посещала «Медика Норд». За месяц до исчезновения со счёта сняли девять тысяч евро наличными. Муж говорит, что об этих деньгах ничего не знал.

— Мы проверили выписку?

— Есть банковский документ в переданных материалах. Нужна полная история операций и основание для доступа к ней в рамках дела. Я подготовила запрос на согласование.

Элиас прочитал обозначение даты.

— Вклад закрыла или сняла со счёта?

— В выписке значится снятие наличных. Остальное пока не известно. Петеру предъявили сумму, он сказал, что не помнит такого разговора.

— «Не помню» или «не знал»?

— В первичном протоколе записали «не знал». Я бы уточнила у него дословно. У этих фраз разная цена.

Элиас посмотрел на неё внимательнее. Не из-за того, что она возражала. Важно было, что Софи не пыталась немедленно придать находке значение.

— Что ещё?

— Клиника. У нас есть отметки о визитах, но нет медицинских данных. И сам факт посещения ничего не говорит о причинах. Я бы сначала проверила даты и то, кто их вносил.

— Верно. По телефонам — запрос через установленную процедуру, отдельно от предположений. Как и по карте.

Софи кивнула. Достала из папки распечатку фотографии у озера и положила перед ним. Не на чашку, как обычно делали приходившие в спешке сотрудники, а на пустую часть стола.

— Я просмотрела изображение. Женщина в центре смотрит чуть правее камеры. Остальные — прямо. Возможно, её окликнули, возможно, она заметила движение. Но посмотрите на запястье.

Элиас наклонился. На распечатке едва различалась тонкая цепочка с круглой подвеской. От света на бумаге она почти пропадала.

— Браслет?

— Похоже. На старой фотографии моей матери есть похожий.

Софи не торопилась продолжать. Большой палец её левой руки упирался в основание другого пальца так сильно, что ноготь побелел.

— Вы думаете, это один и тот же предмет?

— Я думаю, что мне надо достать тот снимок и сравнить. И попросить эксперта, а не выдавать семейное воспоминание за идентификацию.

— Ваша мать была знакома с Анной Линд?

— Не знаю. Я не знала, что эта фотография вообще существует.

— Как зовут мать?

— Мария Коскела.

Элиас повторил про себя фамилию. Слишком распространённую, чтобы сама по себе что-нибудь объяснять.

— Вы можете связаться с ней?

Софи откинула волосы за ухо. Рука опустилась не сразу.

— Нет. Она исчезла в тысяча девятьсот девяносто первом.

В соседнем кабинете кто-то громко спорил с принтером. Слышался скрип роликов и шуршание смятой бумаги. Элиас подождал, пока машина затихнет.

— Вы сообщили об этом при переводе?

— В личном деле есть запись. Но связь с нынешним расследованием я увидела только сегодня.

— Нам придётся оценить конфликт интересов. До решения начальства вы не должны самостоятельно проверять материалы, связанные с исчезновением вашей матери.

— Согласна. Впрочем, они теперь пересекаются с материалами Линд, а я не могу сделать вид, что не заметила браслет.

— Не можете. Но сразу зафиксируем, что именно заметили и когда.

Элиас взял чистый лист, коротко записал слова Софи и время разговора. Повернул запись к ней, чтобы она могла проверить формулировку. Та поправила одно слово — вместо «совпадает» написала «напоминает».

— Так точнее, — сказала она.

— Гораздо.

Она почти улыбнулась, но сразу убрала руку с края стола.

— Лахти знает, почему меня перевели именно сюда. Возможно, лучше спросить у него раньше, чем мне поручат что-нибудь ещё.

— Спрошу.

Софи поднялась, взяла пальто и на секунду остановилась у двери.

— Есть ещё одна вещь. Женщину из порта я, кажется, видела на другой фотографии. Не на той, что у озера.

— Где снимок?

— В семейных вещах. Мне надо найти оригинал. Я не хочу описывать лицо по памяти, тем более после того, как увидела сегодняшние материалы.

— Вы говорите, что знаете погибшую?

— Говорю, что не могу это исключить. Пока только это.

Элиас хотел предложить ей остаться, но понял, что не имеет права удерживать сотрудника в кабинете в роли свидетеля без ясной причины. Он договорился, что она передаст возможную фотографию официально, а вопросы о её работе решит Лахти.

Когда дверь закрылась, Элиас набрал номер комиссара. Разговор оказался коротким. Лахти подтвердил перевод Софи и признал, что не успел обсудить его с Элиасом. Причин такого решения по телефону не объяснил. На просьбу оценить участие Коскела в деле, где могли возникнуть её личные интересы, сказал прислать служебную записку до утра.

Элиас открыл пустой документ. Первую фразу пришлось переписать три раза, чтобы не прозвучало обвинение в адрес самой Софи. Наконец он написал о необходимости процессуального разграничения — свидетельские сведения отдельно, служебная работа отдельно. Сохранил, отправил.

И только тогда заметил, что на пальцах остался слабый запах моющего средства от чашки. Ужин он так и не заказал.

. . .

Сообщение о предварительном установлении личности пришло поздно вечером. Дежурный криминалист позвонил, когда Элиас сравнивал номера архивных дел и пытался понять, почему на одном из старых бланков фамилию вписали поверх машинописной строки.

— Есть совпадение по отпечаткам, — сказал собеседник. — Ингрид Сааринен. Пятьдесят один год. В регистрационных сведениях последний адрес — Эспоо. Была замужем, есть сын. Раньше работала в бухгалтерской фирме.

— Уровень подтверждения?

— Система дала совпадение, специалист провёл первичную сверку. Оформленное подтверждение и личное дело будут следом. До формального установления личности в заключениях поставьте «предположительно».

Элиас обвёл имя в блокноте.

— Заявление об исчезновении?

— Три дня назад муж обращался в полицию. Мы сверяем запись и время обращения. Номер дежурного материала сейчас отправлю.

— Нужны исходные отпечатки, сведения об опознании и документ, который объясняет, почему она была в базе. И связь с участниками снимка — не определяйте её только на глаз.

— Отправим по обычному каналу.

Он положил телефон рядом с клавиатурой, чтобы не потерять новое сообщение среди остальных. Ингрид Сааринен. Имя, которое прозвучало днём, теперь получило возраст, адрес и сына. Не биографию. Пока только строки.

Поиск по старым материалам неожиданно вывел карточку от восемнадцатого ноября 1991 года: исчезновение женщины с тем же именем и фамилией. Пригород Хельсинки. Личные вещи оставлены дома. Дело закрыто без установленных признаков преступления.

Элиас несколько секунд смотрел на дату. Потом открыл страницу полностью. В самой карточке не было ясного объяснения, когда женщина вернулась, где её нашли и кто убедился, что она жива. Между давним исчезновением и нынешним адресом в Эспоо зиял пробел, заполненный административными строками, но не фактами.

Могли существовать дополнительные материалы, не перенесённые в электронный архив. Могли оказаться две разные Ингрид Сааринен. Могли ошибиться при объединении карточек. Для каждой версии требовались документы, а не ощущение необыкновенного совпадения.

Он запросил бумажное дело и сведения об основании закрытия. Достал распечатку снимка из дома Линдов. На нём, среди пяти женщин у озера, была женщина, чьи черты напоминали молодую Ингрид из архивного изображения. Совпадение лиц не было подтверждено; Элиас отметил это рядом с именем.

Он позвонил в дежурную часть с просьбой не передавать информацию родственникам до установленного порядка оповещения и окончательной идентификации. Сотрудник на другом конце ответил сухо, но согласился сверить, кто уже контактировал с семьёй.

В кабинете стало душно. Элиас открыл окно на ширину ладони, и лист с неполученным ответом из клиники зашевелился под скрепкой. С улицы доносились шины и голоса людей, выходивших из бара на углу. Один мужчина долго не мог найти в карманах ключи. Другой смеялся, слишком громко для позднего часа. Элиас закрыл окно.

На часах было 22:16, когда он заметил человека на противоположной стороне улицы.

Высокий мужчина в длинном тёмном пальто стоял под фонарём без зонта. Свет падал ему на плечи, а лицо оставалось за полосой тени от козырька здания. Он смотрел в сторону полицейского управления. Элиас не мог утверждать, что именно в его окно: на этаже горело несколько кабинетов.

Мужчина сделал два шага, остановился. Потом повернул за угол.

Элиас поднялся так резко, что стул ударился о шкаф. Он схватил пальто, успел погасить настольную лампу и пошёл по коридору почти бегом. Дежурный внизу поднял голову от компьютера.

— Виртанен? Что случилось?

— Мужчина у здания. Тёмное пальто, высокий. Видел его на камере наружного наблюдения?

— Я сейчас…

— Проверь. Я выйду к улице. И запиши время.

За дверью холод ударил сильнее, чем у пристани. На тротуаре оставались редкие мокрые следы, машины проходили, разбрызгивая воду. Незнакомца не было. Элиас дошёл до угла, откуда открывался вид на остановку, и сразу вернулся. Выбегать наугад за человеком, которого он видел из окна меньше минуты, было бессмысленно.

У входа, на границе освещённой плитки, лежал белый конверт.

В нём могло быть что угодно. Реклама, случайно обронённая корреспонденция, сообщение для полиции. Элиас не стал трогать его. Достал телефон, вызвал дежурного и попросил ещё одного сотрудника зафиксировать место находки, подходы и возможные записи камер. Пока они фотографировали конверт рядом с дверью, он стоял у стены и чувствовал, как влажная ткань брюк липнет к коленям.

После фиксации конверт изъяли в перчатках и перенесли в помещение для безопасного осмотра. На белой бумаге не было адреса и почтовых отметок. Внутри находилась старая фотография.

Две женщины и маленькая девочка.

Одну женщину Элиас узнал: Анна Линд. Это требовало подтверждения, но сходство с её известными снимками было очевидным. Вторая женщина стояла чуть боком, положив руку на плечо ребёнка. Девочка держала обеих за руки, терпеливо, с напряжённой серьёзностью того возраста, когда взрослые долго ищут правильный свет и просят не шевелиться.

На обороте кто-то написал: «Она знает, кто из них настоящий».

Элиас попросил дежурного отдельно сфотографировать надпись. Ни конверт, ни фотография не имели пока известного отправителя. Мужчина у фонаря мог быть связан с находкой, но сам Элиас не видел, чтобы тот что-нибудь оставлял.

Он позвонил Софи. На третьем гудке она ответила.

— Коскела.

— Виртанен. Извините за время. У управления оставили фотографию, и мне нужно кое-что уточнить. На ней, предположительно, Анна Линд, другая женщина и маленькая девочка.

Софи ничего не сказала. Элиас слышал тихий шорох — то ли её рукав задел телефон, то ли она отошла от окна.

— Могу прислать изображение через служебный канал. Но сначала скажите: вам известно что-то о подобном снимке?

— Не описывайте девочку, — сказала она.

— Почему?

— Потому что я, кажется, знаю эту фотографию.

Он попросил её говорить медленнее и повторил последнюю фразу для записи.

— У нас дома висел снимок, — сказала Софи. — Мать называла его «три сестры». Я долго думала, что это просто семейное название.

— Там две взрослые женщины и ребёнок.

— Я помню.

— Кто третья сестра?

Она выдохнула. Слышно было, как что-то поставили на твёрдую поверхность.

— Я.

Связь прервалась.

Элиас набрал ещё раз. Телефон был недоступен. Он не стал немедленно объявлять это доказательством чего-либо. Софи могла выключить аппарат, войти в лифт или просто потерять сеть. Он записал точное время разговора, её слова и то, что не успел задать вопросов об источнике фотографии.

На снимке узкая полоска металла охватывала палец второй женщины. В слабом отражении казались заметными две светлые черты. Элиас попросил показать кадр под другой лампой. Черты остались, но от поворота бумаги изменили форму. Они могли быть буквами «Е. В.», а могли оказаться царапинами или дефектом изображения.

Его собственные инициалы.

Он заметил, что слишком долго стоит над снимком. Отошёл, дал криминалисту закончить упаковку и вернулся к окну дежурной части. Из кабинета на третьем этаже на улицу падал прямоугольник жёлтого света.

Элиас помнил, как выключил лампу, когда выходил. И всё же окно светилось. Возможно, в кабинете горело другое освещение, которое он не заметил; возможно, кто-то заходил после его ухода. Без проверки это была лишь странность.

— Посмотри журнал проходов на мой этаж, — сказал он дежурному. — И камеры коридора, если запись сохранилась. Время — начиная с двадцати двух шестнадцати. Никого не обвиняй, просто собери данные.

— Ты думаешь, туда кто-то вошёл?

— Не знаю.

Это было самое неприятное слово за весь день. Он произнёс его без раздражения. После мёртвой женщины у воды, двух похожих фотографий, исчезнувшей в девяносто первом Марии Коскела и чужих инициалов на кольце оно, по крайней мере, оставалось точным.

Элиас забрал блокнот, вернулся к лестнице и начал подниматься. На втором этаже кто-то оставил у батареи мокрый зонт. Вода стекала с наконечника и собиралась в маленькую лужицу. Он переступил её и пошёл дальше. На третьем этаже кто-то двигал стул по полу. Звук доносился из-за закрытой двери, но Элиас не мог определить, из какого кабинета.

Глава 3. Три сестры

Хельсинки. Вторник, 15 ноября 2011 года.
06:18

В шесть восемнадцать в коридоре управления ещё не включили половину света. У лестницы стояла тележка уборщицы с ведром серой воды; возле дверей следственного отдела сохли длинные полосы от швабры. Элиас прошёл по узкому сухому краю, стараясь не задеть оставленный у стены кабель. За ночь он успел поспать, по его подсчётам, минут сорок. Когда телефон завибрировал в кармане, он вздрогнул раньше, чем понял, что это всего лишь напоминание о совещании.

Кабинет он открыл собственным ключом. Прежде чем войти, посмотрел на дверь: наклейка с номером не повреждена, вокруг замка никаких явных следов. Он и не ожидал их увидеть. Вчера вечером лампа в комнате горела, хотя он помнил, что выключал её. Проверку журнала проходов заказал дежурному. Ответа ещё не было. Нельзя было превращать один горящий светильник в историю о проникновении — особенно теперь, когда отдел уже обсуждал подозрительный конверт у входа.

На столе лежала не сама фотография, а сделанная криминалистом копия: изображение обеих сторон на отдельных листах, номер регистрации и дата изъятия. Оригинал, полученный вчера из конверта, находился в опечатанном пакете. Элиас оставил его у специалистов. Иногда самым полезным действием следователя было не прикасаться к тому, что ему хотелось рассмотреть поближе.

Он включил настольную лампу, положил рядом линейку и придвинул к себе увеличенную распечатку. На снимке две женщины стояли по сторонам девочки; руки ребёнка были заняты чужими ладонями. Элиас уже попросил сравнить лицо одной из взрослых с фотографиями Анны Линд, но до заключения сходство оставалось только рабочей отметкой. Другая женщина положила руку на плечо девочки. Там, на безымянном пальце, был тонкий светлый ободок.

При первом просмотре две царапины показались буквами. Теперь, на бумаге из принтера, отчётливость исчезла. Стоило чуть изменить угол, и левая черта делалась короткой, правая сливалась с зерном изображения. «Е. В.» — так он записал вчера ночью. Его собственные инициалы. Он ненавидел, что успел это заметить прежде всех остальных деталей.

У мужчины, выросшего без ясного ответа о своём прошлом, было слишком много причин узнавать в случайных буквах собственную биографию. Но у дела имелись и более простые объяснения: брак, изготовитель кольца, плохо отпечатанный узор, повреждение негатива. На увеличенной копии нельзя даже установить, нанесены ли знаки на металл. Он подчеркнул в блокноте слово «предположительно».

На обороте копии была строка, написанная чужой рукой: «Она знает, кто из них настоящий».

Он долго смотрел на слово «них». На снимке три человека. Говорится о двух женщинах? О ребёнке и ком-то ещё? Или автор надписи не считал людей на фотографии теми, за кого они себя выдавали? В таком виде вопрос нельзя было заносить в рабочую версию. Он просто выписал точную фразу и отметил, что почерк и время нанесения ещё не исследованы.

Элиас позвонил криминалисту Кари Лехтинену, который вчера принимал материал.

— Ты хоть видел, сколько сейчас? — спросил Кари.

— Шесть двадцать четыре.

— Я заметил. Что случилось?

— По конверту успели завести отдельную карточку?

— Да. Оболочка, лист, отпечаток. Ничего не смешивали. Ключевые фотографии уже в системе. Если хочешь спросить о надписи на обороте, вчера я тебе ответил: её возраст на глаз никто не определит.

— Я о кольце. Есть возможность получить увеличение без программной дорисовки?

Кари шумно поставил что-то на стол.

— Увеличить можно. Вернуть детали, которых нет в исходном изображении, нельзя. Ты понимаешь разницу?

— Именно поэтому звоню тебе.

— Оставь запрос письменно. И укажи, что спрашиваешь не об идентификации человека, а о возможности различить знаки на предмете.

— Сделаю.

— И поешь. У тебя вчера руки тряслись не от холода.

Элиас не стал возражать. На столе стояла пачка крекеров, купленная ещё в воскресенье; один угол был раздавлен папкой. Он разломил сухое печенье пополам, взял со стола чашку и обнаружил в ней вчерашнюю холодную воду. Выпил. Потом открыл служебную форму запроса и вписал формулировку Кари почти дословно.

В дверь постучали костяшками пальцев — быстро, два раза. Софи Коскела вошла с двумя бумажными стаканами. С воротника её пальто стекла капля талой воды и повисла на краю шарфа. Вчера она оборвала разговор на словах «третья сестра — я», а затем её номер не отвечал. Сейчас она стояла так, будто пришла вовремя на обычную смену и не видела причин возвращаться к ночному звонку.

— Вас невозможно застать после семи и слишком легко найти до семи, — сказала она.

— Вчера я перезванивал.

— Знаю. Разрядился телефон. Потом я заснула.

— Вы успели сказать кое-что до того, как связь оборвалась.

Она передала один стакан, второй оставила себе. На её запястье виднелась тонкая красная полоска от тесной резинки. Софи заметила лист с увеличенным снимком, но не потянулась к нему.

— Помню, что сказала.

— Вы назвали себя третьей сестрой. Хотя на фотографии две женщины и ребёнок.

— Мама называла так одну старую фотографию, которая висела у нас дома. Я была маленькой. Для меня это звучало как название сказки. Женщины на снимке совсем не были похожи друг на друга.

— Та фотография сохранилась?

— Не знаю. После её исчезновения вещи разошлись по родственникам. С тех пор я видела несколько снимков, и они не всегда совпадали с тем, что помнила.

— Тогда почему вы уверены, что девочка — вы?

Софи медленно освободила крышку стакана от капли кофе.

— Не уверена. Мать говорила: «Третья — Софи». Вот что я знаю. Вчера я сказала больше, чем имела право утверждать.

Элиас почувствовал почти физическое облегчение от этой поправки. Оно сразу же сменилось стыдом: ему хотелось, чтобы кто-то другой сделал работу по установлению правды за него.

Он повернул к ней лист.

— Вы узнаёте женщину с кольцом?

— Не лицо. Кольцо. Похожее было на другом снимке из материнских вещей. Может быть, то же самое. Сравнивать мне не с чем.

— Куда делись эти вещи?

— Часть у тёти. Часть в квартире, которую мы тогда освободили. Снимки могли переложить, могли выбросить. Я попробую установить, что осталось.

— Давайте адреса и имена. Я не хочу, чтобы вы сами объезжали родственников с вопросами, о которых мы ничего не зафиксировали.

— Потому что я сотрудник полиции?

— Потому что вы дочь пропавшей женщины. И одновременно участник расследования. Это разные роли. Я обязан сообщить Лахти, если ваше личное положение начнёт влиять на работу.

Софи поставила стакан. От крышки на столе остался мокрый кружок.

— Я не прошу отдать мне дело матери.

— А я пока не решил, могу ли вообще обсуждать с вами его материалы без отдельного решения.

Она не ответила. В соседней комнате кто-то кашлял, потом телефон трижды вызвал одного и того же абонента. Софи надела пальто, хотя ещё не собиралась уходить; стало ясно, что разговор перестал быть только разговором двух коллег.

— Мария Коскела, — произнесла она. — Родилась в пятьдесят восьмом. Работала в муниципальном архиве. Исчезла четырнадцатого ноября девяносто первого. Машину нашли шестнадцатого, тогда же подали заявление. В бумагах фигурирует возможное утопление. Тела нет. Человек, который говорил, что видел её у воды, позднее отказался от показаний. Это то, что я сумела собрать официально.

Элиас записывал без комментариев.

— А то, что вы собрали неофициально?

— Мне кажется, свидетель испугался. В детстве я думала, что ему заплатили. Сейчас понимаю: это всего лишь догадка, которую я много лет повторяла как факт.

— Хорошо, что вы это различаете.

— Вы хотите услышать и остальное?

— Да.

— У матери была ещё одна фотография. Пять женщин. Маленький мальчик с вырезанным лицом. На обороте — восемнадцатое июля восьмидесятого года. Когда я нашла её после исчезновения мамы, мне было пять. Я не могла прочитать дату. Её тогда назвала тётя. Позже я запомнила именно эту дату и пересказывала её как свою память.

Элиас оторвал ручку от бумаги.

— Вы впервые уточнили, откуда знаете дату.

— Потому что впервые меня об этом спросили.

— А мальчик?

— Я помню дыру вместо лица. Не могу поручиться, что там вообще был мальчик, пока не увидим сам снимок. Тётя так говорила.

Столько лет один семейный рассказ прожил отдельно от вещи, которая могла его подтвердить. Элиас написал в блокноте: «1980 — дата со слов тёти, оригинала нет». Рядом: «1991 — фотография Линдов, надпись на обороте, происхождение ещё не установлено». Нельзя было складывать эти два изображения в одну историю только потому, что на обоих упоминались женщины.

— А Ингрид? — спросил он. — В полицейском отчёте о погибшей она Сааринен. Фамилия Сольберг тоже встречается в разговорах. Вы знаете, откуда она?

— Нет. Я не знала её лично. И мать мне ничего не говорила об Ингрид — по крайней мере, я такого не помню.

— Тогда не будем договаривать за неё.

Софи провела пальцем по краю своего стакана.

— Мать не говорила «три сестры», когда сердилась. В такие минуты она употребляла другие слова. Помню их очень хорошо.

— Какие?

— «Три жизни одной женщины».

— Это про фотографию?

— Не знаю. Я ребёнком решила, что да. Позже мне стало казаться, что она говорила о человеке, которому постоянно приходится называться чужим именем. Но этого она мне не объясняла.

Элиас посмотрел на собственные заметки. Формулировка подходила сразу к слишком многим версиям. Он оставил её в кавычках, не пытаясь объяснить.

— Мне нужен отдельный письменный рассказ об этих снимках. Без предположений о том, что ваша мать имела в виду. Где вы видели вещь, кто находился рядом, что помните сами, что узнали позднее. Сможете?

— Да.

Она поднялась, потом остановилась у двери.

— Виртанен. Я знаю, что вы мне не доверяете.

— Я не доверяю фотографии, которой ещё никто не видел, и словам, сказанным о ней двадцать лет назад. Это не одно и то же.

Софи посмотрела на него, словно проверяя, не прячется ли за ответом обида. Затем коротко кивнула и вышла. Он услышал, как в коридоре у неё зазвонил телефон, как она назвала фамилию и стала говорить обычным рабочим голосом. Слишком быстро. Но, возможно, именно так человек возвращает себе равновесие.

07:42

Архив находился этажом ниже, за дверью, которую изнутри открывали по звонку. На табличке рядом с кнопкой было написано «kirjaamo[3]». Старшая сотрудница регистратуры, женщина в тёмном жилете и туфлях без каблука, заставила Элиаса расписаться за доступ к старым материалам и только после этого повела к архивным шкафам. Она говорила негромко, но без всякого желания облегчить ему жизнь.

— Снова девяносто первый? — спросила она, глядя на лист обращения. — Это не самый короткий раздел архива.

— Мне нужны конкретные дела.

— Тем лучше. С конкретными номерами у нас хотя бы есть шанс что-то найти.

Она не улыбнулась. У неё была обыкновенная усталость человека, чью аккуратность чаще замечали после ошибки.

Шкафы стояли в два ряда. Между ними оставалось достаточно места, чтобы прошёл один человек с папкой в руках. Лампы под потолком мигали с неприятной задержкой; у стены гудел небольшой осушитель воздуха. Архивистка включила компьютер и попросила точный регистрационный номер дела Марии Коскела. Элиас продиктовал цифры из старой карточки.

— В каталоге есть, — сказала она. — Бумажного дела здесь нет.

— Когда передали?

— В две тысячи четвёртом. Центральный архив, по акту. Подпись за наш отдел — Лахти.

Элиас придвинул второй стул, но не сел.

— Можно увидеть акт передачи целиком?

— У меня только электронная копия описи. Оригинал акта надо запросить. И учтите: подпись за передачу не означает, что человек читал каждый лист.

— Я это понимаю. Что с приложениями?

Она раскрыла вкладку. Несколько строк были помечены служебным цветом.

---

[3] Kirjaamo (фин.) — канцелярия или подразделение регистрации служебных документов и обращений.

— Часть материалов обозначена как изъятая по распоряжению подразделения внутреннего контроля.

— Дата?

— Семнадцатое ноября тысяча девятьсот девяносто первого.

Элиас попросил её не закрывать экран. Мария исчезла четырнадцатого. Шестнадцатого нашли автомобиль и зарегистрировали заявление. По карточке распоряжение датировалось следующим днём. Необязательно изъятие состоялось тогда же. Необязательно на него вообще имелись полномочия, отражённые именно в этой базе. Но проверить это было нужно.

— В системе указано, когда документы физически забрали?

— Нет. Дата относится к распоряжению. И даже тут я бы сверила с бумажным оригиналом. Старые записи переносили в новые программы не один год.

— Кто распорядился?

— Пустое поле. Не «неизвестен» и не «удалён». Просто не заполнено.

— Технический журнал изменений сохранился?

— Для той старой базы — не знаю. Я могу узнать у администратора. Быстрого ответа не обещаю.

Он попросил выгрузить карточку целиком, вместе с датой последнего изменения и кодом оператора. Архивистка напечатала служебный номер обращения, поставила рядом время. Бумага с тёплым краем вышла из принтера и закрутилась, прежде чем упасть на лоток.

— Есть связанное дело, — сказала она, возвращаясь к экрану. — Ингрид Сааринен. Заявление от восемнадцатого ноября девяносто первого. Предварительная проверка. Ограниченный доступ.

— Тоже внутренний контроль?

— Этого здесь нет. Только отметка об ограничении. Причина не внесена.

Элиас вспомнил тело у причала. По первоначальным данным, женщина с тем же именем и фамилией исчезла двадцать лет назад и оказалась живой задолго до нынешней смерти. В какой момент это выяснили? Кто закрыл розыск? Старые карточки умели хорошо отвечать на вопросы, которых им никто не задавал, и плохо — на все остальные.

— Дайте номера обеих карточек. И сведения о том, кто когда просматривал материалы в последние месяцы, если такие сведения вообще сохраняются.

— Запросите письменно.

— Уже запрашиваю.

Она подняла на него глаза.

— Вы можете говорить дружелюбно, инспектор. Бумага от этого быстрее не появится, но мне будет приятнее.

— Простите. Ночь была плохая.

— Ночи у всех разные. Папки одни и те же.

Она открыла графу приложений к делу Ингрид. В цифровом архиве хранился скан фотографии: несколько человек возле озера, засвеченная полоса воды и тёмная фигура позади женщин. Элиас узнал композицию — на снимке из дома Линдов люди стояли почти так же, — но не стал называть изображения одинаковыми. Однажды перепутанные копии могли превратить всю будущую экспертизу в бессмысленный спор.

— Можно записать идентификатор этого файла и получить копию без обработки?

— Да. В оригинальном разрешении, которое осталось после оцифровки. Оно невысокое.

Он наклонился ближе. Фигура на заднем плане была мужской или казалась такой из-за широкой куртки. У человека на руке виднелся светлый кружок. Кольцо? Возможно. Элиас знал, что крошечный блик после увеличения способен принять какую угодно форму.

У нижней кромки изображения значились три знака: М.К. Архивистка открыла свойства файла. Никаких пояснений к буквам там не было.

— Это инициалы фотографа? — спросил Элиас.

— Может быть. Или сотрудника, который присвоил карточке индекс. Или человека, на чьём экземпляре стояла пометка. В девяносто первом у каждого отдела были свои привычки.

Мария Коскела, подумал он. И тут же написал в блокноте: «М.К. — значение не установлено».

Архивистка дала ему подписать получение копий и отдельно указала, что оригиналы на руки не выдавались. Пока Элиас шёл к лестнице, его телефон дважды вибрировал. Одно сообщение пришло от дежурной части: по вчерашнему свету в кабинете проверка продолжается, единого объяснения пока нет. Второе — о назначенном на девять пятнадцать коротком разговоре с Лахти. Время было указано без вопросительного знака.

09:15

Лахти не любил, когда к нему входили с папкой без предварительного доклада. Элиас взял с собой папку потолще. Слишком тонкая позволила бы начальнику отмахнуться от разговора; слишком толстая выглядела бы попыткой произвести впечатление. Он сам заметил, что размышляет о бумаге вместо сути дела, и разозлился.

В приёмной комиссара секретарь разговаривала по телефону и одновременно приклеивала узкую полоску бумаги к корешку регистратора. Она жестом показала на дверь. За ней кто-то перевернул лист, кашлянул и выключил радио.

Юкка Лахти сидел без пиджака, в светлой рубашке с помятой манжетой. Одной рукой держал документ, другой размешивал сахар в чашке, хотя, судя по звуку, сахар уже давно растворился. Ему было за пятьдесят. У висков поредели волосы, кожа под глазами потемнела от привычного недосыпа; при этом у него оставалось редкое умение читать служебный лист и слушать собеседника одновременно. Сейчас он не воспользовался им.

— Если ты пришёл по поводу дополнительного транспорта для выезда, заявку уже согласовали, — сказал он, не поднимая головы.

— Не по транспорту.

— Тогда говори.

Элиас положил на стол копию архивной карточки Марии Коскела. Лахти посмотрел не на имя, а на номер регистрации.

— Откуда?

— Из нашей системы. Бумажное дело передано в две тысячи четвёртом. В акте вашей подписью заверена передача.

— Заверена передача, — повторил комиссар. — За год через меня проходили сотни дел. Ты предполагаешь, что я помню каждое?

— Нет. Я спрашиваю, кто может помнить, почему часть материалов помечена как изъятая ещё в ноябре девяносто первого.

Лахти придвинул лист. Пальцем он не коснулся строчки с датой. Сначала прочитал весь документ, как будто искал внизу номер отсутствующей страницы.

— Старый перенос данных мог сделать из нормального решения что угодно, — сказал он.

— Поэтому я запросил оригинал. Шестнадцатого ноября зарегистрировано исчезновение. Семнадцатым датировано распоряжение. Дело Ингрид Сааринен, открытое восемнадцатого, отдельно ограничено для доступа. Два пропавших человека в течение недели, оба дела уходят из обычного оборота. Теперь Ингрид нашли убитой.

— Кем убитой, ещё не установлено.

— Согласен.

— Вот на этом согласии и задержись. У тебя одно новое убийство, старые записи и сотрудница, у которой пропала мать. Ты уже составил запрос на её отстранение от материалов?

Элиас коротко объяснил, что Софи дала письменные сведения о семье, что её личный интерес зафиксирован и что вопрос о дальнейшем участии нужно решить отдельно.

— Она способная, — сказал Лахти.

— Вы сами назначили её в отдел. По какой причине именно сейчас?

— По кадровой. У нас не хватает людей.

— У вас много подходящих сотрудников. У неё мать исчезла на той же неделе, что и Ингрид.

Лахти подвинул чашку к краю стола. В подставке под ней отпечаталось старое кофейное кольцо; он положил на него ладонь, будто собирался накрыть след.

— Если ты считаешь, что я сознательно подставил её под это дело, напиши рапорт. Твоих устных подозрений мне мало.

— Напишу, если появится основание. Сейчас хочу получить материалы.

— Правильно. Тогда зачем пришёл ко мне?

— Потому что эта история началась в то время, когда вы работали с теми делами. Не обязательно лично. Возможно, вы знаете, кому передали архивы.

За окном прошёл трамвай. Звонок с улицы достиг кабинета слабым металлическим звуком. Лахти убрал ладонь с подставки.

— В девяносто первом происходили вещи, которые некоторые предпочли не обсуждать, — сказал он. — На уровне управления, не только нашего отдела. Если будешь поднимать старое, поднимай документально. Никаких разговоров с прессой и никаких намёков в столовой, что тут заговор.

— Я ещё не говорил о заговоре.

— Ты думаешь о нём. Это видно по лицу.

Элиас подался вперёд.

— Имена. Мне нужны имена тех, кто занимался делом Марии Коскела. Не угрозы и не советы.

Лахти наконец посмотрел прямо на него.

— Тогда начни с человека, чьё имя может встретиться в записях девяносто первого. Йоханнес Берг. Если увидишь — не делай выводов раньше времени.

Элиас не раскрыл блокнот.

— Я не называл Берга.

— Я знаю.

— Откуда вы знаете, что он связан с этими материалами?

Комиссар чуть повернул голову к двери, за которой шелестела бумага секретаря. Потом заговорил тише:

— Я не утверждал, что он связан. Сказал, что его имя может встретиться. В старых делах о семьях тогда работали и частные специалисты. Берг был одним из них.

— Вы имели с ним дело?

— Не помню личной встречи. Это честный ответ, даже если тебе не нравится.

— Почему он должен меня интересовать больше остальных?

— Я не сказал «больше остальных».

Элиас понял, что добиться другого ответа сейчас не удастся. Он попросил разрешение на письменные запросы по старым архивным описям и на уточнение роли Софи. Лахти взял ручку, подписал только первую бумагу. На второй поставил резолюцию передать кадровому сотруднику для проверки возможного конфликта интересов.

— Не забывай, Виртанен, — сказал он, возвращая документы. — Человек двадцать лет прожил с собственной версией событий. Не подсказывай ему свою.

— Я помню.

— Не уверен. Ты сейчас смотришь на меня так, будто уже нашёл виноватого.

— Нет. Но вы заранее боитесь моего вопроса, хотя не знаете, какой я задам.

Лахти резко поднялся. От движения со стола соскользнул угол журнала входящей корреспонденции. Он поймал его прежде, чем тот упал.

— Иди работать, Элиас.

Уже у двери инспектор обернулся.

— Лахти. В вашем деле есть имя «Сольберг» вместо «Сааринен»?

Комиссар долго смотрел на него.

— Проверь оба варианта, — сказал он. — И не строй из разницы фамилий доказательство, пока не найдёшь документы.

Ответ мог означать, что он что-то знает. А мог означать только опыт начальника, которому надоело исправлять поспешные выводы подчинённых. Элиас вышел, не решив, что из этого хуже.

11:38

На Булеварди ветер дул вдоль фасадов, загоняя воду под кромку воротника. По дороге к кабинету Берга Элиас зашёл в маленькую булочную, купил булку с сыром и съел половину стоя. Остальное завернул в салфетку и положил в карман. Он понимал, что это не обед, но впервые за день перестал чувствовать тошноту от кофе.

Здание, в котором принимал Йоханнес Берг, было обычным старым домом с узким лифтом и аккуратными почтовыми ящиками. Только на этаже психолога стены недавно выкрасили в светло-серый цвет. На подоконнике лежала стопка бесплатных журналов, в приёмной стоял чайник, подключённый через удлинитель. Секретарь разложила перед ним лист регистрации посетителей.

— Он не назначал встречу, — сказала она после звонка в кабинет. — Но готов уделить вам время. Ненадолго.

На стене висели фотографии с конференций: мужчина в тёмном костюме рядом с другими специалистами; групповой снимок у моря; открытка от благотворительной организации. Все были подписаны и датированы. Элиас заметил эту привычку фиксировать время и место. У старого полицейского архива она почему-то оказалась слабее.

Дверь кабинета открыл мужчина лет сорока девяти, высокий, с аккуратно подстриженными светлыми волосами и лицом, которое не удавалось сразу назвать добрым или строгим. Йоханнес Берг носил мягкую тёмную рубашку без галстука. Он сделал шаг в сторону, пропуская гостя, и едва заметно задержал руку на дверной ручке.

— Мы встречались?

— Нет. Элиас Виртанен, уголовная полиция Хельсинки.

— Тогда дело, вероятно, неприятное.

— Для одной семьи уже да.

В кабинете было два кресла, книжные полки и невысокий столик. На столике не оказалось ни салфеток, ни вазочки с конфетами; всё выглядело достаточно обжитым, чтобы клиент не чувствовал себя в медицинском учреждении, и достаточно обезличенным, чтобы здесь можно было обсуждать что угодно. У окна стояла небольшая деревянная лодка, вырезанная не особенно ровно. Возле ножки стола лежала кожаная сумка.

Берг поднял сумку, собираясь освободить место. На ремне блеснула металлическая застёжка. С одного края крепления облупилась синяя краска; под ней проступал серый металл. Берг провёл по этому месту большим пальцем, будто проверял, не зацепится ли ремень за ткань, и поставил сумку за кресло. Элиас заметил повреждение. Не более того. В кабинете частного психолога могли находиться десятки предметов с ободранной краской.

— Вы знаете Ингрид Сааринен? — спросил он.

Берг присел не сразу.

— Ингрид… Когда вы говорите «Сааринен», речь о той женщине, которую когда-то называли Сольберг?

— Я устанавливаю, когда и почему употреблялись разные фамилии. Вы знакомы с этой женщиной?

— Знал. В девяносто первом году. После этого мы почти не виделись.

— А в последнее время?

— Нет.

— Вчера возле порта нашли тело женщины, предварительно опознанной как Ингрид Сааринен. Мне нужно проверить её связи.

Берг опустил взгляд на стол. Несколько секунд рассматривал край подставки под чашку, оставшейся здесь, вероятно, после предыдущего клиента.

— Сочувствую близким, — сказал он. — Мы давно не общались. Чем могу помочь?

— Расскажите, где и при каких обстоятельствах вы познакомились.

— Тогда я только начинал практику. Молодым специалистам отдавали сложные семейные случаи, которые никто не спешил брать. Возможно, Ингрид была среди людей, с которыми я работал. Прошло двадцать лет.

— «Возможно» или была?

— Я помню её лицо. Не хочу выдавать смутные обстоятельства за точные. Если вы дадите дату, я посмотрю, остались ли у меня законно хранящиеся записи. Но сведения клиентов не предоставляют из вежливости, даже полиции.

Элиас отметил это возражение без раздражения. Врачебная и профессиональная тайна была не препятствием, которое следователь имел право обойти настойчивостью, а частью правил.

— Я не прошу раскрывать содержание консультаций. Важно установить факт знакомства и возможные контакты за последние недели. Что вы скажете о Марии Коскела?

Берг слегка развёл ладони.

— Тоже знакомое имя. Она приходила на консультацию по семейным вопросам. Больше без соответствующего основания я о ней говорить не могу.

— Вы помните, была ли у неё дочь?

— Кажется, да.

— Софи Коскела.

— Имя девочки я не помню.

— А Анну Линд?

Берг посмотрел на Элиаса поверх очков, которые до этого держал в руке.

— Вы называете людей из разных семей. Меня интересует, откуда у вас уверенность, что они связаны.

— Уверенности нет. Есть вопросы. Поэтому я здесь.

Элиас показал ему копию фотографии из архивной карточки. Оригинал из дома Линдов оставался в материалах дела; инспектор не собирался переносить его по кабинетам. Берг взял лист, поднёс ближе к окну. Его выражение изменилось не резко, не театрально. Просто лоб над переносицей на мгновение собрался, будто он пытался вспомнить адрес, который давно перестал существовать.

— Где вы это получили?

— Из старого дела. Кого вы узнаёте?

— Ингрид. Марию, возможно. Людей за ними я плохо различаю.

— Мужчину позади женщин?

— Нет.

— Вы уверены?

— В том, что не могу уверенно опознать? Да.

Элиас не торопил его. Берг держал лист у окна, точно ждал, когда на свету проступит что-нибудь ещё. Пальцы не дрожали. Элиас перевернул страницу блокнота и оставил вопрос открытым.

— Вы помните дату съёмки?

— Нет.

— Вы бывали возле этого озера?

— Может быть. Если назовёте место, отвечу точнее.

— Место ещё устанавливается.

Берг вернул бумагу. На манжете его рубашки обнаружилось маленькое выцветшее пятно — не от чернил, скорее от отбеливателя. Элиас почему-то заметил его только сейчас. Затем вернулся к блокноту.

— Мне бы хотелось получить ваш письменный ответ о том, когда вы в последний раз контактировали с Ингрид и Марией. И если вы можете подтвердить, в каком качестве знали их в девяносто первом, это тоже будет полезно.

— Конечно. Через секретаря. Вы оставите контакт?

— Оставлю служебный.

Берг на мгновение задержал ручку над карточкой. Потом спросил:

— Инспектор, вы верите, что человек всегда правильно помнит свою жизнь?

— Нет.

— Это полезное сомнение. Особенно в семейных делах. Иногда люди начинают рассказывать о собственном прошлом так, будто прочли его в чужой книге. Они не обязательно врут. С годами рассказ становится удобнее воспоминания.

— Вы говорите об Ингрид?

— Я говорю о механизме памяти. Вы вправе услышать в этом что хотите, но не вправе записать как мои показания о конкретном человеке.

— Тогда я запишу именно это.

Психолог чуть наклонил голову.

— Будьте осторожны с женщиной, которая утверждает, что знает свою мать.

Элиас поднял глаза.

— С кем именно?

— Вы сами назвали несколько семей. Разве мало у вас женщин, которые могли ошибаться в своих воспоминаниях?

— Откуда вам известно, что такая женщина сейчас участвует в деле?

Берг не ответил. Он протянул визитную карточку. Элиас положил её рядом с копией снимка, не скрывая, что заметил уход от вопроса.

Уже в приёмной секретарь спросила, нужна ли ему квитанция о посещении. Элиас отказался. Внизу на улице он увидел в стекле витрины собственное отражение: воротник пальто съехал набок, на щеке остался след от спинки автомобильного сиденья. Он достал телефон и записал три вещи, не имеющие отношения к поведению Берга: его слова о двух фамилиях Ингрид, упоминание консультаций Марии и отказ объяснить предупреждение о женщине, знающей свою мать.

Остальное — тон голоса, спокойные руки, синяя краска на сумке — он оставил отдельными наблюдениями. Подозрение из них не складывалось. Пока.

13:02

Софи ждала в небольшой комнате для опросов, куда сотрудники обычно приглашали свидетелей, не желавших разговаривать в общем кабинете. Дверь была приоткрыта, лампа над столом не горела — хватало серого света из окна. На подоконнике стояла сломанная пластиковая подставка для растений; на ней кто-то оставил пакет сахара. За стеной непрерывно стучал принтер.

Перед Софи лежал блокнот. Страница была пустой. Она держала ручку за колпачок, и тот всё время соскальзывал, когда она сжимала пальцы. При виде Элиаса она закрыла блокнот, словно в нём находилось нечто более личное, чем отсутствие записей.

— Вы виделись с Бергом, — сказала она.

— Да. Откуда знаете?

— Вы утром спрашивали о нём в дежурной части. И его адрес есть в справочнике. Не надо делать вид, что это тайна.

Элиас сел напротив. Папку положил не между ними, а справа от себя. Этот жест обычно помогал людям меньше следить за бумагами, но Софи заметила его. Он видел по тому, как она на секунду посмотрела на край стола.

— Прежде чем продолжим: я разговариваю с вами как со свидетелем, который добровольно сообщает сведения о своей семье. Не как с подозреваемой. Если вы не хотите говорить сейчас, найдём другого сотрудника и назначим время. Ваши семейные обстоятельства уже переданы начальству для оценки конфликта интересов.

— Я пришла сама, — сказала Софи. — Не нужно за меня решать, когда я готова.

— Хорошо. Тогда я уточню, почему вы считаете себя связанной с фотографиями. Берг говорил, что знал вашу мать.

— Это меня не удивляет.

— Вы знакомы с ним?

— Нет. Я видела его имя в старых бумагах, которые удалось просмотреть. Не могу даже сказать, кто тогда подписал справку. Никакого личного воспоминания о нём у меня нет.

— В кабинете он говорил о людях, которые придумывают удобную версию собственного прошлого.

Софи посмотрела на дверь. Из коридора донёсся стук тележки о порог, затем чьё-то короткое ругательство.

— Для человека, который ничего обо мне не помнит, у него слишком точный совет, — сказала она.

— Это не его показания о вас. Он избегал конкретных имён.

— Очень на него похоже.

— Откуда вы знаете, что на него похоже, если не знакомы?

— Так говорит любой взрослый, который уверен, что знает твою жизнь лучше тебя.

Элиас почти возразил, но вовремя остановился. Она говорила сейчас не о психологе. Возможно, о тёте, растившей её после исчезновения матери. Возможно, о нём самом.

Он придвинул копию снимка из архива: женщины на берегу, расплывчатая фигура позади, три буквы внизу.

— Здесь нет доказательств, кто сделал фотографию. Вы можете узнать кого-нибудь, не опираясь на мои подписи?

Софи приблизила лист. Её ноготь прошёл вдоль белого края, не касаясь изображения.

— Эту женщину я видела на семейных снимках, — произнесла она, указывая на фигуру слева. — Мать никогда не называла её по имени.

— Вы можете описать снимок, на котором её видели?

— Один — в лодке, деревянной, наверное, на озере. Ещё — около дома, которого я не помню. Но это было давно. Я могу перепутать людей. Не просите назвать вам лицо по этому серому пятну.

— И не собираюсь. А человек сзади?

— Нет. Не знаю.

Она перевернула копию, хотя оборот оставался белым. Это было обычное движение человека, который с детства привык искать подписи на фотографиях.

— Вы знаете, о чём я сейчас думаю? — сказала Софи.

— Нет.

— Кто стоял за камерой. Мать редко доставала фотоаппарат без повода. Если на снимке собрали столько людей, кто-то должен был попросить их встать рядом.

— Может быть, — сказал Элиас. — Но фотографировать мог случайный прохожий. Или один из участников, который ушёл из кадра.

— Да. Я понимаю.

Она сказала это с такой досадой, что он не стал развивать мысль. Иногда точность воспринималась как отказ слушать.

Элиас достал вторую копию — с двумя женщинами и девочкой, оставленную вчера у управления. Не положил её поверх первой: между листами лежали двадцать или тридцать лет неясной истории, а не доказанная последовательность событий.

Софи всмотрелась в женщину с кольцом.

— Это не моя мать.

— Вы уверены?

— Не настолько, насколько вам нужно для протокола. Мама была другой: широкое лицо, короткая чёлка. Но я сравниваю старый снимок с тем, что помню пятилетней девочкой.

— Вы сказали, что узнаёте кольцо.

— Я узнала его форму. Раньше я думала, что на пальце матери кольцо было без украшений, только полоска металла. А теперь вспоминаю, что она иногда снимала его перед тем, как мыть руки. Но чьё это кольцо на самом деле — не знаю.

— Ещё вчера вы говорили о фотографии женщины с таким же кольцом.

— Говорила. Потому что увидела похожее изображение. Не надо заставлять меня выбирать одну из двух воспоминаний, пока мы не нашли вещи.

Софи прижала палец к губам. На коже большого пальца у неё был свежий заусенец. Она, вероятно, заметила кровь раньше Элиаса: тихо достала из кармана платок и обернула палец.

— Когда я была маленькой, мать иногда усаживала меня перед трюмо, — сказала она. — Не каждый день. Когда у неё было настроение. Вынимала одну фотографию и спрашивала, кого я вижу. Я говорила: женщину. Она отвечала: посмотри внимательнее. Некоторые лица мы наследуем. Мне казалось, что это игра. Мне нравилось угадывать.

— Что было на фотографии?

— Человек. Женщина. Сейчас не уверена даже в её возрасте. Но я помню, что в зеркале видела свою голову рядом с её лицом на бумаге. Похожесть была странной. Не нос и не глаза. Скорее выражение, когда я переставала улыбаться.

— Почему вы никогда не рассказывали об этом раньше?

— Потому что я считала, что так играют все родители. А потом Мария, которую я тогда называла матерью, исчезла. Мне было пятнадцать лет. Первое время я ждала её. Потом перестала говорить об этом вслух.

Элиас заметил, как Софи разгладила платок вокруг пальца. Он не спрашивал, плакала ли она, не искал на её лице следов детского горя. Это было бы почти так же бессмысленно, как искать на старом снимке слово, которого там не было.

— Сейчас вы думаете, что женщина с кольцом была той самой?

— Не знаю. Только знаю, что не должна была забыть игру. У тёти я спрашивала, кто на фотографиях. Она отвечала, что я выдумываю. Если слышишь это часто, начинаешь сомневаться даже в том, что держал в руках.

— Для протокола мне нужно разделить: что вы действительно помните, а что знаете со слов тёти.

— Разделите. Я сама уже не всегда могу.

Он записал её слова и дал прочитать. Софи исправила одну фразу: вместо «узнала женщину» написала «испытала чувство узнавания». Элиас оставил исправление. Позднее именно эта разница могла оказаться важнее того, что следователь надеялся услышать.

Перед уходом она спросила:

— Вам кажется, что я вру?

— Мне кажется, вы пытаетесь восстановить детство по вещам, которых у вас нет. Это сложно даже без убийства и двух архивных дел.

— Но работать вы мне всё равно не доверите.

— Не в материалах, где фигурирует ваша мать, пока не решён вопрос с доступом. Во всём остальном у нас достаточно работы.

— Значит, до завтра?

— Если начальство не решит иначе.

Она подняла со стула пальто. На секунду задержалась, будто хотела вернуться к разговору, но вместо этого спросила, можно ли получить копию своего письменного объяснения. Элиас ответил, что оформит её в установленном порядке. Это был хороший вопрос. Первый за день, на который он знал точный ответ.

18:47

Дома пахло холодной плитой и старой газетой. Элиас не включил свет в гостиной, прошёл сразу на кухню и поставил чайник. В раковине лежала тарелка с засохшей полоской горчицы. Он вымыл её, хотя делать это сейчас было нелепо: с утра в его блокноте появилось несколько фамилий, две даты и архивное распоряжение, источник которого никто не смог назвать. Но тарелку можно было вымыть. С делом так не получалось.

Он открыл рабочую тетрадь, которую принёс домой с разрешёнными копиями, а не оригиналами документов. На соседних страницах разместились две записи.

«18.07.1980. Пять женщин, ребёнок с повреждённым изображением. Только рассказ Софи и слова её тёти. Оригинал не предъявлен».

«18.07.1991. Фотография из вещей семьи Линд. Дата на обороте. Происхождение и время нанесения не проверены».

Одиннадцать лет. Две группы лиц, которые следовало устанавливать независимо. Люди слишком охотно называли любую старую бумагу документом, если на ней стояла дата. Элиас проследил взглядом за двумя строками и набрал номер архивистки. Он рассчитывал, что она ещё на работе; если нет, оставит заявку через дежурную связь.

— Виртанен. По двум фотографиям хочу проверить не только имена, но и происхождение экземпляров. Кто передавал в архив, в какой фонд записали и были ли раньше запросы на копирование.

— У вас есть оба оригинала? — спросила женщина.

— Нет. По снимку восьмидесятого — только слова свидетельницы. По снимку девяносто первого — предмет из другого дела, его должны исследовать отдельно. Я не хочу, чтобы вы сравнивали то, чего ещё не видели.

— Тогда начну с картотеки. Поиск по дате без имён ничего не обещает.

— Знаю. Если найдёте похожую композицию, не исправляйте и не увеличивайте изображение до сохранения исходной копии.

— Инспектор, я двадцать лет работаю с архивом.

— Простите. Плохая привычка.

— Запрос пришлите электронно. Завтра посмотрю.

Он отправил письмо через служебную почту. Когда система подтвердила доставку, на личный телефон пришло сообщение от Софи:

«Нашла кое-что в вещах матери. Пожалуйста, приезжайте завтра. Не хочу обсуждать по телефону».

Он спросил адрес. Она ответила: «Ко мне домой. Утром. И не говорите никому пока».

Элиас медленно положил аппарат на стол. Приписка была понятна как просьба о приватности, но принять её буквально он не мог. Если Софи действительно обнаружила предмет, имеющий отношение к расследованию убийства, сведения следовало зафиксировать и сохранить. Он набрал короткий ответ: «Приеду утром. Вещь не трогайте лишний раз. По делу придётся оформить находку официально».

На экране зажёгся неизвестный номер.

«Не позволяйте Софи показывать вам шестую фотографию».

Он сразу сохранил сообщение, записал время и номер в тетрадь. Источник установить по одному номеру было невозможно, а предупреждение могло быть и чьей-то жестокой выходкой. Но неизвестный отправитель знал, что Софи собирается что-то показать. Откуда? Он позвонил ей. Автоматический голос сообщил о недоступном абоненте. Восемнадцать пятьдесят три.

Через минуту на тот же телефон пришло изображение. Кадр был снят с бумажной фотографии — неровно, с бликом от вспышки и отрезанным краем стола. На старом снимке стояли три женщины. Одну Элиас сопоставил с архивными фотографиями Ингрид; рядом, по первым признакам, могла быть Мария Коскела. Третья, у которой на руке виднелся тонкий ободок кольца, была ему неизвестна.

Позади женщин стоял мужчина. Не прежний размытый силуэт: теперь различались линия рта, волосы, форма ушей. Элиас вспомнил Берга, сидевшего утром напротив него. Он увеличил изображение, задержал взгляд на левом ухе — и вернул снимку исходный масштаб. Для сравнения понадобится оригинал.

У двери, почти за плечом мужчины, оставался ещё один светлый участок — то ли край чьей-то рубашки, то ли пятно на бумаге. Элиас приблизил его и сразу вернул кадр к первоначальному размеру. Нечего было разглядывать там, где исходное изображение потеряло детали.

Следом пришла вторая фотография — оборот того же бумажного отпечатка. Почерк не был похож на надпись из вчерашнего конверта, насколько можно было судить по телефонному снимку. На нём стояли четыре слова:

«Три сестры. Четвёртый свидетель».

Он переслал оба файла на служебный адрес для сохранения исходных вложений и отметил, что пересылка может изменить метаданные; первичные сообщения нужно будет извлечь из аппарата установленным способом. Затем набрал Софи ещё раз. Соединение установилось не сразу.

— Коскела? Это Виртанен. Вы меня слышите?

В трубке было дыхание, близкое к микрофону. Где-то рядом негромко стукнул предмет, словно поставили чашку на деревянную поверхность. Элиас не мог определить, кто держал телефон. Он назвал Софи по имени, потом повторил фамилию. Ответа не последовало.

Наконец женский голос, очень тихий:

— Инспектор… Вы уже видели шестую?

Связь оборвалась.

Элиас остался стоять у кухонного стола. Чайник давно отключился; на стекле окна собрались мелкие капли, и трамвайный свет из-за дома проходил по ним рыжими полосами. Он набрал номер снова, но ответа не получил. Теперь следовало проверить не только источник двух фотографий, но и то, была ли Софи в безопасности. Он записал время последнего соединения, номер, продолжительность и дословную фразу. Подозрительный звонок был серьёзнее личной просьбы сохранить молчание.

Он достал служебный телефон, связался с дежурным и попросил зафиксировать сообщения вместе с данными аппарата. Не объявлять розыск на основании одного прерванного разговора, не сочинять происшествие заранее. Сначала — попытаться установить местонахождение коллеги законным способом, связаться через известные контакты, проверить, не обращалась

ли она за помощью. И всё-таки, произнося эти обычные рабочие слова, он вспомнил вчерашний конверт у входа в управление.

Человек, который присылал фотографии, мог не прятаться от следствия. Он выбирал, что Элиас увидит следующим. А Элиас пока даже не знал, кому задавать первый вопрос.

Глава 4. Шестая фотография

Хельсинки. Среда, 16 ноября 2011 года.
06:32

Снаружи ещё не рассвело. В окне служебного кабинета отражалась узкая полоса потолочной лампы, а ниже — грязный двор, по которому дворник возил тележку с солью. Ветер рвал с его капюшона мелкие капли. Не снег и не дождь. Что-то промежуточное, противное, от чего воротник за пять минут намокал изнутри.

Элиас поставил на стол бумажный стакан. Крышка неплотно сидела на ободке, и кофе оставил коричневую полосу на распечатке. Он отодвинул лист, вытер край ладонью, сразу пожалел об этом и пошёл за салфетками. Вернувшись, обнаружил, что успел забыть, зачем открывал ящик.

В нём лежал старый кабель для телефона. Ради кабеля он и полез.

Вчера в восемнадцать пятьдесят три Софи перестала отвечать на звонки. Перед этим попросила приехать утром и никому не рассказывать о найденной вещи. После неё с неизвестного номера пришли снимки. Потом был звонок — дыхание, женский шёпот, вопрос о шестой фотографии. Элиас записал всё по минутам. Тот, кто будет читать рапорт, не должен гадать, где кончается сообщение отправителя и начинается впечатление самого инспектора.

Ночью дежурный предпринял попытки связаться с Софи по служебному телефону. Подтверждения, что с ней случилась беда, не появилось; установить, кто говорил с Элиасом во время последнего звонка, тоже не удалось. Сегодня она должна была прийти в отдел. Если не придёт, он поедет по адресу, который она сама ему дала. Этот порядок он обдумал по дороге сюда, три раза меняя решение.

Телефон лежал рядом с клавиатурой. На экране — присланный вчера кадр. Три женщины в помещении, мужчина позади них и светлое пятно у дверного косяка. Софи утверждала, что узнала в одной из женщин мать. Архив позволял предполагать, что другая — Ингрид, называвшаяся в разные годы Сааринен и Сольберг. Третью никто пока не назвал.

Элиас открыл исходное сообщение, не пересланную копию. Файл был маленьким, по краям виднелись блики от комнатной лампы. Кто-то снимал бумажный отпечаток телефоном; угол фотографии не попадал в кадр. На таком материале нельзя уверенно определить даже направление чужого взгляда. Тем более — личность человека в дверях.

Он прижал палец к экрану, приблизил тот участок и вернул обратно. Лицо не появилось. Появились цветные квадраты.

На обороте, присланном вторым файлом, было написано: «Три сестры. Четвёртый свидетель».

Кто-то уже распределил роли. Элиас прикрыл пальцем подпись и снова посмотрел на людей в кадре. Человек у двери? Тот, кто держал камеру? Он убрал палец. Слишком удобное название могло направить взгляд в сторону от самого снимка.

Элиас сделал в блокноте две колонки. В первой перечислил то, что можно было установить независимо от отправителя. Во второй — утверждения самого отправителя. Вторая колонка получилась длиннее.

Фамилия Берга стояла вверху листа. Элиас вспомнил тёмную рубашку, неторопливую речь, сумку с повреждённым синим креплением. На фотографии мужчина был похожего сложения. Инспектор записал рядом с именем не знак равенства, а вопросительный знак.

Из доступной биографии следовало, что Йоханнес Берг родился в 1962 году. В 1991 году ему исполнялось двадцать девять. К тому времени он закончил обучение и работал с семьями. Полицейская база не показывала судимостей или жалоб. Элиас не стал записывать напротив

имени слово «чистый». Так называли рубашку, когда её приносили из прачечной, а не человека, о котором пока известна лишь часть жизни.

Он набрал архивный номер. Ответила сотрудница, с которой он уже говорил накануне; по голосу было слышно, что она ещё не успела позавтракать.

— Виртанен. По материалам Марии Коскела и Ингрид Сольберг. Нужна дополнительная проверка по Бергу.

— Запрос вчера поступил.

— Я знаю. Вчера я не спрашивал о списках внешних консультантов. И о журналах приёма материалов тоже.

На другом конце линии зашуршала бумага.

— В электронной описи его фамилии нет.

— В каких именно разделах?

— В карточках заявителей и приложениях к делу. В бумажном фонде ещё не смотрели. Не просите меня подтвердить отсутствие фамилии во всех документах за двадцать лет.

— Не прошу. Запишите, пожалуйста, отдельно, что проверено, а что нет. И кому передавали дела в две тысячи четвёртом.

— Акт передачи вы запросили. По нему идёт поиск.

— Подскажите, сколько времени займёт работа с бумажной описью.

— Если коробки там, где написано, сегодня начнём. Если нет — не угадаю.

Он не торопил её. Попросил сохранить сведения о любых выдачах дела за последние месяцы, записал имя сотрудницы и время разговора.

— Вы понимаете, что речь может идти о деле об убийстве? — спросил он напоследок.

— Я поняла это ещё вчера, инспектор. Оттого и не обещаю результатов к обеду.

Когда разговор закончился, Элиас остался с открытым блокнотом. За стеной кто-то с усилием выдвинул металлический шкаф. В длинном коридоре щёлкали выключатели; дежурная смена передавала работу утренней. Одна бумага могла находиться не там, где значилась. Две — тоже. Пустая графа в старой базе ещё не была свидетельством чужого умысла.

Но теперь ему нужно было увидеть сам архив. Не только то, что из него решили выдать.

08:10

В восемь десять стол Софи оставался пустым. Вчера она положила на него две распечатки и пачку жёлтых закладок; сегодня не было даже пальто на спинке стула. Элиас позвонил по её номеру. Автоматическое сообщение. По служебному — то же самое.

Он заглянул к сотруднице, которая распределяла входящие материалы. Софи не сообщала о болезни и не просила изменить время работы. Элиас не стал рассказывать про шёпот в трубке, лишь уточнил, не заходила ли Софи утром. Нет.

Отправил ей короткое сообщение: «Я еду по адресу, который вы указали. Если всё в порядке, дайте знать». Затем зафиксировал время и предупредил дежурного о поездке. Ему не нравилось, что личная договорённость с участницей расследования уже требовала служебного объяснения. Значит, объяснение требовалось тем более.

До Каллио он доехал на машине. Трамваи стояли в очереди у остановки, возле строительного ограждения женщина с детской коляской пыталась протиснуться между двумя припаркованными автомобилями. Элиас пропустил её и получил за это раздражённый сигнал сзади. На перекрёстке пахло выпечкой: булочная открылась раньше магазинов, в витрине светились противни с тёмной коркой.

Дом Софи стоял немного в стороне от улицы. Облицовочный кирпич намок, по лестнице к подъезду текла тонкая грязная струя. Под дверью кто-то подложил резиновый коврик, край которого загнулся и заставлял каждого входящего спотыкаться. Внутри пахло стираль-

ным порошком, сырыми куртками и остывшей пищей. У почтовых ящиков висело объявление от taloyhtiö[4] о проверке отопления. Половину букв закрывала полоска старого скотча.

Элиас поднялся пешком. Лифт работал — он видел зелёную цифру на табло, — но не хотел стоять в тесной кабине и слушать, как тросы поднимают его к чужой двери. На третьем этаже остановился, проверил номер квартиры, нажал кнопку звонка.

За дверью что-то зашуршало. Ответа не было.

Он позвонил ещё раз.

— Софи. Виртанен. Мы договаривались на утро.

Кто-то подошёл к двери. Шаги были лёгкими, потом раздался короткий металлический звук — цепочка. Дверь приоткрылась на ширину лица.

Софи выглядела так, будто давно проснулась и всё это время занималась чем-то бессмысленным, но обязательным. На ней был большой серый свитер, волосы убраны плохо; у виска прилипла влажная прядь. Под правым глазом темнел след от размазанной туши.

— Вы сообщили кому-нибудь, что приехали?

— Дежурному. Это служебный визит.

— Я просила не говорить.

— Вы также попросили приехать. И перестали отвечать на звонки. Я не мог обещать, что никто не узнает, куда я поехал.

Она не возразила. Только посмотрела через его плечо на лестницу. Там никого не было; на нижнем пролёте хлопнула чужая дверь.

— Вы живы и здоровы? — спросил Элиас.

— Насчёт второго не уверена. Входите.

Она сняла цепочку. Он вошёл, дождался, пока дверь закроется, и снял пальто, хотя Софи не предложила ему раздеться. В узкой прихожей стояли две пары мокрых ботинок. Вторая пара — старые резиновые сапоги, на два размера меньше тех, что были на Софи. Элиас посмотрел на них и отвёл взгляд. Не каждый предмет обязан был объяснять чью-то тайну.

Квартира оказалась небольшой. В гостиной помещались диван, рабочий стол и стеллаж с книгами, которые явно читали: у корешков были заломы, из нескольких томов торчали чеки и билетные корешки. Три растения на подоконнике засохли; одно всё ещё пыталось держать зелёную ветку. Радиатор постукивал через неравные промежутки. На кухонной плите стояла кастрюля со вчерашней гречкой.

— Вчера вечером вы разговаривали со мной по телефону? — спросил он.

Софи подошла к раковине и стала отмывать чайную ложку, уже чистую.

— Что вы услышали?

— Женский голос. Вопрос о шестой фотографии. До этого — дыхание и посторонний звук.

— Я не знаю, что вы успели услышать, — сказала она. И тут же поправилась: — Нет. Это плохой ответ. Я помню, что звонила вам. Что было потом, не хочу обсуждать, пока не покажу находки.

— Вы боитесь кого-то?

Софи положила ложку на сушилку. Звук получился громче, чем она рассчитывала.

— Я не знаю, кого следует бояться, — ответила она. — Вчера я нашла конверт, а потом перестала понимать, кому можно об этом говорить. Вы сами утром приехали, потому что услышали что-то в трубке.

— Что произошло между вашим сообщением и нашим последним разговором?

— Я перебирала коробку. Много раз. Не могла решить, что вам показать первым.

---

[4] Taloyhtiö (фин.) — жилищное товарищество (управляющая организация многоквартирного дома); здесь — администрация дома.

Элиас записал её слова именно так, без предположений о чужом присутствии и без названия случившегося угрозой. Она видела, что он записывает, и заметно помрачнела.

— Опять отчёт.

— Именно. Если вам действительно угрожают, придётся иметь дело с тем, что можно проверить.

— А если я не хочу быть свидетелем?

— Тогда скажите прямо. Но вы работаете с материалами дела и нашли предметы, которые могут к нему относиться. Сделать вид, что этого не произошло, я не могу.

Софи села на край дивана.

— Я знаю. Просто думала, что до утра всё будет выглядеть иначе.

Над узким комодом висела фотография в деревянной рамке. Наклонена чуть влево; по светлому пятну на обоях было заметно, что её недавно двигали. На снимке женщина с тёмными волосами держала за плечо девочку лет десяти. Девочка стояла слишком прямо для семейного портрета, будто её попросили не шевелиться до щелчка затвора.

— Это Мария Коскела? — спросил Элиас.

— Моя мать.

— А ребёнок?

— Не я.

Софи сказала это без драматической паузы, словно отвечала, чей это свитер. Элиас посмотрел внимательнее. У девочки были светлые волосы, круглый подбородок и небольшая родинка у левого глаза.

— Кто она?

— Я думаю, моя сестра. Елена.

— Вы её встречали?

— Насколько помню — нет.

— Откуда имя?

Софи сняла рамку с крючка. На задней стенке несколько раз переклеивали коричневую бумагу; последний слой держался на двух полосках скотча. Она перевернула рамку и показала спрятанный под картоном листок, сложенный вчетверо. Разгибая его, не касалась написанных слов.

«Елена — 1980. Софи — 1986. Не показывать им одну и ту же фотографию».

Буквы были написаны с разным нажимом; цифра восемь в первой строке почти не отличалась от девятки. Элиас прочёл запись вслух, чтобы Софи могла поправить его, если он ошибётся.

— Вы считаете эти годы датами рождения?

— Так я их поняла. Свой год я знаю. В свидетельстве стоит тысяча девятьсот восемьдесят шестой.

— А дату рождения Елены вы не проверяли?

— Откуда? Мне до вчерашнего дня не у кого было спросить.

— Когда нашли рамку?

— Три недели назад. Разбирала шкаф после ремонта. Думала, там зимние вещи, которые тётя так и не выбросила.

— Почему не говорили об этом раньше?

— Потому что вы не спрашивали, есть ли у меня сестра, о которой я сама ничего не знаю. А я не думала, что снимок с девочкой имеет отношение к женщине, убитой у пристани.

Он не стал спорить. Три недели — слишком долгий срок для следователя, который уже знает, что ищет. Для человека, обнаружившего в семейном шкафу неизвестную девочку, это могло быть едва ли не первым днём после находки.

— Кто вас воспитывал после исчезновения матери?

— Её сестра. Я звала её просто тётей. Она умерла пять лет назад. Говорила, что мать не любила фотографии и что я у неё одна. Потом сама же прятала в шкафу целую коробку снимков. Не знаю, делала ли это нарочно или не могла выбросить.

Элиас положил блокнот на колени.

— То, что девочка похожа на вас, не доказывает родства. И записка не доказывает, что речь о дочерях одной женщины.

— Я понимаю, — сказала Софи. — Но теперь вы хотя бы знаете, почему мне хотелось показать всё самой.

Она прижала к груди рамку; нижний угол упирался ей в руку. Через минуту поставила её на стол стеклом вниз.

08:46

Из комода Софи достала коробку, когда-то предназначенную для обуви. На крышке сохранилась выцветшая надпись по-фински; сбоку было проведено две косые карандашные линии. Внутри лежали конверты, несколько свёрнутых листов и маленький пластиковый пакет с пуговицами. Всё хранилось вместе, без той логики, которую Элиас привык ожидать от архива.

— Я трогала вещи, — предупредила Софи. — Не раз. И фотографировала их своим телефоном.

— Спасибо, что говорите сразу. Прежде чем я что-либо возьму, разрешите зафиксировать положение предметов и их упаковку.

— Здесь? В моей квартире?

— С вашего согласия. Если захотите передать их как возможные доказательства, потребуется отдельная опись.

Софи кивнула. Он записал согласие и уточнил, не возражает ли она против служебных снимков. Затем, соблюдая порядок фиксации, сфотографировал коробку и то, как в ней лежат предметы, не раскладывая их заново. Даже если дело окажется не связано с убийством, нельзя было превращать домашнюю находку в груду безымянных вещей.

Первым Софи показала снимок у озера. Пять женщин стояли в солнечный день, неровно, не выстроившись в красивый ряд. Одна повернула голову к человеку справа от камеры, другая держала обувь в руке. Справа внизу попал мальчик с металлическим медальоном на цепочке. Лицо было различимо, но слишком маленькое для уверенного опознания.

Элиас узнал берег и общий рисунок группы — такие изображения уже встречались в материалах Ингрид и семьи Линд. Однако этот отпечаток мог относиться к соседнему кадру той же съёмки, а не быть точной копией. В памяти всплыла рассказанная Софи фотография с вырезанным лицом ребёнка. Того снимка перед ним не было. Сравнивать можно было пока только её описание с тем, что он видел сейчас.

На обороте — «18 июля 1991 года». Дата написана от руки. Кто писал и когда, ещё предстояло выяснить.

— Вы говорили о мальчике на другой фотографии, — сказал он. — Там лицо было вырезано?

— Да. Я помню дырку в бумаге. Тогда я была ребёнком. Возможно, перепутала два снимка.

— Мальчик в этой рамке вам знаком?

— Нет. И медальон я раньше не замечала.

— Возможно, это не тот же ребёнок. Но пока мы не видели второй отпечаток, это только возможность.

Софи поджала губы.

— Вы каждую фразу заканчиваете одинаково.

— Потому что ошибки в таких делах начинаются с фразы «я сразу узнал».

Он заметил, что ответ прозвучал более резко, чем нужно. Поправил положение блокнота.

— Простите. Это не к вам.

Софи достала следом маленький латунный ключ. Держала его за головку, будто могла нечаянно уронить. В бороздках была тёмная грязь, на плоской стороне — четыре выбитые цифры: 0418.

Элиас не стал брать ключ в руки. Наклонил голову, попросил Софи положить его на чистый лист бумаги и сделал снимок с масштабной линейкой, которую носил в служебной сумке. От одного взгляда на вещь было невозможно понять, от какого она замка. Цифры могли обозначать шкаф, секцию, внутренний номер оборудования. Дату — тоже. Присутствие числа в сюжете само по себе ещё не было ответом.

— Вы пробовали его куда-нибудь вставить? — спросил он.

— Нет. Только очистила пальцем от пыли. На упаковке ничего не было.

— Вы помните, в каком конверте он лежал?

Софи показала один из жёлтых конвертов. Клей давно высох, клапан не держался. Элиас попросил не перекладывать туда ключ обратно до приезда специалиста: следы на конверте и на металле могли быть важнее цифр.

— Номер камеры хранения? — спросила она.

— Может быть. Но сначала узнаем, какая это система ключей. Угадать, что он открывает, проще, чем потом доказать, что мы угадали правильно.

Последним оказался снимок, похожий на тот, что Элиас получил вечером. Три женщины, молодой мужчина позади них, узкое пространство у двери. Бумага была потёрта на сгибе; у левого края виднелась тёмная полоска, отсутствовавшая на телефонном изображении. Сходство с полученным файлом было сильным. Совпадают ли отпечатки до мельчайших деталей, установить без сравнения было нельзя.

Элиас положил фотографию рядом с телефоном, показал Софи лицевую сторону вчерашнего сообщения и открыл второй файл — снимок оборота с четырьмя словами: «Три сестры. Четвёртый свидетель».

— Так было написано у вас? — спросил он.

— Нет.

Она перевернула свой отпечаток и положила перед ним. На обороте, другим почерком, стояло: «Не все дети родились в тех семьях, которые их вырастили».

В течение нескольких секунд они смотрели на обе надписи. Элиасу хотелось немедленно спросить, относится ли это к Елене, к Анне или к нему самому, хотя причин для последнего предположения не было никаких. Он закрыл сообщение, оставив на экране изображение лицевой стороны.

— Где вы нашли именно эту фотографию?

— Под старой тетрадью. В коробке матери. Не за рамкой — в самой коробке.

— Вы показывали её кому-нибудь?

— Нет. А теперь вижу, что вам прислали почти такую же. Откуда у кого-то ещё снимок из нашего дома?

Вопрос был правильным, но пока не имел ответа. Не исключено, что фотографии делались серией, что существовало несколько отпечатков, что копию получил человек, не имевший отношения к исчезновению Марии. Не исключено и другое. Элиас не стал выбирать среди возможностей ту, которая заставляла бы сильнее бояться.

— Вы согласны передать это на исследование? — спросил он, указав на снимок и ключ. — И листок из рамки?

Софи медленно кивнула.

— Только скажите, что с ними будет.

— Сначала зафиксируем получение и состояние, потом проведём сравнение с материалами дела. Если экспертиза не подтвердит связь, это тоже будет результат. И вам сообщат, когда можно будет решать вопрос о возврате.

— Я хочу знать, кто такая Елена.

— Я тоже. Но спрашивать придётся не только у фотографий.

Он позвонил в отдел и попросил прислать сотрудника для оформления передачи предметов. Пока они ждали, Софи предложила чай. Элиас согласился и обнаружил, что не ел со вчерашнего вечера. На столе стояло маленькое блюдце с сухим печеньем. Одно рассыпалось у него между пальцами, крошки упали на страницу блокнота, где было написано «0418». Он смахнул их не сразу.

Софи смотрела в окно, не касаясь чашки.

— Если Елена жива, — сказала она, — почему никто не дал мне с ней встретиться?

— Мы пока не знаем, жива ли она. Не знаем даже, подтверждается ли родство.

— А если подтвердится?

Элиас вспомнил Петера Линда. Анну, которую всё ещё искали. Тот вопрос, ради которого расследование началось, никуда не исчезал. Он не хотел обещать Софи встречу, которой, возможно, никогда не будет.

— Тогда будем искать дальше, — сказал он.

10:17

В отделе Петер Линд ждал в небольшой комнате для посетителей. Перед ним стоял пластиковый стакан воды. Пиджак он застегнул неправильно — одна сторона поднималась выше другой, — и, заметив взгляд Элиаса, стал возиться с пуговицами, хотя инспектор не собирался ничего спрашивать об одежде.

В коридоре прокатили тележку с папками. Кто-то громко обсуждал поломку принтера и требовал вызвать техника, потому что к полудню нужны были копии протоколов. Петер повернул голову на знакомое слово «протокол», затем снова опустил глаза.

— Вы сказали, что хотите уточнить сведения об Анне, — напомнил он.

— Да. И о женщине, с которой она встречалась.

— Вы нашли Анну?

— Нет. Пока нет.

Петер потянулся к стакану, но вместо этого сложил руки на коленях. Элиас проверил, что запись объяснения начата и что человек понимает цель разговора. Петер был свидетелем, не подозреваемым; не стоило превращать тревогу за исчезнувшую женщину в повод разговаривать с ним как с задержанным.

— Вы знакомы с женщиной, которую называли Ингрид Сольберг? Позднее она пользовалась фамилией Сааринен.

Петер некоторое время смотрел на стену за плечом Элиаса.

— Я не знал её фамилии.

— Но встречали её?

— Один раз. У Анны. Весной, кажется. Или в начале лета.

— Как вы узнали, что это она?

— Анна сказала, что женщина хочет поговорить о старых семейных делах. После того, как вы упомянули Ингрид, я сопоставил имя.

— Значит, пока вы не можете уверенно подтвердить, что это одна и та же женщина.

— Могу описать. И Анна называла её Ингрид. Фамилию я не спрашивал.

Элиас попросил описать гостью, не показывая фотографии для подсказки. Петер назвал возраст, тёмный плащ, небольшую сумку через плечо. Одна деталь застряла у него в памяти: женщина всё время держала руку у горла, словно мешала застёжка воротника.

— Почему раньше вы не сказали о встрече?

— Анна просила не вмешиваться. У неё тогда и без того было много забот. Я решил, что не стану расспрашивать.

— Вы виделись с женщиной вместе с Анной или разговаривали из другой комнаты?

— Из прихожей. Они думали, что я ушёл. Я пришёл за ключами, которые оставил у неё.

— И что услышали?

Петер несколько раз потёр большой палец о край стула. На руке у него была свежая царапина, заклеенная слишком широким пластырем. Вопрос Элиаса он, кажется, понял сразу, но искал способ произнести услышанное, не испугавшись собственного голоса.

— Ингрид назвала Анну чужим именем.

— Каким?

— Елена.

Элиас поднял глаза от блокнота. Чуть раньше он сидел напротив Софи и читал листок с тем же именем. Совпадение появилось слишком вовремя, и это его насторожило. Никакой связи между двумя Еленами оно само по себе не устанавливало.

— Вы можете повторить слова точно, насколько помните?

— «Елена, мы не можем снова начинать всё сначала». Примерно так. Может, без «мы». Не хочу придумывать.

— Анна отозвалась на это имя?

— Она сказала, что больше нет выбора.

— А потом?

— Они понизили голоса. Я вышел, чтобы меня не заметили.

— Вы до сегодняшнего дня ни с кем не обсуждали этот разговор?

— С Анной. Один раз. Она попросила забыть. Сказала, что это не моё дело.

— Почему теперь решили рассказать?

Петер посмотрел на стакан.

— Она пропала. А вы спрашиваете про женщину, которую я видел у неё дома. Молчать всё труднее.

Элиас сделал паузу, чтобы уточнить даты и обстановку встречи. Петер не мог назвать день, но вспомнил, что на лестнице ещё стояла детская коляска соседей, а на улице работали дорожники. Это были слабые ориентиры. Зато по ним можно было запросить показания жильцов, не навязывая Петеру точную дату.

— Вы знаете, была ли Анна когда-либо зарегистрирована под именем Елена?

— Нет.

— Видели документы, письма, старые фотографии?

— Фотографии видел. Как в любой квартире. Не помню, была ли среди них эта женщина.

Элиас не стал показывать ему находку Софи. Так было проще получить собственные воспоминания Петера, а не подтверждение уже подсказанных деталей.

— Мы можем пригласить вас ещё раз, когда понадобится проверить описание, — сказал он.

— Можно один вопрос?

— Конечно.

Петер впервые посмотрел на него прямо.

— Вы ищете Анну? Или только людей, которые знали её двадцать лет назад?

Элиас закрыл блокнот. В соседнем кабинете кто-то начал громко смеяться и тут же оборвал себя. В управлении всегда продолжалась другая жизнь, и от этого было труднее отвечать на вопросы, для которых никакая форма не предусматривала графы.

— Я ищу Анну, — сказал он. — Именно поэтому проверяю её прошлое. Но оно не заменяет поисков сейчас.

Петер долго смотрел на него. Потом кивнул. Он не выглядел успокоенным. И обещать ему, что всё закончится хорошо, Элиас не мог.

12:03

На часах было три минуты первого, когда из лаборатории позвонили уточнить, сколько экземпляров сравнительных изображений нужно сохранить для дела. Элиас ответил: исходные, без обработки, плюс рабочие копии с отдельно записанными параметрами изменений. В телефонном разговоре он услышал раздражение специалиста — тот и без подсказок знал порядок. Элиас извинился и попросил лишь указать сроки предварительного сравнения. Сроков пока не было.

В кабинете стояли прозрачные упаковки с материалами, полученными по делу, и распечатки цифровых снимков. Предметы Софи, принятые утром, уже получили отдельные номера поступления; ключ, листок и отпечатки не смешивали с тем, что находилось в доме Линдов или при погибшей у пристани. Софи подписала запись о передаче. Элиас проверил копию описи и положил её к служебной переписке.

Он раскрыл на мониторе изображения двух отпечатков у озера. Сходство композиции бросалось в глаза: пять женщин, вода, неровная линия берега. Но положение одной из фигур отличалось. На одном изображении Ингрид, если предварительная идентификация была верна, находилась ближе к краю группы; на другом — ближе к середине.

На фотографии это могло означать разное. Снимки с нескольких последовательных кадров. Подрезанный отпечаток. Монтаж. Ошибку при сопоставлении самой Ингрид. Следствию ещё предстояло понять, какие из вариантов вообще возможны.

Криминалист, пришедший за материалами, долго смотрел на обе распечатки.

— Вы хотите проверить ретушь? — спросил он.

— И принадлежность к одной серии. Бумагу, поверхность, следы обрезки. По возможности — негативы и старые карточки проявки. Если их не осталось, так и запишем.

— Сначала установим, что именно сравниваем. Вы один снимок называете копией другого, а у нас пока нет ни оригинала, ни негатива.

— Согласен. В запросе напишу «отпечатки с визуально сходной композицией».

Для работы он ввёл два отдельных номера фотоматериалов. Ф-01 — отпечаток из-за шкафа в доме Линдов: пять женщин, возможная Анна, край детской руки, дата «18.07.1991» на обороте. Ф-02 — фотография, изъятая при теле Ингрид: тоже озеро и пять женщин, но другие положения фигур и ещё не проверенные повреждения бумаги. Номер не означал, что у снимков разные авторы; только то, что это два разных вещественных предмета, которые нельзя называть одной фотографией до сравнения негативов.

Криминалист сдвинул пакеты к себе.

— Вот это уже разговор.

Когда он ушёл, Элиас продолжил разбирать объяснение Петера. Имена «Елена» и «Анна» могли принадлежать одному человеку, двум разным или возникнуть в чьей-то ошибке памяти. Он выписал каждое упоминание отдельно. Не хотелось в дальнейшем обнаружить, что следствие построило целую семейную историю из двух слов, произнесённых двадцать лет спустя.

В почте появилось сообщение с пустым именем отправителя. Тема: «Для инспектора Виртанена».

Он не открыл вложение сразу. Сначала сохранил сведения о доставке, записал время и уведомил сотрудника, который занимался цифровыми материалами дела. На рабочем компьютере вложение просматривали с соблюдением принятого в отделе порядка, не запуская содержимое как программу. Это был обычный файл изображения, но предыдущие анонимные сообщения уже стали частью расследования, и обходиться с новым как с личным письмом было нельзя.

На экране появилось свидетельство о рождении.

Фамилия: Виртанен. Имя: Элиас. Дата рождения: 3 марта 1968 года.

Графа для имени матери оставалась пустой.

Ниже, в поле особых отметок, стояла фраза: «Происхождение подтверждено отдельно. Не выдавать повторное свидетельство без разрешения комиссии».

Элиас перечитал её. Потом увеличил номер бланка, увидел неровный край тёмной печати и сразу остановился. По изображению нельзя было определить, существовал ли такой документ вообще. Подделать скан было куда легче, чем объяснить, почему его прислали именно ему.

Он помнил отца, который не любил говорить о прошлом. Помнил несколько вещей из раннего детства: тёмный воротник зимнего пальто, телефон на стене кухни, запах лекарства в комнате, где ему запрещали шуметь. Мать, как ему говорили, умерла, когда он был маленьким. Он не вспоминал её лица с уверенностью — чаще вспоминал лицо на семейном снимке, который отец ставил на книжную полку.

Этого было достаточно для жизни. Для детства — по крайней мере, так он привык считать. Теперь незнакомый человек поместил перед ним чужую версию той же истории, написанную на бланке и снабжённую печатью. Он не собирался верить ей только потому, что в животе свело от страха.

Внизу изображения, за пределами поля бланка, была добавлена строка: «Вы тоже не тот, кем вас считали».

Это уже был голос отправителя, а не содержание документа. Элиас отделил одно от другого в протоколе. Отправитель хотел, чтобы он смешал их.

Он поднял трубку внутреннего телефона и попросил поставить на проверку бланк: номер, форму, возможный архивный источник, признаки монтажа. Затем открыл блокнот и написал собственную дату рождения так, как делал это сотни раз в анкетах. Рука остановилась на последней цифре. Он дописал её, закрыл ручку и положил рядом.

В коридоре прошёл Лахти. Его шаги Элиас узнал раньше голоса: комиссар шёл быстро, но перед поворотом всякий раз замедлялся и цеплял каблуком край ковровой дорожки. Тот остановился у двери, постучал один раз.

— Виртанен? Зайди ко мне.

— Сейчас.

— И принеси то, что тебе прислали.

Элиас посмотрел на экран. Лахти не должен был знать об анонимном файле из его личного разговора. Однако только что сообщение зарегистрировали в отделе, и сведения вполне могли дойти до комиссара обычным служебным путём. Следователь обязан рассматривать такую возможность прежде, чем обвинять начальника в чём-либо.

На соседнем мониторе оставалось увеличенное изображение кольца с едва различимыми знаками, похожими на «Е. В.». Он выключил увеличение. Ни надпись, ни предполагаемая фамильная связь не получили независимого подтверждения. Складывать их с новым письмом в единую историю было бы преждевременно.

Элиас взял служебную папку, положил внутрь распечатку сообщения с пометкой о происхождении и пошёл к Лахти. В коридоре пахло разогретым обедом из комнаты отдыха. Кто-то уронил стопку бумаг, кто-то ругнулся вполголоса. Впереди у лестницы спорили, кому идти за новыми картриджами. Рабочий день не заметил, что его собственная биография за последние три минуты перестала казаться бесспорной.

Глава 5. Чужое имя

Хельсинки. Среда, 16 ноября 2011 года.
12:26

В коридоре за кабинетом комиссара сменяли картридж. Дверь была приоткрыта, и Элиас успел услышать, как один из техников, стоя на коленях возле принтера, объяснял полицейскому, что новая деталь не подходит к старой модели. Полицейский возражал: вчера ему обещали другое. Спор шёл без злости, с той особенной настойчивостью, которую люди сохраняют для неисправностей, не имеющих отношения к убийству.

Элиас постучал в косяк. Лахти стоял у окна; подушечкой большого пальца он растирал на стекле влажное пятно. Рядом на подоконнике темнело основание цветочного горшка, из которого давно ничего не росло. На столе лежала серая папка. Одна чашка кофе была пуста, возле второй на блюдце засохло коричневое кольцо.

— Входи. И дверь закрой.

Когда из коридора перестало доноситься раздражённое «она не вставляется», комиссар указал на стул. Элиас остался стоять. Пальто он расстегнул, но снять не успел: пока поднимался с первого этажа, телефон дважды завибрировал в кармане. Оба раза звонили из отдела, хотя там прекрасно знали, где он находится.

— Сколько времени у нас есть? — спросил он.

— У меня — до часа. У тебя, насколько понимаю, дела серьёзнее.

— Вы вызвали меня из-за письма?

Лахти открыл папку. Внутри лежала распечатка документа, полученного Элиасом двадцать три минуты назад: свидетельство о рождении с его именем, датой 3 марта 1968 года и пустой графой матери. Внизу страницы чётко пропечаталась строчка о невыдаче повторного свидетельства без разрешения комиссии. При распечатке края тёмной печати стали ещё грубее.

— Это не письмо, — ответил Лахти. — Это изображение бланка неизвестного происхождения. Я знаю, что ты сейчас хочешь сказать. Сам сегодня утром заставил людей из технического отдела заняться отправителем. Не надо смотреть на меня так, будто я достал его из твоего стола.

Элиас сел. Стул скрипнул под ним; пришлось отодвинуться, чтобы не упираться коленом в выдвижной ящик.

— Тогда откуда вы знаете содержание?

— Ты зарегистрировал анонимное сообщение как материал дела. Уведомление попало ко мне. Так работает служебная почта, Виртанен. Иногда даже своевременно.

— А почему вы сказали, что уже видели его?

Лахти взял распечатку за край.

— Похожий бланк проходил через мои руки много лет назад. Не этот. Я не могу назвать его подлинным только потому, что узнаю расположение печати.

— Когда?

— В конце восьмидесятых. Тогда не было ни твоего дела, ни этих фотографий. Была проверка по одному заявлению, которое быстро перестало быть заявлением.

— Кто распорядился прекратить?

— Этого я не видел. Мне передали, что материалы ушли в другое производство.

— Номер?

— Не сохранился у меня. Если существовал в том виде, в каком положено хранить номера.

Лахти говорил скупо. Отдельные слова он произносил так, будто выбирал не между правдой и ложью, а между тем, что способен подтвердить, и тем, что спустя двадцать лет станет

звучать слишком уверенно. Элиас впервые за утро поймал себя на желании, чтобы комиссар просто сказал: «Да, всё это правда». Так было бы легче. Не профессиональнее — только легче.

— Вы упомянули комиссию, — напомнил он.

— Небольшую группу при учреждениях, занимавшихся семейными и свидетельскими делами. Во всяком случае, так было написано в сопроводительных бумагах. Название менялось. Подписи тоже. Я тогда был инспектором и проверял указанные адреса. Не составлял решения.

— Адреса кого?

— Взрослых, которые пропадали из регистрационных записей или появлялись в них под другими фамилиями. Иногда женщин с детьми.

— Им меняли документы?

— Предполагалось, что речь шла о защите. Где-то, возможно, так и было. Я не располагаю полной историей. Один раз мне вернули запрос с пометкой, что дальнейшая проверка создаст угрозу ребёнку. Я не получил ни имени ребёнка, ни объяснения.

— И вы перестали спрашивать?

— Нет. Спросил ещё раз. Получил такой же ответ, только уже через начальство.

Элиас снял пальто и положил его на колени. Мокрая ткань холодила ладони. Комиссар не отвёл взгляда, когда он произнёс:

— Вы знали, что среди этих детей мог быть я?

— Нет.

Ответ прозвучал быстро. Слишком быстро, подумал Элиас и сразу одёрнул себя: скорость ответа не доказывала обмана.

— До сегодняшнего утра не знал. Сейчас тоже не знаю, — добавил Лахти. — Ты получил скан без подтверждённого происхождения. А в официальном деле у тебя другие сведения. Не смешивай их, даже если хочется.

— Я этого и не делаю.

— Ты стоишь посреди расследования исчезновения Анны Линд и смерти женщины у пристани. Если завтра твои запросы окажутся продиктованы личным интересом, защита любого обвиняемого спросит, когда ты перестал отделять одно от другого. И будет иметь право спросить.

Элиас провёл большим пальцем по шву пальто. Под ногтем застряла тонкая чёрная нитка.

— Значит, отстраните меня.

— Ты сегодня поднимал архив Марии Коскела. Вчера говорил с Бергом. Теперь держишь в руках бумагу о собственном происхождении. Это три разных основания для проверки, а ты хочешь свести их к одному, — сказал Лахти.

— Не хочу. Я пытаюсь понять, почему они оказались рядом.

— Не разыгрывай сцену. Я сказал: раздели материалы. Личную информацию о своём рождении нельзя проверять по тем же основаниям, что улики по убийству. Для каждого запроса должно быть законное основание и понятный источник. Если возникнет конфликт интересов, мы его зафиксируем. Сейчас я хочу понять, откуда к тебе пришло это изображение.

У окна гудел радиатор. Лахти наконец отпил кофе и поставил чашку обратно — поморщился, потому что напиток остыл.

— Кто руководил той группой? — спросил Элиас.

— В бумагах чаще других встречался Эйнар Салми. По некоторым документам он значился ответственным за учреждение, которое работало с семейными записями. Насколько широко были его полномочия, я не знаю.

Элиас записал фамилию. Ручка царапнула бумагу: стержень плохо писал после того, как он забыл закрыть колпачок.

— Он жив?

— Умер в две тысячи третьем. У него есть дочь, Лииса. Живёт в Турку. Она не сотрудник полиции и ничего тебе не должна. Начнёшь разговор с обвинений в адрес её отца — закончишь на пороге.

— Адрес вы дадите?

— Публичный контакт я нашёл. Остальное получи законным порядком. И лучше сначала позвони.

Элиас поднялся, но комиссар попросил его остаться.

— Ты виделся с Бергом, — сказал он.

— Вчера. Я сообщил вам об этом.

— Он говорил о Салми?

— Нет. О старых женщинах и фотографиях. Осторожно говорил. Мы ещё проверяем его показания.

— Берг в те годы появлялся возле Салми. Помогал с бумагами и поездками. Я однажды встретил его в коридоре — молодой человек с пачкой конвертов, очень вежливый. Тогда мне не показалось, что он принимает решения.

— Откуда теперь знаете больше?

— От человека, который утверждал, что Берг помогал скрывать происхождение детей. Я записал его слова в служебной заметке. Через несколько месяцев, в девяносто втором, этот человек умер.

— Умер или был убит?

Лахти посмотрел на стену с календарём. Там всё ещё висел октябрь; никто не снял лист.

— У меня нет оснований утверждать убийство. И тебе пока не следует. Архивный номер той проверки я попробую восстановить.

— Имя свидетеля?

— Сначала найду саму запись. Я не собираюсь пересказывать тебе по памяти то, что можно прочитать в документе.

Элиас записал «1992 — проверить обстоятельства смерти» и подчёркнул только год. Надежда получить из разговора удобное объяснение уже прошла. Вместо неё появились поручения, запросы, возможная проверка старого рапорта, имя женщины в Турку и начальник, который, видимо, скрывал меньше, чем считал необходимым.

— Юкка, — сказал он, впервые за разговор назвав комиссара по имени. — Почему вы мне раньше ничего не рассказали?

Лахти не стал изображать удивление.

— Потому что до этой недели я не связывал ту историю с твоим делом. И потому что когда-то решил: если архив закрыт, значит, кто-то проверил основания. Решение было удобным. Возможно, неправильным.

Он повернул к Элиасу пустой лист.

— Запиши, что именно я рассказал. Как сведения со слов, не как установленное обстоятельство. Я подтвержу формулировки.

Элиас взял чистый лист. Пальто осталось лежать на его коленях, тяжёлое и влажное. В коридоре наконец заработал принтер. Машина выплюнула несколько листов подряд, затем кто-то коротко рассмеялся. Лахти ждал, пока он закончит запись.

14:05

На стоянке у придорожной станции пахло дизельным топливом и горячими булочками. Элиас остановился здесь по дороге в Турку: звонок из лаборатории поступил, когда он объезжал грузовик, и отвечать за рулём он не собирался. На дальнем краю площадки водитель автобуса выливал остатки кофе из бумажного стакана. Ветер подхватил лёгкую крышку, погнал её к мусорному баку; тот не попал в корзину и даже не обернулся.

Элиас открыл блокнот, где на верхней строке стояли фамилия Салми и адрес, подтверждённый после короткого звонка её дочери. Ниже — время назначенной встречи: половина четвёртого. Он выехал из управления вскоре после разговора с Лахти и не заезжал домой за сухой рубашкой.

— Вы в машине? — спросил Антти, когда Элиас перезвонил.

— На стоянке. Могу записывать.

— Хорошо. Потому что я хочу, чтобы ты услышал оговорки раньше результатов. Снимки, о которых ты спрашивал, не выглядят отпечатками с одного негатива. Это предварительное визуальное сравнение. Окончательного заключения нет.

— Различия в бумаге?

— И в изображении. Но не спеши с выводом, что кто-то собрал новую фотографию из старой. Сначала нужно установить, какие экземпляры были получены с настоящих отпечатков, а какие пришли к нам цифровыми копиями. Для некоторых поверхностей у нас пока только сканы.

— Что видно на сравнении?

Антти выслал два рабочих изображения по служебному каналу. Элиас открыл их на экране ноутбука, поставив его на пассажирское сиденье. Слишком много бликов. Он переместил компьютер ближе к рулю и отвернул экран от окна.

Пять женщин возле воды. Лица на двух композициях располагались похоже, но не совпадали полностью: возле плеча предполагаемой Ингрид на одном изображении выступали пальцы, на другом такого участка не было. Между двумя фигурами менялся просвет. Изображение, помеченное 1991 годом, нельзя было автоматически считать более поздней копией снимка с пометкой 1980-го. И сами даты ещё требовали проверки.

— Значит, снимали дважды? — спросил Элиас.

— Это один из вариантов. Ещё один — различия при кадрировании или обработке. Я не смогу определить последовательность съёмки по такой картинке. И отдельно: если даты на оборотах подлинны, это не означает, что именно в эти дни нажали кнопку аппарата.

— Фрагмент руки сохранился на физическом отпечатке?

— На одном — да. Следов цифрового дорисовывания мы в нём пока не выявили. Но и ретушь всего кадра не исключена. В отчёте будет написано ровно это.

Антти помолчал. В трубке заскрипело что-то металлическое, будто он подвинул лоток с инструментами.

— Есть более полезная вещь. На обороте одного старого отпечатка обнаружились следы выцветшей записи. Её пытались разобрать раньше, судя по повреждениям бумаги. Мы сделали серию снимков при разном освещении. Несколько слов читаются устойчиво.

— Какие?

— Запиши без собственных догадок. «18.07.80. Первый состав. Пятеро взрослых. Один ребёнок». Последнюю строку мы пока не восстановили полностью. Там есть слово «замена». Кто и что заменял — на бумаге не написано.

Элиас повторил текст, сверяя каждое слово. Ребёнка на той части фотографии, которой они располагали, не было видно. Возможно, его обрезали; возможно, описание относилось к составу группы, а не к изображённым людям. Пятеро взрослых на снимке действительно стояли у озера. Этого совпадения было недостаточно, чтобы решить, о каком ребёнке шла речь.

— Мне нужна копия без увеличений и отдельно ваши рабочие версии, — сказал он. — С указанием, чем обрабатывали изображение.

— Отправлю через нашу систему. И не называй это экспертизой, пока я не подписал заключение.

— Не собирался.

— Собирался. Я слышу по голосу.

Элиас впервые за день усмехнулся. Антти не смеялся: он уже уточнял номера упаковок и просил не путать фотографию, полученную от Софи, с материалом, изъятым при осмотре места обнаружения тела. Элиас записал оба номера отдельно.

Когда разговор закончился, он ещё раз посмотрел на изображение руки возле плеча женщины. Таких рук на старых фотографиях было множество: кто-то поправлял воротник, удерживал ребёнка, подходил к группе в последний момент. Превратить пальцы в доказательство присутствия конкретного человека можно было только после того, как его найдут на другом кадре. Пока это был край чужого жеста, запертый в бумаге.

Он закрыл ноутбук, убрал его в сумку и завёл двигатель. На часы посмотрел уже при выезде со стоянки. Если движение на трассе не остановится, к Лиисе Салми он успеет.

15:32

Дом Лиисы Салми стоял на тихой улице у окраины Турку. На противоположной стороне мужчина в резиновых сапогах соскребал мокрые листья с решётки водостока. Садовые кусты были подрезаны неровно; у калитки осталась пластиковая лейка, полная дождевой воды. Элиас не сразу нашёл номер дома — его закрывала ветка, которую давно следовало убрать.

Женщина открыла после второго звонка. Невысокая, с короткими седыми волосами и крупными костяшками пальцев, она носила тёмную кофту поверх рубашки с застёгнутыми до горла пуговицами. Взгляд задержался на его служебном удостоверении дольше, чем на лице.

— Вы говорили об Ингрид, — напомнила она. — По телефону.

— Да. Мне нужно уточнить старые сведения. И рассказать вам, какие из них пока никто не подтвердил.

— Хорошее начало для полицейского.

Она пропустила его в прихожую. На нижней полке стояли детские сапоги, хотя по дому было видно, что маленьких детей здесь давно нет; возможно, приезжали внуки. Он не стал спрашивать. Повесил пальто на крючок, куда указала хозяйка, и заметил на стене карандашные отметки роста рядом с дверным косяком. Их не закрасили даже после последнего ремонта.

В гостиной было прохладно. На столе лежала открытая газета с недочитанным кроссвордом. Лиисa свернула её и поставила чайник. От кофе Элиас отказался; после разговора с Лахти во рту оставался кислый привкус.

— Вы знали моего отца? — спросила она, ещё не присев.

— Лично нет. Комиссар Лахти назвал его имя в связи со старыми документами. Я не утверждаю, что ваш отец совершал преступления.

— Но хотите спросить, совершал ли.

— Хочу понять, что именно сохранилось.

Лиисa села в кресло напротив. На подлокотнике ткань истёрлась до светлых нитей. Она поправила один конец пледа и положила ладони на колени.

— Отец был очень аккуратным человеком. Принесённые домой бумаги лежали по папкам. Говорил, что одни документы защищают людей, а другие делают им больно. Мне тогда это казалось обычными взрослыми словами.

— Как он называл работу?

— По-разному. Помощь семьям, трудные случаи. Иногда употреблял слово salassapito[5]. Когда приходили гости, он просил меня не задавать вопросов. Я думала, у него важная государственная должность. Оказалось, важность не гарантирует, что человек понимает, чем занят.

Элиас записал выражение как её воспоминание, а не название учреждения.

— В какой момент он стал говорить об этом иначе?

— После одного разговора. Он вернулся домой, долго мыл руки на кухне. Отец вообще часто мыл руки — любил, чтобы на них не было запаха типографской краски. Но тогда я

[5] Salassapito (фин.) — соблюдение конфиденциальности, обязанность сохранять служебную или иную охраняемую тайну.

подумала, что он испачкался чем-то другим. Он сказал: «Больше никаких новых имён». Не знаю, выполнил ли обещание.

— Вы помните год?

— Нет. Между серединой восьмидесятых и концом десятилетия. Я училась и бывала дома не каждый день. Если назову точную дату, вы запишете её и потом будете считать установленной. А я не помню.

Элиас отложил ручку. Лииса наблюдала за ним; по лицу было видно, что его ответ ей важен.

— Я запишу диапазон, который вы назвали. Уточнить можно по вашим старым письмам, если они остались.

— Письма остались. Можете попросить посмотреть. Но сначала — зачем вам Ингрид?

Он рассказал, что под фамилией Сааринен в Хельсинки обнаружено тело женщины, которую следствие предварительно связывает с исчезновением Ингрид Сольберг в 1991 году. Объяснил, что две фамилии встречаются в документах и их связь проверяется, а детали смерти пока не разглашаются. Лииса выслушала, не перебивая. Только один раз потянулась к краю чашки и повернула её ручкой вправо.

— Если это она, — сказала наконец, — отец бы не удивился. Он всё время говорил, что некоторые истории нельзя закрыть бумажной печатью. Я думала, старость делает его подозрительным.

— В вашем доме бывала женщина по имени Елена?

Лииса опустила глаза на открытую тетрадь Элиаса.

— Была женщина, которую он так называл. Но я не знаю, было ли имя настоящим.

— Что вы помните о ней сами?

— Тёмное пальто. Она всё время держала сумку возле ног, даже за столом. Однажды пришла без перчаток в холодный день. Я предложила ей старые мамины, а она отказалась. Говорила тихо, и поэтому отец тоже говорил с ней тихо. Тогда мне показалось, будто они ругаются шёпотом.

Элиас достал рабочий снимок пяти женщин и положил его на стол так, чтобы Лииса могла сначала рассмотреть весь кадр. Он не указывал ни на Ингрид, ни на предполагаемую Елену. Попросил назвать всех, кого она узнаёт, если узнаёт вообще.

Лииса придвинула фотографию к лампе. Свет упал на кольцо одной из женщин.

— Похожа на ту, — сказала она и коснулась ногтем края стола рядом с изображением. — Вот эта. Но снимок старый. Я не видела её столько лет. Подтвердить смогу разве что по другим фотографиям.

— Вы помните кольцо?

— Не уверена. Сумку помню лучше. Хотя это ничего не значит. У людей бывают одинаковые сумки.

— О чём она просила вашего отца?

— О девочке. Сказала, что ребёнка нужно вернуть.

— Вы слышали разговор целиком?

— Нет. Они говорили на кухне. Я стояла в коридоре, ждала, пока отец вернёт мне ключи от велосипеда. Запомнила, потому что женщина повысила голос всего один раз. Спросила, как можно назвать правильным то, что ребёнок живёт в чужой семье. А отец сказал: «Теперь всё оформлено». Мне было страшно не от слов. Он произнёс это как человек, которому уже больше нечего предложить.

— Она назвала девочку дочерью?

— При мне — нет. Я услышала только просьбу вернуть. Если отец потом говорил про её дочь, я могу сейчас смешивать два разговора.

Элиас поблагодарил за уточнение. Он видел, что ей неприятно не вспоминать. За долгие годы Лииса, вероятно, много раз рассказывала эту историю себе и каждый раз могла незаметно дополнять её объяснениями. Теперь он просил отделить первоначальный страх от позднего знания. Это было трудно даже свидетелям недавних событий.

— Я покажу вам кое-что, — сказала она.

В шкафу за стеклянными дверцами стояли тома энциклопедии, две треснувшие чашки и металлическая коробка из-под печенья. Лииса сняла коробку, положила на стол и перевернула; крышка никак не поддавалась. Пришлось поддеть её ложкой, оставив на металле свежую царапину.

Внутри лежали семейные фотографии, чеки из магазина электроники, несколько поздравительных открыток и тонкая папка, стянутая выцветшей резинкой. Лииса вынула её осторожно, но не с той церемонной осторожностью, с какой обращаются с бесценной реликвией. Она, по-видимому, неоднократно собиралась всё выбросить.

— После смерти отца я проверяла это, — сказала она. — Не могла понять, зачем он хранил столько копий. Здесь не всё. Часть бумаг мать уничтожила ещё раньше.

Она раскрыла папку на письме от 21 августа 1986 года. От машинописных строчек остался неравномерный серый след; копию снимали на старом аппарате, одна сторона была темнее другой. Элиас попросил разрешения сфотографировать документ для проверки, но сначала прочитал его глазами. Бумага не была оригиналом, на ней не было объёмного следа от ручки или печати, по которому можно было бы судить о времени подписи.

«Передача ребёнка завершена. Новая семья уведомлена. Биологические родственники не должны предпринимать попыток контакта.

Исключение возможно только при письменном согласии всех участников.

Случай № 0418.

Ответственный: Й. Берг».

— Знаете, откуда у отца эта копия?

— Нет. На ней нет адресата. Возможно, её прислали ему. Возможно, он оставил себе второй экземпляр. Там, в коробке, был только этот лист.

— Фамилия Берг вам знакома?

— Один человек приходил вместе с женщиной. Молодой, светловолосый. Принёс мне шоколад, хотя я уже не была ребёнком и чувствовала себя неловко. Отец потом сказал, что этот человек очень старается понравиться. Не знаю, был ли это тот самый Берг. Вы спрашиваете, и я невольно хочу связать эти воспоминания.

— Я покажу вам фотографии для опознания позже, по установленной процедуре. Сейчас достаточно описания. Вы помните имя девочки?

Лииса сложила губы, будто собиралась произнести что-то и передумала.

— Софи. Или что-то похожее. Я слышала его мельком, когда отец говорил по телефону. Не могу утверждать, что имя относилось к этому письму. Слышите? Не могу.

Элиас кивнул. За окном по улице проехал грузовик, и чайная ложка тихо задребезжала на блюдце.

— Это важная разница. В документе имя ребёнка вообще не указано.

— А номер? — спросила она. — Вы пришли за номером?

— В числе прочего.

Лииса положила ладонь на письмо. Элиас не стал его тянуть к себе.

— Вы можете оставить копию для сверки? — спросил он. — С записью о том, где хранилась и как попала к вам. Если захотите, мы оформим добровольную передачу этого экземпляра. Оригинала у вас, как я понимаю, нет.

— Забирайте копию. Но напишите, что я не знаю, кто её изготовил. Не хочу, чтобы через двадцать лет кто-то говорил о моём отце то, чего я не говорила.

Он составил короткую запись, прочитал вслух только фактическую часть и дал Лиисе проверить фамилии, дату и источник листа. Она вычеркнула одно слово — «служебный», стоявшее перед «письмом».

— Я не знаю, служебный ли он, — сказала хозяйка.

Правильно. Элиас исправил и это.

За дверью в прихожей хлопнуло от сквозняка. Лиисa вздрогнула; потом сама же усмехнулась своей реакции. На кухне закипел оставленный чайник. Они оба услышали, но ещё несколько секунд сидели, глядя на лист с номером 0418. В нём не было имени ребёнка. Тем не менее чужие жизни уже начали тянуться к четырём цифрам.

18:11

К Хельсинки Элиас вернулся в темноте. Выехать из Турку удалось сразу после четырёх: Лиисa ещё на пороге попросила позвонить, если удастся установить происхождение письма. Он не обещал рассказать всё — лишь подтвердить, когда документ получит оценку специалиста. На выезде из города пришлось долго стоять за ремонтной колонной. Теперь в машине пахло влажной шерстью и бумажным пакетом, в котором лежал недоеденный бутерброд.

У здания полиции он заглушил двигатель и несколько секунд смотрел на светящиеся окна. В левом кармане пальто лежала отдельно упакованная копия письма. Он открыл блокнот на четырёх строках: ключ Софи — 0418; копия — тот же номер; Берг; воспоминание Лиисы о девочке. Между строками оставалось слишком много пустого места.

Со стороны всё выглядело убедительно. Слишком убедительно, чтобы забыть, сколько неизвестного стояло между строками.

Он набрал Софи. Та ответила не после первого звонка, но быстро.

— Где вы сейчас?

— Дома. То есть… в квартире. Полиция уже здесь.

Элиас выпрямился.

— Что произошло?

— Я вызвала их. Я нашла на двери записку, а потом заметила, что в комнате что-то передвигали.

— Вы в безопасности?

— Один сотрудник со мной. Второй осматривает лестницу. Сказали не трогать вещи.

Элиас попросил её передать телефон полицейскому и уточнил адрес, время поступления вызова, кто уже фотографировал дверь и записку. Назвал фамилию и номер дела, по которому работает с Софи. Не было смысла приезжать и начинать всё с нуля, игнорируя действия первого наряда. Сотрудник сообщил, что явных следов взлома двери пока не выявлено; это не исключало проникновения и не доказывало его.

Когда телефон вернули Софи, она говорила тише.

— Вы звонили потому, что что-то нашли?

— Нашёл старый документ, в котором упоминается передача ребёнка. Восемьдесят шестой год. Номер 0418. Там нет вашего имени, Софи. Я должен сказать это сразу.

— Номер я знаю.

— Откуда?

— Он написан внутри материнской коробки. Не на ключе, на дереве. Я заметила только сегодня. Раньше думала, это дата или цена.

— Коробка у вас?

— Да. Стоит открытая. Но в ней… В ней уже не всё.

Элиас медленно выдохнул, стараясь говорить тем же тоном, что и до новости о вызове полиции.

— Не перечисляйте сейчас по памяти, что исчезло. Сначала нужно записать, что вы видели до происшествия, и что видите после. Вы сможете?

— Смогу. Хотя я уже рассказала им про конверт.

— Какой конверт?

— С вашим именем. Он лежал в коробке. Я его не вскрывала.

На пассажирском сиденье, рядом с пакетом от бутерброда, лежала распечатка анонимного свидетельства. Элиас отвернулся от неё. Любая связь между двумя отправлениями пока могла быть лишь намерением человека, который их подготовил.

— Когда вы последний раз видели его закрытым?

— Перед звонком в дверь. Я достала коробку, посмотрела на него, убрала обратно. Потом кто-то позвонил и назвал меня другим именем.

— Каким?

— Елена.

Он записал точное слово. За стеклом проходила женщина с двумя пакетами продуктов; один у неё порвался, и из него выкатилась бутылка воды. Она быстро подобрала её и пошла дальше. Элиас видел всё это, хотя почти не слушал происходящее на парковке.

— Вы открывали дверь?

— Нет. Я спросила, кто там. Мужчина ничего не ответил, только повторил имя. Потом я увидела записку. Когда он ушёл, позвонила в полицию.

— Вы его видели?

— Нет. Через глазок было плохо видно площадку. Может, он стоял сбоку. Я слышала только голос.

— Что было в записке?

Софи прочитала по фотографии на телефоне:

— «Ты не первая Софи».

Элиас прикрыл глаза на секунду. Не ради того, чтобы справиться с потрясением, а чтобы не перебить её собственными вопросами. По этой фразе невозможно было понять, говорится ли о двух женщинах, одном имени в разных документах или о сознательной попытке напугать свидетельницу.

— Есть ещё кое-что, — сказала она. — Я нашла в бумагах матери запись из больницы. Там фамилия Линд и имя Анна. Возле даты передачи ребёнка. Я сначала решила, что это женщина, которая меня забрала.

— Вы видите в документе собственное имя?

— Нет. Там часть строк закрыта. Но год тот же. И возле фамилии от руки добавлено «Елена».

— Это мы проверим. Не стройте вывод о родстве по одной записи. И, пожалуйста, отдайте полицейским все найденные листы для фиксации, если согласны, чтобы они вошли в материалы.

— Вы думаете, Мария была мне не матерью?

Он не знал, что ответить без жестокости или ложного утешения. Софи сама избавила его от необходимости выбирать:

— Я понимаю. Вы не знаете.

— Не знаю, — сказал он. — Я скоро буду.

Перед тем как отключиться, он ещё раз попросил её не оставаться одной после ухода наряда и не пытаться искать человека на лестнице. Затем позвонил дежурному, уточнил, кто направлен на адрес, и вышел из машины. Пальто он надел уже на ходу.

19:03

На третьем этаже пахло отварной картошкой. За одной дверью громко работал телевизор; диктор на повышенных тонах сообщал о задержке поездов. На площадке у квартиры Софи стояли двое полицейских. Один — высокий, с покрасневшими от холода ушами — попросил Элиаса назвать фамилию и дождался, пока коллега подтвердит его полномочия. Элиас не оби-

делся. Он сам хотел бы, чтобы к месту возможного проникновения не пропускали каждого человека с уверенным голосом.

Дверь квартиры была открыта для осмотра. На внутренней стороне наличника светились метки, нанесённые экспертом, которого ждали позднее. Дежурный сказал, что место уже сфотографировали в исходном состоянии, записка помещена в отдельный пакет, а у Софи принято первичное объяснение. Вызов поступил после восемнадцати; точное время он предложил брать из журнала, а не из памяти.

Софи сидела на кухне, обхватив руками чашку, которую явно не пила. Её волосы были собраны резинкой, но несколько прядей выбились у висков. На столе рядом лежала старая фотография, уже упакованная в прозрачный пакет: Софи настояла, что не хочет отпускать её из виду, пока не убедится, что полицейские записали, откуда она взялась.

— Вы приехали, — сказала она.

— Да. Я сначала поговорю с коллегами, потом с вами. Если вам нужно, чтобы здесь оставался кто-то ещё, скажите.

— Мне нужно, чтобы перестали называть меня чужим именем.

Элиас не стал обещать этого. Он спросил, можно ли пройти в комнату. Софи кивнула и опустила чашку на блюдце; фарфор стукнул о край, кофе расплескался ей на пальцы. Она даже не посмотрела.

В спальне дверца шкафа оставалась раскрытой. На полу стояла коробка с фотографиями; возле неё аккуратно сложили несколько конвертов для фиксации содержимого. Один ящик комода выдвинут наполовину. Вещи не были разбросаны — скорее, кто-то сдвинул ровные стопки, а потом постарался вернуть их на место. Но порядок, каким его помнила Софи, всё равно нарушился.

— Следы взлома? — спросил Элиас.

— Пока не видим, — сказал полицейский. — Замок не повреждён снаружи. Это не значит, что никто не входил. Дубликат ключа, открытая ранее дверь, чужие действия до вызова — варианты ещё проверяем. Соседей опрашиваем.

— Кто первым вошёл после её звонка?

— Наш наряд. Дверь открыла сама хозяйка. До этого она стояла у соседки на площадке и ждала нас.

Элиас кивнул. Он попросил не менять положение вещей до работы криминалиста и внимательно выслушал, что уже успели зафиксировать. Иногда важнее было не задавать новый вопрос, а узнать, какой уже задавали: свидетель может начать подстраивать ответ под ожидания каждого следующего полицейского.

На столе в комнате лежал пустой конверт. Сотрудник показал его через прозрачную упаковку, не передавая Элиасу в руки. Почерк был ровным, чуть наклонённым вправо. На лицевой стороне значилось:

«Элиас Виртанен. Личное дело. Не вскрывать до 18 ноября».

— В нём что-нибудь осталось? — спросил Элиас.

— Нет. Клапан раскрыт, края повреждены. Мог быть пустым и прежде. Мы этого не знаем.

— Софи видела его запечатанным?

— С её слов, да. В протоколе отмечено. Пока только с её слов.

Элиас поблагодарил. Ни его имя, ни дата не давали оснований отодвинуть остальных участников расследования и взять конверт на себя. Это мог быть предмет, оставленный злоумышленником; мог быть лист из семейного архива, содержимое которого исчезло раньше. Любое объяснение требовало проверки — особенно то, которое обращалось к нему лично.

Софи вышла из кухни. Остановилась у дверного проёма, не переступая порог комнаты.

— Я знала, что он был там, — сказала она. — Вчера вечером видела. Даже хотела позвонить вам. Не стала. Подумала, вы решите, что я опять ищу смысл в каждой бумажке.

— Когда именно видели?

— После того как вы ушли. Я складывала вещи матери. Конверт лежал под фотографиями. Сегодня, перед звонком, я достала его ещё раз. Клапан был целым.

— Вы держали его в руках?

— Конечно. И вчера, и сегодня. Я скажу, где брала. Следы мои, наверное, будут на нём.

— Так и запишем. Когда проверяют отпечатки, важно знать, кому предмет принадлежал и кто касался его законно.

Она посмотрела на свою ладонь. На боковой стороне указательного пальца был маленький ожог — вероятно, старый, уже затянувшийся. Впервые за вечер Софи показалась не испуганной родственницей старого дела, не свидетелем и не женщиной с неизвестной биографией, а человеком, который живёт здесь, готовит кофе, обжигает руки, забывает закрыть шкаф. До этого дня её квартира не была местом происшествия. Теперь по ней ходили чужие люди и обсуждали, где можно ставить ноги.

— Мужчина за дверью назвал вас Еленой, — сказал Элиас. — Он произнёс что-нибудь ещё?

— Нет. Сначала один раз. Потом ещё. Не спросил, здесь ли Елена. Просто сказал имя, как будто ждал, что я открою.

— Вы узнали голос?

— Нет. И не спрашивайте, был ли это Берг. Я почти не слышала его раньше. Если вы покажете мне фотографию, она не поможет вспомнить голос.

Элиас убрал блокнот в карман. Софи поняла слабость такого опознания раньше, чем он успел её объяснить.

— Простите, — сказала она. — Я понимаю, что вы просто работаете.

— Не за что извиняться. Вы помните, через сколько времени после звонка заметили записку?

Софи рассказала: сначала она заглянула в глазок, потом спросила через дверь, кто пришёл. В ответ услышала «Елена». Когда шаги удалились, открыла на цепочку, увидела прикреплённый к двери лист, закрыла дверь и позвонила в полицию. Позже, уже при наряде, заметила сдвинутые вещи и открытый конверт. Сотрудник сверил последовательность с её первым объяснением. Противоречий пока не обнаружилось; точное время отдельных действий нужно было восстановить по журналу звонков и показаниям соседей.

— Вы думаете, этот человек мог быть в квартире ещё до того, как позвонил? — спросила Софи.

— Рассматриваем и такую возможность. Но сказать, когда нарушили порядок в комнате, сейчас нельзя.

— Он мог слышать, как я ходила с коробкой.

— Мог. И мог знать о ней раньше. Пока у нас нет способа выбрать одно из двух.

Софи подошла к кухонному столу и села. Руки теперь лежали перед ней открыто, ладонями вниз.

— Я всю жизнь была Софи Коскела. Даже когда мама сердилась, называла меня именно так. А сегодня человек за дверью произнёс «Елена», и я не возразила. Не потому, что поверила. Я просто не знала, какое имя он хотел от меня услышать.

Элиас сел напротив. Между ними осталась фотография в пакете и давно остывший кофе. Он хотел сказать ей, что никакая бумага не отменяет прожитых лет. Слова прозвучали бы правильно, а значит, сейчас почти бесполезно. Она не просила лекции о личности. Ей нужно было узнать, кто стоял за дверью и почему он знал о коробке матери.

— Мы проверим письмо и людей, которые могли иметь к нему доступ, — сказал он. — Проверим старые записи больницы, показания соседей, замок. Если по документам выяснится что-то о вашем происхождении, я не стану сообщать вам предположение как готовый ответ.

— А если вы найдёте готовый?

— Тогда сначала убедимся, что он настоящий.

Она слабо кивнула. В коридоре у входа кто-то открыл чемоданчик с инструментами; щёлкнули металлические защёлки. Софи подняла голову на звук, потом снова посмотрела в чашку.

Элиас попросил сделать ему копию записи с конверта после надлежащей фиксации и вышел на лестничную площадку. В кармане завибрировал телефон, но это был всего лишь запрос от дежурного по другой проверке. Он ответил коротко и достал блокнот.

«Не вскрывать до 18 ноября».

Двадцать лет назад, 18 ноября 1991 года, исчезла Ингрид Сольберг. Это следовало из архивных материалов. Теперь неизвестный адресовал ему личное дело с датой 18 ноября 2011-го. Был ли такой выбор сознательной отсылкой или совпадением, проверить ещё предстояло. Знал ли автор конверта, что они нашли прошлое Ингрид? Вероятно. Но даже это пока оставалось только версией.

Он записал обе даты на соседних строках. Ниже — два поручения: проверить происхождение конверта и не допустить, чтобы сведения о собственной биографии смешались с доказательствами по делу погибшей.

На лестнице стало тесно: криминалист поднимался с сумкой, придерживая ногой дверь. Элиас отошёл к стене, пропуская его, и спрятал блокнот. Работа продолжалась. До восемнадцатого ноября оставалось меньше двух суток.

Глава 6. Дело № 0418

Хельсинки. Четверг, 17 ноября 2011 года.
05:54

К шести утра в полицейском управлении начинали греться только верхние этажи. На третьем батареи уже обжигали пальцы, на первом дежурные сидели в куртках. Элиас провёл здесь ночь, переходя из одного кабинета в другой за бумагами, которые никто не считал нужным хранить вместе. Пальто он повесил на спинку стула. Подол всё ещё был влажным после вчерашнего выезда к Софи.

У окна стояла пластиковая коробка из-под обеда. Внутри засохло несколько зёрен риса. Он вспомнил, что купил еду на заправке по дороге из Турку, но не смог вспомнить, когда открыл крышку. Пустой стаканчик от кофе оставил на столе коричневый круг. Элиас подвинул папку, чтобы тот не касался бумаг.

Номер 0418 встречался в трёх материалах. На ключе из семейной коробки Софи. В копии письма комиссии от 21 августа 1986 года. В описи, полученной через Лахти, — там число стояло без пояснения, между двумя другими регистрационными обозначениями. Все три совпадения он выписал на отдельный лист, оставив справа место для источника и степени надёжности.

Напротив ключа написал: «Оригинал у криминалистов; происхождение не установлено». Напротив письма: «Копия; запросить архивный экземпляр». Напротив описи не написал ничего. Сначала следовало убедиться, что это вообще обозначение дела, а не порядковый номер в чьём-то внутреннем перечне.

В служебной карточке стояло сухое слово esitutkinta[6]. В базах уголовных производств ответа не было. Поиск с пробелом, с дефисом и без начального нуля давал разный набор пустых карточек. За ним стояло не исчезнувшее преступление, а обычная несовместимость учётов: дело конца восьмидесятых могли не перенести в электронную систему, особенно если оно никогда не проходило по линии полиции. Он позвонил в дежурную архивную службу. Ночной сотрудник попросил прислать письменное обращение с указанием основания доступа. И был прав.

Элиас заполнил форму, несколько раз вернулся к полю «цель запроса». Там требовалось назвать уголовное дело, к которому относились документы. Он вписал номер производства об обнаружении тела у пристани и отдельно обозначил возможную связь с исчезновением Анны Линд. Собственные документы он не включил. Для них нужен был иной порядок доступа, и чем сильнее ему хотелось его обойти, тем осторожнее следовало действовать.

На мониторе осталось открытым изображение свидетельства о его рождении. Присланный неизвестным скан содержал дату 3 марта 1968 года и его имя. Происхождение файла не подтверждалось ничем: электронный адрес отправителя был одноразовым, видимых печатей на изображении оказалось недостаточно для оценки подлинности. Элиас свернул окно. Не от страха. Просто невозможно одновременно расследовать гибель женщины и разбирать собственную биографию так, будто обе задачи дают ему одинаковое право на ошибки.

Телефон завибрировал на столешнице. Номер отправителя не определился.

«Вы ищете своё рождение не там. Посмотрите на дату смерти».

Он не нажал «Ответить». Снял с экрана данные о времени получения, продиктовал их в служебную запись и попросил технического сотрудника сохранить сообщение вместе с доступными сведениями о доставке. Нельзя было рассчитывать, что оператор непременно устано-

[6] Esitutkinta (фин.) — предварительное расследование, проводимое полицией до передачи материалов прокурору.

вит автора: устройство могло показывать не тот номер, с которого сообщение отправили. Но попробовать требовалось.

В личной записи, которую Элиас помнил с детства, стояло: мать умерла 12 ноября 1974 года после операции. Ему было шесть. В каком городе её похоронили, он в школьные годы не спрашивал; взрослые произносили слова «после операции» таким тоном, что дальнейшие вопросы казались неприличными. Теперь он понимал, насколько это удобное выражение. Оно объясняло всё и ничего.

Память сохранила не лицо. Чей-то шарф, перекинутый через спинку кухонного стула. Запах горелого хлеба. Женскую ладонь, придерживающую его голову, пока другой рукой застёгивают ворот рубашки. Он никогда не проверял, видел ли это сам или представлял по семейным рассказам. В детстве не нужно различать два таких источника. Следователю — нужно.

На фотографии женщины с кольцом светлое пятно возле скулы при увеличении распадалось на зерно. Сходство с человеком из смутной памяти можно было найти, стоило только захотеть. Элиас закрыл изображение и написал рядом с неизвестным сообщением три слова: «Не устанавливает личность».

За стеной заработал принтер. Бумагу он затягивал с коротким металлическим скрежетом. Дежурный по коридору принёс запрос из другого отдела и спросил, идёт ли Элиас домой. Тот ответил, что сначала дождётся Софи: накануне она обещала уточнить, какие вещи лежали в коробке матери до посещения квартиры посторонним. Дежурный посмотрел на часы и ничего не сказал.

За окном начало светать. Припаркованные машины постепенно стали различаться по цвету. Элиас отодвинул снимок и снова открыл журнал выдачи архивных дел. В нём была графа, которую он раньше пропускал: «Кому передано». В двух строках фамилии отсутствовали, зато стояли даты. Он сделал копии и оформил запрос на первичные листы. Пока это была работа с пустыми клетками. Ничего больше.

07:20

Софи пришла без предупреждения, хотя после вчерашнего вечера они договорились сначала созваниваться. На ней был тёмный плащ, застёгнутый не на те пуговицы. В мокрых волосах возле правого уха застряла тонкая нитка — должно быть, от шарфа. Она заметила, что Элиас смотрит на неё, поправила воротник и остановилась у двери кабинета.

— Я знаю, что рано.

— Вы всю ночь были дома?

— Да. Сотрудники ушли после полуночи. У подъезда ещё стояла машина, потом и её не стало. Я не спала.

— Кто-нибудь звонил?

— Только соседка. Хотела узнать, не нужно ли мне переночевать у неё. Сказала, что у полиции наверняка есть дела поважнее моей коробки.

Софи поставила сумку на колени. Застёжка не закрывалась; из неё выглядывал угол плотного конверта. Элиас не потянулся к нему.

— Вы принесли что-то ещё?

Она достала узкий прозрачный пакет. Внутри лежала маленькая фотография: женщина у больничного входа, в коротком тёмном пальто и с волосами, собранными назад. Рядом стоял мужчина; объектив захватил только плечо, часть воротника и тыльную сторону руки. На обороте, видимом через пакет, чьей-то рукой было написано: «Первый день. 1986».

— Где нашли?

— В коробке. С задней стороны, под картоном. Вчера его никто не отрывал. Криминалист осмотрел фотографии, а не саму коробку. Утром я хотела убрать её в шкаф — днище отстало, и я увидела белый край.

— Вы сняли картон?

— Да. Ножом. Звучит отвратительно, я понимаю. Надо было позвонить. Я вспомнила об этом, когда уже держала снимок в руках.

Софи не ждала, что ей скажут «всё в порядке». Положила пакет ровно, ладонью к себе, и добавила:

— Нож кухонный, с красной ручкой. Я его не мыла. Пакет взяла новый, из упаковки для продуктов. Могу показать, где всё было.

Элиас записал последовательность. Отсутствие первоначальной фиксации ослабляло доказательственную ценность находки, но не делало фотографию бесполезной. Он попросил Софи не трогать остальные вещи и связался с дежурной следственной группой, чтобы сотрудник повторно осмотрел коробку и оформил её передачу. Софи выслушала и кивнула.

— А женщина? — спросила она. — Мне кажется, это не мама.

— По какой причине?

— У Марии был другой нос. Я помню фотографии из её паспорта. Но снимок старый, и я могу ошибаться. — Она провела пальцем по шву сумки. — Я вчера сказала вам, что Анна могла забрать меня из больницы. А ночью подумала: вдруг эта женщина и есть та, которая меня родила?

— Из фотографии это не следует.

— Знаю. Только у меня нет другой фотографии, на которой рядом с больницей стоит женщина, чей снимок прятали двадцать пять лет.

Элиас впервые за утро посмотрел прямо на неё. Софи не просила согласиться с версией. Она объясняла, почему не смогла оставить находку дома. Разница имела значение.

— Есть ещё бумага, — сказала она.

Из конверта вышла копия карточки медицинского учёта, сложенная вчетверо. На верхнем поле имя было закрыто тёмной полосой, ниже читалось: «девочка, новорождённая», дата поступления — 21 августа 1986 года. Внизу стояла строка с подписью, похожей на «Й. Берг». На обороте карандашом: «Линд. Анна».

Элиас отдельно пометил, что копия попала в дело через частный источник, а не по ответу больницы на полицейский запрос. По ней можно было сформулировать вопросы, но нельзя было считать подтверждёнными ни личность пациента, ни законность прежнего доступа к его медицинским сведениям. Запрос к держателю оригинала следовало оформлять и проверять отдельно.

— Где она была?

— Под тем же картоном. Фотография прикрывала её. Я сначала решила, что это квитанция.

— Откуда вы знаете, что написанное здесь относится к вам?

— Не знаю. — Софи подняла подбородок, будто готовилась к упрёку. — И если этот лист подложили в коробку вчера, я тоже не знаю. Но фамилию Анны вы уже называли. Я не могла сделать вид, что не заметила.

Элиас осмотрел лист сквозь защитную обложку. Подпись заканчивалась резким росчерком, но копия съела нажим пера. Он отметил два вопроса: кто подписал карточку и на каком основании психолог вообще мог участвовать в передаче ребёнка. Оригинала по-прежнему не было.

— Нам понадобится оригинал, если он существует, — сказал Элиас. — И документация учреждения. На бланке нет надёжного указания, где его составили.

— Вы опять говорите, чего нельзя узнать.

— Потому что знаю, как легко было бы соврать вам обо всём остальном.

Ей ответ не понравился. Она поправила рукав и спросила уже другим голосом:

— А если окажется, что Мария не была моей матерью? Мне перестать называть её мамой?

Элиас не нашёл быстрого ответа. Под окном проехал грузовик; от вибрации в стекле несколько раз звякнуло плохо закреплённое крепление жалюзи.

— Я не могу решать за вас, — сказал он. — Но документ о рождении не отменит того, кто вас растил. И не освободит нас от обязанности выяснить, кто написал его и зачем.

Софи смотрела на фотографию, не касаясь пакета. На обороте было всего три слова и год. От этих слов можно было построить целую жизнь. Самое трудное заключалось в том, чтобы пока этого не делать.

09:05

Петер Линд вошёл с тем выражением, с каким люди приходят не на опрос, а на разговор о чужом долге. Дверь за ним закрылась слишком громко. Он обернулся, будто собирался извиниться за шум, но передумал. Куртку оставил на себе; из шва у плеча торчала светлая нитка.

Элиас уже приготовил чистую страницу протокола. Он разъяснил, в связи с чем Петера пригласили, уточнил его процессуальное положение и напомнил, что тот вправе сообщить, если не знает ответа или не помнит обстоятельств. Рядом лежала копия записи предыдущего опроса. Новые вопросы следовало задавать так, чтобы не вкладывать в свидетельские показания то, что полиции стало известно позднее.

— Я приехал только потому, что вы сказали: речь об Анне, — произнёс Петер. — Не о детях.

— Речь об исчезновении Анны и документах, связанных с ней. Если хотите, можем сначала уточнить, что вас беспокоит.

— Меня беспокоит, что Микко спросил, почему к нам всё время приезжает полиция. И что я ему должен ответить?

— А Лаура?

— Лаура уже не спрашивает. Она слушает, что говорят взрослые, и сама делает выводы. — Он устало потёр переносицу. — Я уже не понимаю, зачем вы спрашиваете.

Элиас положил перед ним не медицинскую карту, а лист со сведениями о ней: дата, отсутствие имени пациента, предполагаемая подпись. Оригинал не показывал. Неизвестный источник следовало сначала проверить, а не демонстрировать свидетелю так, чтобы тот запомнил подсказки полиции.

— Вам известно, была ли Анна связана с передачей ребёнка в августе 1986 года?

Петер долго читал строку с датой.

— Нет.

— Она когда-нибудь говорила об этом времени?

— Не так, чтобы я мог назвать число или год. Она избегала разговоров о том, что было до нашего знакомства. Если я спрашивал, отвечала, что жила в другом городе. Иногда называла два разных города. Я тогда не считал это важным.

— А теперь?

— Теперь вы сидите передо мной с бумажкой, на которой закрыто имя ребёнка. Разумеется, теперь я считаю важным всё.

За стеной кто-то сердито искал степлер. Звук выдвигаемых ящиков то приближался, то удалялся. Петер выждал, пока тот затихнет, и спросил:

— Вы нашли Анну?

— Нет.

— Она жива?

— У нас нет подтверждения её смерти. И пока нет подтверждения, где она находится.

Он не сделал вид, будто это хороший ответ. Петер сжал ладони и уставился на ногти, где у кутикул темнела въевшаяся грязь. Вероятно, с утра возился с машиной или чем-то дома. Элиас не стал спрашивать. Не всякая подробность была следом.

— Она однажды сказала, что оставила ребёнка, — произнёс Петер. — Не «потеряла», не «отдала». Именно оставила. Мы тогда были женаты года два. Она нашла в шкафу коробку с детскими вещами, рассердилась, зачем я переставил её на другую полку. Я не переставлял. Но Анна вцепилась в коробку, будто там лежали деньги.

— Какого возраста был ребёнок, она сказала?

— Нет. Она сказала, что за ней наблюдали. Что если бы она забрала девочку, хуже стало бы всем. Я подумал, она говорит о бывшем муже. Или о родственнике. Никогда не слышал имени отца.

— Она называла человека, который следил за ней?

Петер поднял глаза.

— Доктор. Иногда просто «он». Я спросил, от чего её лечили. Анна сказала, что не её лечили.

Элиас записал точные слова и оставил пустое место для уточнения. Рассказать свидетелю фамилию Берга было легко, но тогда на следующем опросе Петер мог бы искренне утверждать, что вспомнил её самостоятельно.

— Вы можете описать этого человека?

— Не видел. Знаю только, что Анна боялась его. Но один раз сказала: если кто-то и сможет вернуть ей дочь, то он.

— Вы спросили, о какой дочери речь?

— Конечно спросил. Она ушла в ванную, заперлась. Потом сказала, что я всё неправильно понял.

Петер отвёл взгляд, но Элиас не стал заполнять паузу вопросами. Иногда человек замолкает не потому, что что-то скрывает, а потому, что впервые вслух произносит унизительный эпизод своей семейной жизни.

— Были фотографии, — сказал Петер спустя некоторое время. — Две. На одной маленькая девочка. На другой старше. Анна говорила, что это один ребёнок. Я не видел сходства. Одна темноволосая, другая светлая. Может, из-за возраста, может, из-за освещения. Я не эксперт.

— Где фотографии сейчас?

— Не знаю. Последний раз видел их в синем конверте в спальне. Анна прятала его между страницами старого альбома. Альбома там уже нет.

Элиас уточнил, когда именно Петер заметил пропажу альбома, кто имел доступ в спальню и не менялась ли обстановка после исчезновения Анны. Петер отвечал неровно: о конкретных часах путался, зато помнил, что застёжка на альбоме заедала. Эта деталь не доказывала ничего. Её всё равно следовало проверить при осмотре комнаты.

— Вчера вы говорили, что Ингрид называла Анну Еленой, — напомнил Элиас. — Вы уверены, что слышали именно это?

— Да. Но не уверен, кто тогда стоял в прихожей. Я вышел позже. Она произнесла имя, Анна ей что-то ответила. Мне не дали договорить с ними.

— Кто не дал?

— Сама Анна. Сказала, что это старая знакомая. — Петер сморщился. — Теперь все её знакомые оказываются старыми, а я никого из них не помню.

Когда протокол был готов, Элиас предложил Петеру прочитать его. Тот вернул лист с двумя исправлениями: «оставила девочку» вместо «отдала девочку» и «возможно, доктор» вместо «доктор». Разница была небольшой для грамматики, но огромной для того, что свидетель действительно знал.

У двери Петер задержался.

— Если найдёте Анну… Не говорите ей сразу, что Софи жива.

Элиас поднял голову.

— Почему?

— Я не знаю, что она сделает. Когда-то Анна сказала: «Если та девочка жива, я должна вернуться». Я не понял, куда. — Петер облизнул пересохшие губы. — Я хочу, чтобы вы сначала нашли её. Не спугнули.

— Это её слова, дословно?

— Насколько помню. Можете написать: насколько помню.

Элиас так и записал. Петер ушёл, не попрощавшись. В оставленной им чашке осталась нетронутая вода. Элиас просмотрел показания ещё раз и выделил три задачи: установить, существовал ли синий альбом; найти источник снимков двух девочек; выяснить, кого Анна называла человеком, который мог вернуть ей дочь. Ни одна из задач пока не давала оснований назвать эту дочь по имени.

11:40

В кабинете Берга пахло мебельной полиролью и дорогим табаком, хотя пепельницы на виду не было. На подоконнике стояло растение с высохшими нижними листьями. Человек, который не забывал расставлять кресла под прямым углом, почему-то месяцами не замечал, что цветок гибнет. Элиас задержался на этом несоответствии ровно настолько, чтобы перестать смотреть на хозяина как на набор возможных ответов.

Берг встретил его у двери. В прошлый раз на нём был светлый пиджак; сегодня — тёмный джемпер и тонкие очки. Волосы зачёсаны назад, но над левым ухом осталась прядь, не желавшая лежать ровно.

— Вы пришли без записи, инспектор.

— Вчера я тоже предупреждал вас поздно.

— И всё же вошли. Скажите, это служебный визит или очередная попытка разобраться в своём прошлом?

Элиас не сел, пока Берг не показал на кресло.

— Речь о ребёнке, сведения о котором могли быть зафиксированы двадцать первого августа 1986 года. На копии медицинского документа есть подпись, похожая на вашу.

Он положил на стол копию с закрытой частью данных пациента, не отдавая оригинал из материала проверки. Берг взял очки двумя пальцами и медленно поднёс лист к свету. Ни удивления, ни раздражения пока не показал.

— Такие документы проходили через множество рук, — сказал он.

— Вы помните этот бланк?

— Форму. Не обстоятельства.

— Вы его подписывали?

— Возможно. Подпись похожа. Но четверть века — длительный срок, и на бумаге нет ни номера учреждения, ни его штампа. Вам должно быть известно, насколько это важно.

— Известно. Поэтому я не спрашиваю, удостоверяли ли вы передачу ребёнка. Пока спрашиваю, на какой должности могли подписывать такие бумаги.

Берг снял очки. За стеклом кабинета секретарь переносила из одного шкафа пачку папок; дверь закрывалась неплотно, и каждое движение было слышно.

— Я консультировал семьи, которые находились в неблагоприятных обстоятельствах. Встречался с опекунами, иногда присутствовал при обсуждениях, где решение принимали другие специалисты.

— Кто именно?

— Социальные службы, врачи, представители комиссии. Это было давно.

— Назовите учреждение. Мы запросим официальные решения.

— Не всё, что существует в жизни, аккуратно помещается в ведомственную папку.

— Но передача ребёнка помещаться должна.

Берг сцепил пальцы. Элиас заметил у запястья привычный след от часов; самих часов не было.

— Вы хотите, чтобы я подтвердил подлинность документа, которого не видел двадцать пять лет, — сказал Берг. — При этом не говорите мне, откуда он получен. Довольно односторонний разговор.

— Источник выясняем. Вас спрашиваем о ваших действиях. И о Марии Коскела.

— Мария… — Он произнёс фамилию не сразу. — Сложный случай.

— В чём заключалась сложность?

— Она плохо переносила неопределённость. Когда человек годами живёт среди утрат, он начинает искать твёрдую версию собственной истории. Иногда находит не ту.

— Это оценка вашего пациента?

— Я не сказал, что она была моим пациентом.

— Тогда расскажите, откуда знаете её.

Берг улыбнулся одними губами.

— Вы хорошо слушаете, Виртанен. Откуда у вас эта привычка? От отца?

— Мы говорим о Марии.

— А я о вас. Мне кажется, для вас эти темы давно слились.

В соседнем помещении хлопнула металлическая дверца. Элиас услышал, как секретарь сказала кому-то, что господин Берг занят, и снова переключился на разговор.

— Ингрид Сааринен, — произнёс он. — Вы знали её?

— Знал женщину с таким именем.

— Вы видели её после того, как в ноябре 1991 года появилось сообщение о её исчезновении?

— Мне нужно посмотреть записи. По памяти я не стану отвечать.

— А Анну Линд?

Берг дотронулся до края стола.

— Анна хотела исправить ошибку.

— Какую?

— Ту, которой не мог признать никто из взрослых.

— Речь шла о дочери?

— Вы уже предложили ответ. Почему хотите, чтобы я повторил его за вами?

Элиас выдержал паузу. Берг опять перевёл разговор с документа на человека, который его принёс. В портфеле лежала копия свидетельства о рождении Элиаса — достаточная, чтобы задеть его, и недостаточная, чтобы ответить на вопрос.

— Я хочу проверить, знали ли вы Анну и в каком качестве, — сказал Элиас. — Всё остальное отдельно.

— Тогда запишите: знал. Она обращалась за помощью по семейному вопросу. Деталей я не сообщу без надлежащего основания.

— Под надлежащим основанием вы понимаете решение суда, согласие самой Анны или что-то ещё?

Берг не ответил. Впервые за беседу он посмотрел не на Элиаса, а на документы у него в руках.

— Вы сказали «по семейному вопросу», — продолжил Элиас. — Она просила вернуть дочь?

— Она говорила, что есть человек, которого следует найти.

— Как его звали?

— Я уже сказал достаточно.

Элиас закрыл блокнот. Заставлять Берга гадать об угрозах было бесполезно: официального основания для принудительного допроса на данном этапе у него не было. Его задача — получить проверяемые сведения, а не вынудить красивую фразу.

— Ещё один вопрос. Вы были знакомы с женщиной, указанной как моя мать в старой записи?

Берг посмотрел на него резко, почти удивлённо. Затем поставил очки на стол.

— Назовите фамилию.

Элиас назвал ту, что значилась в доступных ему семейных документах, и отметил собственную ошибку: он опять пытался проверить личную память средствами рабочего разговора. Берг медленно вдохнул, словно собираясь произнести что-то неприятное пациенту.

— Вам не следовало этого делать, — сказал он.

— Чего?

— Родиться в этой семье.

— Что вы знаете о моей семье?

— Потому что здесь вы не получите ответа, который ищете.

— Откуда вы знаете, какой ответ мне нужен?

— Люди, которым кажется, что их детство украли, почти всегда ищут одного и того же. Виновного.

— А если виновный действительно есть?

— Тогда ему очень выгодно, чтобы вы забыли о живых людях и занялись своими чувствами.

Элиас встал. В дверях Берг вдруг добавил:

— В одной семье не всегда рождаются те, кого потом называют её детьми.

— Это относится к делу Анны?

— Это относится ко многим семьям.

Берг не улыбнулся. Уже за дверью Элиас остановился у подоконника и записал последнюю фразу дословно, указав время и обстоятельства. Он дважды перечитал запись. Берг опять сумел оставить за собой последнее слово.

14:26

Когда Элиас вернулся, на его столе стояла серая папка. Утром её не было. Необычным оказался даже не предмет, а то, как он лежал: аккуратно на середине коврика для письма, вдоль края, которым Виртанен почти никогда не пользовался. Посыльный знал, куда попадёт рука, когда хозяин кабинета войдёт и потянется за бумагами.

На обложке отсутствовали регистрационный номер и имя адресата. Папка была закрыта обычной канцелярской резинкой. Элиас не стал её открывать. В коридоре ещё оставались люди, которые могли видеть доставку.

Он позвал дежурного сотрудника. Тот утверждал, что никто из отдела папку не приносил. Дверь кабинета в обеденное время не запиралась: за день сюда заходили переводчица, двое следователей и техник, менявший картридж. На лестничной площадке висела камера, но она показывала вход в коридор, не дверной проём. Дежурный обещал сохранить запись до того, как её перезапишет система.

— Мне нужно оформить находку, — сказал Элиас. — И получить список тех, кто мог сюда войти. Не вызывать никого под подозрение, просто восстановить движение.

— Ты думаешь, это бомба?

— Думаю, что человек воспользовался свободным доступом в кабинет следователя. Уже достаточно плохо.

Папку осмотрели без лишних прикосновений, зафиксировали на месте и передали для обработки по установленной процедуре. Содержимое Элиас читал по сделанным после этого копиям. Внутри лежали несколько документов и две фотографии. Бумага — свежая, тонкая; изображения старых бланков и снимков распечатаны на одном и том же принтере. Это говорило только о способе изготовления пакета, не о возрасте изображённых документов.

На первом листе было свидетельство о рождении. В поле «ребёнок» стояло его полное имя, дата — 3 марта 1968 года. В поле матери — «Мария Коскела». Следом шла копия записи о передаче шестилетнего мальчика под временную опеку семьи Виртанен: «Биологическая мать отказалась от контакта. Условия передачи согласованы отдельно». Дата внизу: 12 ноября 1974 года.

Под записью было напечатано «М. Коскела», а поверх — изображение подписи, качество которого не позволяло судить, чья она. Одна и та же фамилия могла связывать документы, а могла быть поставлена туда нарочно. Элиас впервые заметил, что ему хочется выстроить между ними причинность ещё до проверки подлинности.

На обороте фотографии с маленьким мальчиком кто-то написал: «Элиас. Шесть лет. Последняя встреча». Мальчик стоял у крыльца, насупившись, потому что солнце било прямо в глаза. На нём была короткая куртка со слишком длинными рукавами. Рядом женщина удерживала его за плечо. Её лицо оказалось частично обрезано при копировании.

Свой старый снимок шестилетнего возраста Элиас помнил. Там тоже были светлые волосы и почти такая же куртка. Но в Финляндии тысячи мальчиков носили такие куртки в семидесятые. Внешнее сходство не доказывало, что на фотографии он. Он знал это. Просто смотреть на снимок приходилось ему самому.

Под снимками лежала записка:

«Для того, кто всё ещё считает себя сыном».

Он перечитал её, потом перевернул. На обратной стороне ничего. Не дата, не подпись, не просьба о встрече. Только издевательское обращение, рассчитанное на человека, который начнёт мысленно заканчивать эту фразу за автора.

Элиас отложил копии и вышел в коридор. У кофемашины двое коллег спорили, можно ли перенести совместное совещание на пятницу; один держал в руках бумажный стакан так, что крышка прогибалась под большим пальцем. Жизнь отдела не замедлилась. Смерть Ингрид, исчезновение Анны и неизвестный человек, который знал детали детства Виртанена, ещё не стали одной доказанной историей. Только в его кабинете они лежали на одном столе.

Он позвонил Лахти и изложил факты без фразы «моя настоящая мать». Комиссар выслушал, несколько раз попросил назвать источники. Затем спросил:

— Ты понимаешь, что тебе лучше не принимать решения по проверке собственных документов?

— Понимаю.

— Тогда отделим это от дела у пристани. Копии и анонимные сообщения зарегистрировать. Работу с источником поручим не тебе. По Бергу и Анне можешь продолжать, пока личный конфликт не влияет на действия. Если начнёт — скажешь.

Элиас хотел ответить, что умеет контролировать себя. Вместо этого произнёс:

— Хорошо.

— И иди поешь. У тебя голос такой, будто ты три раза за утро курил чужие сигареты.

После разговора он добрался до автомата с сэндвичами. Купил один, откусил два раза и понял, что есть не хочется. Но довёл дело до конца, запивая холодный хлеб водой из пластикового стакана. Когда вернулся в кабинет, там уже лежал журнал передачи папки на обработку и короткая справка о сохранении видеозаписей коридора. Это были первые два документа за день, происхождение которых не требовалось угадывать.

На листе задач он написал: «Сопоставить датировки. Установить, кому принадлежит подпись. Проверить место рождения Марии Коскела и однофамильцев». Затем подчеркнул последнюю строку. Пока имя на бумаге не получило проверенной биографии, произносить его со словом «мать» было преждевременно.

17:58

Вечером Софи ждала его у стеклянных дверей управления. Не внутри: охранник разрешил ей остаться в вестибюле, но после получаса она вышла на улицу, где можно было ходить туда-сюда и не смотреть на табло посетителей. Из-под навеса на плащ падали редкие капли. Она держала письмо в белом конверте и маленький снимок, помещённый в обложку из плотной бумаги.

— Вы получили папку, — сказала она вместо приветствия.

Элиас остановился на верхней ступеньке.

— Откуда вам известно?

— Мне тоже прислали письмо. Я не стала звонить. Решила показать бумагу вам, прежде чем её заберут.

Он попросил не открывать конверт заново и вернулся с ней к дежурной части. Там записали, когда и где она получила письмо. Софи сообщила, что забрала его из почтового ящика примерно час назад и успела вскрыть по дороге. Она не пыталась делать вид, будто запомнила всё точно: когда пошла к ящику, часов не смотрела, а дома телефон лежал на зарядке.

На листе внутри стояло:

«Елена, твоя мать не Мария».

— Я не знаю, кого автор называет Еленой, — сказала Софи. — Но уже второй человек использует это имя рядом со мной. Я больше не уверена даже в том, кто его слышал раньше.

— Вы показывали записку кому-нибудь?

— Нет. Боялась, что если расскажу соседке, она решит, будто меня надо лечить.

— А фотографию?

— Она лежала вместе с листом, между двумя картонками. Не в коробке матери. В почте.

Элиас увидел женщину у окна — ту же причёску, ту же посадку головы, что и на прежнем изображении женщины с кольцом. Но новый отпечаток был более чётким, а ракурс другим; можно было говорить о сходстве изображения, не об окончательном опознании. На обороте чернилами вывели дату: «12 ноября 1974 года». Ниже: «Она не умерла».

— Вы узнаёте её? — спросила Софи.

— Вижу сходство с одним снимком из дела.

— Это не ответ.

— Другого сейчас нет.

Софи облокотилась на холодную стойку и на секунду закрыла глаза. За дверью дежурного помещения работал телевизор без звука: по экрану медленно двигались автомобили в вечерней пробке. Она смотрела на них так, будто пыталась понять, сколько незнакомых людей сегодня просто возвращается домой и не боится собственного почтового ящика.

— Мария называла меня Софи даже тогда, когда была сердита, — произнесла она. — Иногда произносила только первую половину имени. Я знала, что сейчас получу выговор. А теперь кто-то написал «Елена» и ожидает, что я всё откажусь считать своим. У меня болит голова от этих чужих распоряжений.

— Вы не обязаны принимать их за правду.

— Но вы ведь сами сегодня получили такую же бумагу.

— Да.

Она посмотрела на него. В этом взгляде не было жалости. Одна усталость, очень узнаваемая для человека, который несколько дней подряд не знает, кому верить.

Элиас попросил сотрудника принять снимок и письмо для фиксации, сохранить упаковку и отдельно записать, что Софи касалась содержимого. Затем вышел с ней под навес. До её дома можно было доехать на служебной машине с сотрудником, который занимался проверкой вчерашнего проникновения; он предложил организовать сопровождение. Она согласилась только после того, как узнала, что сопровождение не обязывает её снова давать показания до утра. Машина задерживалась у выезда: дежурный искал свободного водителя.

Телефон зазвонил, когда они спустились к стоянке. Номер не определился. Элиас подумал о сообщении, полученном в 05:54, и, отметив время вызова, ответил. Он понимал, что пока у него не будет записи голоса и подтверждённых данных отправителя, придётся полагаться на память, телефонный журнал и последующую техническую проверку. Важнее всего было не додумать услышанное.

— Виртанен.

Несколько секунд в трубке стоял слабый шорох. Он услышал дыхание, потом негромкий женский голос, хриплый на концах слов:

— Элиас?

— С кем я говорю?

— Ты стал совсем взрослым.

Женщина произнесла это почти ласково. По самой фразе невозможно было понять, знала ли она ребёнка по имени Элиас или всего лишь видела его старую фотографию. Но тело не ждало рассуждений. У него неприятно свело челюсть, пальцы сильнее сжали корпус телефона.

— Назовите себя.

— Ты ведь ещё помнишь запах моря?

Он вспомнил, как мальчиком шёл по деревянному настилу и доски под ногами были мокрыми. Вспомнил ли на самом деле? Или только сейчас придумал настил, потому что ему задали вопрос о море? Софи стояла рядом, не приближаясь, и следила за его лицом.

— Где вы находитесь? — спросил Элиас. — Вы можете сказать, откуда знаете меня?

— Не ищи меня, сынок. Не сейчас.

— Подождите. Как вас…

Связь прервалась.

Он не набрал номер снова. Экран показывал окончание вызова и время. Элиас записал точные слова на первом попавшемся листке из блокнота, пока память не успела подменить интонацию смыслом. После этого сделал отметку о полученном вызове и отправил данные сотруднику, которому утром передали сообщение неизвестного отправителя.

— Кто это был? — спросила Софи.

— Женщина. Она назвала меня сыном.

— Вы узнали голос?

— Нет.

— Но хотите, чтобы это оказалась она.

Он посмотрел на неё. Софи не пыталась уязвить. Она сказала то, что он сам не решался сформулировать даже для служебной записи.

— Да, — ответил Элиас. — Хочу.

Софи отошла к фонарю на стоянке. Служебную машину ещё не подали; она возилась с ремешком сумки, не желая возвращаться под навес. Элиас остался рядом и снова посмотрел на телефон. Незнакомая женщина просила не искать её. У живого свидетеля такая просьба вызывала бы вопросы о страхе, возможном соучастии, попытке скрыться. Голос, назвавший его сыном, не получал права на исключение.

Он убрал аппарат в карман, но через секунду снова достал: нужно было проверить время и номер в журнале вызовов. Софи что-то спросила, он не расслышал. Над входом горели часы. После шести прошло всего несколько минут. Впереди была техническая проверка звонка и документов 1974 года. Пока он не мог уверенно ответить даже на простой вопрос: кто именно ему звонил.

Глава 7. Голос из прошлого

Хельсинки. Четверг, 17 ноября 2011 года.
18:14

Когда экран погас, Элиас ещё несколько секунд держал телефон у уха. Потом опустил руку и посмотрел на запись в журнале вызовов. Время. Продолжительность. Номер не определён. Три сухие строки; от голоса, который только что назвал его сыном, не осталось ничего, кроме этих цифр и быстро составленной им заметки.

На стоянке за административным зданием под ногами таял снег. Из водосточной трубы сочилась вода и с равными промежутками стучала по оцинкованному карнизу. Элиасу вдруг захотелось, чтобы этот звук прекратился. Нелепое желание, не имеющее отношения ни к делу, ни к женщине в телефонной трубке.

— Что она сказала после моря? — спросила Софи.

— «Не ищи меня, сынок. Не сейчас».

Он произнёс фразу без интонации. Так проще было удержать слова в неизменном виде. Софи стояла под фонарём, сжимая ключи от квартиры; на указательном пальце оставался красный след от кольца. Сегодня к ней уже проникали посторонние, у неё забрали чувство безопасности, а он продолжал расспрашивать её о чужих фотографиях. Теперь её, похоже, беспокоило его лицо.

— Вы её узнали?

— Нет.

— Совсем ничего?

— Голос женский. Невысокий, немного сиплый. Акцента я не заметил. Не значит, что его нет. Я слушал не так, как положено.

— А как?

Элиас убрал телефон в карман. Почувствовал под пальцами край блокнота и достал его обратно. На странице он успел записать слова звонящей, рядом оставил вопросительный знак возле выражения о море. Не воспоминание. Подсказка. Или проверка того, на что он откликнется.

— Сначала я слушал как полицейский. Потом перестал.

Софи ничего не ответила. Мимо прошёл сотрудник в светоотражающем жилете, нёс тяжёлый пластиковый ящик. Он посмотрел на них, но не остановился. В городе и без того было достаточно людей, стоявших у служебных дверей с видом, будто им нужно срочно куда-то идти и они не могут сдвинуться с места.

На секунду перед Элиасом возникла кухня из детства. Зелёная занавеска, стеклянная банка для сахара, женская спина у плиты. Он не был уверен даже в цвете ткани: в той квартире могли висеть другие занавески. Он слишком часто видел старые семейные снимки. Изображение, всплывшее после звонка, могло принадлежать не памяти, а фотографии, которую он рассматривал много лет.

— Вы думаете, это была ваша мать? — спросила Софи.

— Я не знаю, кто она.

— Я спросила не об этом.

Он повернулся к ней. Она не отвела глаз. До этого Софи почти всё время говорила так, словно извинялась за неудобство, которое причиняла. Сейчас в голосе не было ни извинения, ни просьбы.

— Хочу, чтобы это оказалась она, — сказал Элиас. — И именно поэтому не имею права в это верить.

Софи попыталась застегнуть верхнюю пуговицу пальто, но она не попадала в петлю. Элиас заметил и отвернулся, предоставив ей закончить без свидетеля.

— Мне нужен отдел. Журнал вызова, запрос оператору, сверка времени. А вам — сопровождение до безопасного места. Я попрошу дежурных.

— Я поеду с вами.

— Софи, после сегодняшнего вы уже не просто человек, у которого мы берём показания. Кто-то знает ваш адрес, вы получаете вещи, связанные с исчезновением матери. Вы не обязаны сидеть со мной до ночи.

— А мне лучше сидеть дома и ждать, пока кто-нибудь снова откроет дверь своим ключом?

Он приготовился возразить. Не нашёл слов. Открытое им сегодня дело было слишком мало похоже на обычный служебный день, но опасность для Софи оставалась вполне обычной и понятной: чужой человек уже получил доступ к её жилью.

— Доедете со мной, — сказал он. — Потом решим, где вы переночуете. И одно условие: дальше вы рассказываете всё, даже то, что кажется не относящимся к делу.

— Я могла бы сказать вам то же самое.

Он открыл пассажирскую дверь. От машины пахло мокрой тканью и кофейными зёрнами из давно опрокинутого пакета. Софи села, придерживая сумку на коленях. Он проверил в телефоне время вызова ещё раз. Никакой записи разговора не было. По крайней мере, у него.

18:39

К вечеру полицейское управление меняло звук. Днём здесь перекрикивались через открытые двери, звонили телефоны, ходили люди с папками. Сейчас работала вентиляция, да периодически трещал принтер возле дежурной части. У входа кто-то оставил мокрую тряпку в ведре. Элиас перешагнул через неё, не выпуская из руки папку с копиями документов.

Он попросил зарегистрировать анонимный вызов как дополнение к материалам расследования, а не как новый установленный факт о происхождении собственной семьи. Дежурный уточнил источник, время и номер аппарата. Элиас продиктовал. На вопрос о записи ответил отрицательно.

— Тогда голос установить будет по чему? — спросил дежурный.

— Пока не по чему. Только по моему описанию. Не записывайте «мать». Пишите «неустановленная женщина».

Софи стояла в нескольких шагах от стола. Когда он поднял голову, она быстро перевела взгляд с раскрытого журнала на стену. Под форменным плащом у дежурного виднелся край яркой футболки; на стуле возле отопления лежали детские зимние варежки. Как будто кто-то только что забежал сюда на пять минут из своей обычной жизни.

Сотруднику, работавшему с телефонными данными, Элиас направил запрос через установленный служебный порядок. Указал возможную связь с угрозами свидетелям, а не подробности собственного рождения. Дежурный предупредил, что получение детализации от оператора займёт время и далеко не все соединения позволят восстановить точку вызова. Элиас это знал. Слова «установить номер» часто означали сначала получить разрешение на запрос, затем дождаться ответа, а уже после разобраться, что именно в нём написано.

В кабинете было душно. Он открыл окно на ширину ладони. С площади потянуло выхлопными газами и влажным воздухом; снятый с батареи шарф Софи едва не сдуло на пол.

На столе они разложили фотографии: пять женщин у озера; другой снимок, где рядом с тремя женщинами стоял Берг; женщина с кольцом, на внутренней стороне которого различались буквы «Е. В.»; изображение маленького мальчика. Отдельно — полученные анонимно копии документов. Ни одна из этих вещей не лежала рядом с другой в момент обнаружения. Элиас записал номера пакетов и источники для каждого предмета, затем отодвинул сомнительный «документ о рождении» в сторону.

— Вы спрашивали меня, почему я считаю его настоящим, — сказал он.

— Вы не ответили.

— Не считаю. У него пока нет подтверждённого происхождения. Если я заговорил о нём как о свидетельстве, это моя ошибка.

Софи наклонилась над листом. Она не касалась бумаги: Элиас прежде попросил её работать только с копиями и не оставлять новых следов на оригиналах.

— Здесь написано «Мария Коскела». И ваша дата рождения.

— Третье марта тысяча девятьсот шестьдесят восьмого.

— Мою мать тоже звали Мария Коскела.

— Я помню.

— Но в полицейской карточке ей приписан пятьдесят восьмой год рождения. Даже если его записали ошибочно…

Она не закончила. Элиас проверил цифры ещё раз. Десять лет. Любое привычное объяснение — мать, имя в записи, дата, возраст — в этой комбинации требовало проверки. Возможно, были перепутаны две Марии. Возможно, дата рождения женщины была подложной. Возможно, весь документ, присланный ему анонимно, изготовили именно для того, чтобы он смотрел на него сейчас.

— Вы видели когда-нибудь свидетельство о рождении матери? — спросил он.

— Нет. У неё был паспорт. Но если вы попросите меня вспомнить числа, я придумаю их. Я тогда была ребёнком.

— Кто собирал сведения для полицейской карточки?

— Я не знаю. После её исчезновения со мной говорили взрослые, записывали что-то. Я не видела их записей.

Он подчеркнул в блокноте: «1958 — происхождение даты проверить». Ни одну запись нельзя было вычеркнуть только потому, что она не укладывалась в более заманчивую версию.

— Вы ждёте, что я спрошу, подделка ли это? — Софи осторожно сложила руки на краю стола.

— Я сам хотел задать этот вопрос.

— И что ответите?

— Нам нужен источник. Реестр, откуда якобы выдали свидетельство, журнал выдачи копии, подписи. Сравнение с тем, что есть в архиве. Пока у меня бумага без истории.

— А если она расскажет историю, которую вы не хотите знать?

Элиас закрыл папку. Вопрос был поставлен без насмешки. Её, как и его, тянули за нитку, привязанную к детству. Только у Софи пропала мать; у него, возможно, никогда не было той матери, которую он помнил.

— Тогда я всё равно должен буду её проверить.

На экране телефона появилась служебная отметка о регистрации запроса. Софи прочла время на настенных часах и достала из сумки маленький свёрток с бутербродом. Не предложила сразу. Только после того как Элиас в третий раз потянулся к остывшему кофе, развернула бумагу и отломила половину.

— Вы сегодня ели?

— Кажется, в машине.

— Это был кофе.

Он взял хлеб. Горчица проступила сквозь размокший край салфетки. Несколько минут они не говорили ни об Ингрид, ни о Берге. Элиас впервые за вечер смог сосчитать, сколько часов прошло после утра.

19:12

Ристо вошёл, не дожидаясь приглашения, и только в дверях вспомнил постучать. Тёмная толстовка, пропуск на растянутом шнурке, в руке — два листа с пометками и стаканчик из

автомата. На большом пальце была ободрана кожа. Элиас заметил это, когда Ристо переложил бумаги, чтобы не пролить кофе на распечатку.

— По звонку кое-что есть. Не столько, сколько вам хочется.

— Говорите.

— Предварительная информация от дежурной связи. Соединение прошло через узел, который обслуживает портовую зону. Но это ещё не точный адрес, и скрытый номер мы не превратили в видимый. Для исходной точки нужна официальная детализация.

Ристо положил лист на стол, провёл пальцем по строке. На нижнем поле значилась Катаянокка. Далее — отметка о старом пассажирском терминале и оборудовании связи у закрытого киоска. На служебной схеме числился общественный телефон, хотя сама схема могла быть старее нынешнего состояния причала.

— То есть она могла звонить оттуда? — спросила Софи.

— Могла. И могла находиться где-нибудь ещё в зоне этого узла. Не путайте район с кабинкой, — ответил Ристо, неожиданно резко. Потом посмотрел на Элиаса. — Извините. Мне сегодня уже приносили распечатку, по которой якобы вычислили человека до подъезда. Там была целая улица.

— У причала есть камеры?

— Камеры порта. Одна смотрит в сторону киоска. Запросить видео можно, но потребуется уточнить время и условия доступа. Ещё надо проверить, насколько совпадают часы камеры и телефонной сети.

— Запрашивайте. Основание — связь с угрозой свидетелю и нашим делом. Зафиксируйте, кто выдаст копию и в каком виде.

— Сделаю.

Ристо замялся.

— Что ещё?

— Вы уверены, что женщина говорила сама, не читала с листка? Я не слышал звонка. В материалах только ваша запись, а в ней вы отмечаете паузы почти в одних и тех же местах.

— Это мои паузы в записи, не её. Я записывал после разговора.

— Значит, и предположение о воспроизведённом голосе пока брать неоткуда.

— Да.

Элиасу не понравилось, как легко он едва не согласился с чужой гипотезой только потому, что в последние дни вокруг него всё больше вещей выглядело подделкой. Ристо был прав: запись разговора отсутствовала, сравнивать шум на словах было невозможно. Он поправил пометку в журнале, зачеркнув «возможная фонограмма» и оставив «проверить наличие внешних записей».

— А ваше имя есть в заявке, — сказал Ристо, указывая на бумагу. — Если хотите, чтобы я знал, кто спрашивал, это правильно. Но в деле о вашем происхождении вам, возможно, нужен другой ответственный за решения.

— Потому что дело касается меня?

— Потому что когда дело касается вас, вы скорее заметите странный голос, чем обычную техническую ошибку.

Элиас хотел возразить. Вместо этого распорядился направить копии запросов руководителю расследования. За окном проходил автобус, пустой наполовину. В салоне женщина держала телефон между плечом и ухом, пытаясь застегнуть куртку ребёнку. На её лице было обычное вечернее раздражение. Элиас смотрел, пока автобус не скрылся за светофором.

— Мне нужно увидеть пристань, — сказал он.

— Сейчас?

— Не вместо проверки. Пока там не убрали всё к утру.

Ристо обещал передать, когда придёт ответ о камерах. Софи уже стояла у дверей с шарфом в руках. По дороге к лестнице Элиас заставил себя набрать номер дежурного и проверить, кому передано сопровождение для неё на ночь. Только после этого они вышли на улицу.

20:06

Катаянокка казалась вымытым складом, в котором забыли включить свет. За закрытыми кассами стояли пустые металлические ограждения. Под навесом лежали влажные рекламные буклеты, слипшиеся в одну толщину. Возле киоска у старого телефонного аппарата горела одна лампа; вторая мигала, будто собиралась перегореть и всё не решалась.

Пристань была пассажирской, не той, где нашли Ингрид. На противоположной стороне гавани отдельные огни погрузчиков двигались между контейнерами. Расстояние на карте выглядело небольшим. Пешком, под ветром, оно становилось другим.

Элиас сфотографировал аппарат снаружи, записал номера на корпусе, не касаясь трубки. Он не собирался объявлять место источником звонка только потому, что ему хотелось оказаться в правильной точке. На стекле были старые царапины; у основания будки собралась вода со следами песка. Вечером здесь ходили десятки людей, и без подтверждённого временного интервала каждый след имел мало смысла.

— Можно посмотреть внутрь? — спросила Софи.

— Пока нет. Сначала выясним, кто отвечает за аппарат и были ли недавние работы. Если здесь действительно звонящий, нам нужен осмотр с фиксацией, а не два любопытных человека с фонариком.

Софи коротко усмехнулась.

— После всего, что мне сказали за неделю, «любопытные люди с фонариком» звучит почти как профессия.

— Не самая оплачиваемая.

Она прошла к ограждению, остановилась перед мокрым поручнем, не дотрагиваясь. Элиас остался на расстоянии, с которого её было видно. Прикрыв ладонью телефон от ветра, он ещё раз связался с дежурной частью и попросил отметить, что на месте ничего не изымали. Техническая проверка и осмотр должны были происходить отдельно. Это был скучный, необходимый порядок, которого в первый год службы он боялся нарушить больше, чем ошибиться в догадке.

— Вода почти чёрная, — сказала Софи.

Внизу, под бетонными опорами, медленно перемещался мусор, попавший в заводь. Он не стал отвечать фразой о памяти и глубине. Просто посмотрел туда, куда смотрела она.

— Когда я была маленькая, мать говорила: под водой ничего не пропадает. Только перестаёт быть видно.

— Вы часто вспоминаете её слова?

— В последнее время — постоянно. Раньше боялась даже пробовать. Не знала, какие из них настоящие.

— Сейчас знаете?

— Нет.

Ветер стянул волосы с её лица, и она убрала прядь за ухо. На шее у неё оставалась красная полоска от шарфа. Она была слишком уставшей, чтобы стараться казаться бесстрашной, и слишком упрямой, чтобы сказать, что хочет обратно в машину.

— Я думаю о той ночи, — произнесла она. — О коридоре. Мужчине, который пришёл к матери. Помню спину, мокрое пальто. И ключ.

Элиас вытащил блокнот.

— Вы рассказывали, что нашли латунный ключ в коробке.

— Да. И это правда. Но иногда мне кажется, что я видела, как его положили на стол. Не знаю, было это тогда или я потом представляла, как он оказался в коробке.

— Какой мужчина?

— Высокий. С короткими волосами. Я не видела лица. В доме пахло мокрой шерстью и чем-то подгоревшим. Может быть, кофе. Но это могло случиться и в другой вечер.

— Он что-нибудь говорил?

Софи долго смотрела на другой берег. Грузовик на дальней дороге остановился перед шлагбаумом; водитель высунулся из окна, пытаясь расслышать охранника.

— «Фотографии иногда лгут».

Слова были знакомыми. Они встречались и в рассказах об исчезновении, и в бумагах, которые кто-то настойчиво подбрасывал следствию. Элиас не стал изображать удивление. Важнее было узнать, когда Софи вспомнила фразу и не могла ли услышать её недавно.

— Вы уверены в самих словах?

— Настолько, насколько вообще могу быть уверена в памяти пятнадцатилетней девочки. Или я тогда была моложе? Видите, даже возраст не назову.

— Эту фразу вам кто-то повторял после исчезновения?

— Возможно, тётя. Мы много говорили о фотографиях. А ещё я видела старый альбом.

Элиас поднял взгляд.

— Какой альбом?

— Семейный. У тёти. Не уверена, что это тот самый. Там было несколько фотографий людей, которых она никогда не называла по имени.

Он не стал спрашивать всё сразу. На записи разговора позже можно было отличить собственные слова Софи от того, что он ей подсказал. Сейчас не было записи; он отметил её формулировку дословно, попросил подтвердить и оставил место для дополнения в протоколе.

— Вы когда-нибудь обсуждали это с Бергом?

— Я никогда не была у него пациенткой. Но он знал нашу семью. Вы ведь уже сами выяснили.

— Это не ответ о разговорах.

— О фразе — нет. Насколько помню.

Он кивнул. «Насколько помню» было лучше, чем слишком быстрое «никогда».

Возвращаясь к машине, они прошли мимо окна киоска. За стеклом висело выцветшее объявление о сдаче помещения, а под ним — листок с прежними часами работы, зачёркнутыми толстым маркером. Элиас подумал, что человек, позвонивший ему, мог знать эту пристань не по карте и не по городской базе. Мог приходить сюда много лет. Мог просто оказаться рядом сегодня. Ни одно из предположений пока не было лучше другого.

Телефон завибрировал в кармане. Ристо сообщил, что получил файл с портовой камеры и передал его через служебный защищённый канал. Оригинальный носитель оставался у владельца системы; время камеры ещё предстояло сопоставить с эталонным. Элиас ответил, что ознакомится только в отделе и запросит сохранение исходного файла до окончания проверки.

21:18

На парковке управления ещё горели фары служебных машин. Кто-то включил двигатель, чтобы оттаяли стёкла, и остался сидеть на месте, глядя в телефон. Элиас заметил, что Софи почти уснула на пассажирском сиденье, но, когда он остановился, она сразу выпрямилась и потянулась за сумкой.

— Можете подождать здесь, — сказал он.

— Чтобы потом услышать, что вы нашли человека, которого я помню со спины? Нет.

Она сказала это спокойно. Он не стал спорить. В коридоре оставались два свободных компьютера; на одном кто-то забыл таблицу дежурств. Элиас закрыл чужой документ, вошёл под своей учётной записью, сверил реквизиты полученного файла с сообщением Ристо. Копия была пригодна для ознакомления; экспертизой она не являлась.

Камера висела высоко и снимала часть причала под углом. В правом краю кадра виднелся киоск, возле него — остеклённая телефонная будка. Часы в углу изображения показывали время, которое ещё никто не подтвердил. На экране несколько секунд ничего не происходило, потом в поле зрения вошла женщина.

На ней было серое пальто с капюшоном. Шла небыстро, немного бережно ставила одну ногу. Возможно, прихрамывала, но при таком угле съёмки можно было принять за хромоту и привычку обходить лужи. Руки женщина держала близко к телу. В одном рукаве ткань собралась у запястья, в другом что-то выступало из-под ладони.

— Что за вещь? — спросила Софи, наклонившись к монитору.

— Рано говорить. Может быть, футляр. Телефон. Диктофон. Или просто перчатка.

— Похоже на прямоугольную коробочку.

Элиас записал эту фразу как наблюдение Софи, а не как описание изъятого предмета. На таком изображении даже чёткие края становились неясными при увеличении.

По отметке камеры женщина остановилась у будки в 17:56. Она вошла, сняла трубку, через короткое время положила её обратно. Элиас сверил эти минуты со временем своего вызова. Они не совпадали. Камерные часы могли отставать, а могли показывать время правильно — тогда это была другая женщина, разговаривавшая с кем-то ещё. Он выписал оба значения рядом и подчёркнул необходимость проверки часов.

— Посмотрите, — тихо сказала Софи.

Женщина выходила из будки. На долю секунды она повернула голову в сторону камеры и подняла руку. С рукава соскользнуло что-то светлое. На одном пальце блеснула узкая полоска.

— Кольцо, — произнесла Софи.

— Возможно.

— Такое же, как на фотографии?

Элиас приблизил кадр. Вместо пальцев появились мутные квадраты. Расстояние не позволяло установить ни рисунок, ни буквы на внутренней стороне кольца, если оно вообще там было.

— Мы можем сравнить общую форму после обработки изображения. Но «такое же» сейчас не запишем.

— Вы всегда так разговариваете с людьми? — спросила Софи.

— Когда боюсь поспешить, ещё хуже.

Он вернул изображение к исходному масштабу. На секунду женщина задержалась у киоска, потом пошла к выходу из зоны обзора. Софи заметила, что она будто смотрит через плечо. Элиасу показалось, что та проверяет землю под ногами. Оба могли ошибаться.

Через двадцать с небольшим секунд появился мужчина. Высокая фигура, тёмное длинное пальто. Он не вошёл в будку, остановился там, где только что стояла женщина, и повернулся в сторону прохода между павильонами. На правой руке было заметно светлое пятно, похожее на повязку. Мужчина держался почти неподвижно. Возможно, ждал. Возможно, следил. Возможно, искал кого-то, кто уже ушёл.

— Я видела похожего человека возле управления, — произнесла Софи.

— Вы уверены в том, что он тот же?

— Нет. Только рост, пальто. На пристани всё выглядит одинаковым.

— Это важно. Если будете давать показания о записи, так и скажите.

Она вдруг привстала.

— Hetkinen… Верните, пожалуйста, на пять секунд.[7]

Он отмотал.

— Что вы увидели?

---

[7] Hetkinen (фин.) — «Подождите», «Секундочку».

— В левой руке. Когда он поворачивается.

Мужчина переместил кисть, на мгновение блеснул металл. Несколько светлых точек на фоне пальто. Софи назвала их ключами, Элиас различил лишь маленький предмет на кольце. Латунным он не мог назвать его даже мысленно: цвет на записи менялся от каждого движения.

— Нужно получить исходное видео и проверить, есть ли другие камеры, — сказал он. — И если получится — связать это время с данными оператора.

— А женщину?

— Тоже. Пока она не имеет ни имени, ни подтверждённой связи со звонком.

Софи выпрямилась. За дверью кто-то смеялся, рассказывая, как на парковке забыл заправить служебную машину. Звук раздался слишком громко для этого часа; смеявшийся сразу понизил голос. Элиас выключил видео и составил короткое описание видимого, отдельной строкой перечислив то, что требовалось установить. В перечень не вошли ни «Эва», ни «мать», ни «оригинал фотографии».

22:04

В коридоре перед кабинетом Лахти горела лишь половина светильников. Из-за двери слышалось шелестение бумаги. Дежурный показал Элиасу рукой, что комиссар на месте, и добавил, что утром здесь опять будут обсуждать переработку людей и не хватает машин для выездов. Элиас коротко кивнул. Неприятности, которые занимают начальника, никогда не заканчиваются, когда появляется особенно страшное дело.

Лахти сидел за столом, положив очки возле чашки, покрытой тёмным ободком от кофе. Перед ним лежала раскрытая папка с хозяйственными бумагами. Он закрыл её прежде, чем Элиас успел положить на стол распечатку кадра.

— Если это снова про твоё свидетельство о рождении, я не могу отвечать за архив, который не видел, — сказал комиссар.

— Сейчас не о нём. Посмотрите.

На листе была женщина в сером пальто. Ни лица, ни возрастных примет, по которым можно было бы уверенно опознать человека. Элиас положил рядом отдельную архивную фотографию Эвы Виртанен — ту, что нашёл среди материалов о предполагаемой смерти в 1974 году. Он заранее пометил на обороте: «Личность женщины на видео не установлена».

Лахти перестал листать ежедневник. Сначала он посмотрел на архивное изображение. Потом — на кадр с камеры. Ещё раз на первое.

— Откуда у тебя этот снимок Эвы?

Элиас услышал имя, произнесённое без вопроса.

— В архивной папке. Здесь копия. Вы знали её?

— Я видел её фотографию много лет назад.

— Лично?

— Нет. Не уверен. Был один разговор…

Комиссар снял часы и положил их рядом с очками. На запястье осталась светлая полоска кожи. Движение было слишком бытовым, чтобы Элиас сразу понял: Лахти пытается выиграть несколько секунд.

— Мне говорили, что она умерла, — произнёс Лахти.

— Кто говорил?

— Люди, которые имели отношение к старому делу. У меня не было оснований им не доверять. Тогда я не вёл расследование, Элиас.

— Имя. Мне нужно имя человека, который это утверждал.

— Я попробую восстановить. Не сейчас с потолка.

Элиас сел напротив. На столе лежала ручка с треснувшим колпачком. Он взял свою из кармана, раскрыл блокнот и записал сказанное.

— В документах есть дата смерти Эвы Виртанен: двенадцатое ноября 1974 года. Старая больница. Вы говорите, вам сообщили о её смерти. Откуда сведения о том, что она исчезла?

Лахти долго смотрел на архивный снимок.

— Я узнал об этом позже. История шла через семью. Муж утверждал, что женщина умерла; потом появились сомнения в записи. Кто-то говорил, что она просто уехала. Кто-то — что её спрятали. Мне не показывали тогда ни медицинского заключения, ни первичного регистра.

— Вы знали, что речь о моей семье?

— Да.

Элиас почувствовал, что говорит всё медленнее. За дверью прошёл человек; на секунду послышался стук каблуков, потом снова только вентиляция.

— И вы решили не рассказывать?

— Я решил не приносить ребёнку слухи, не понимая, кто и зачем их распускает.

— Я перестал быть ребёнком несколько десятилетий назад.

Лахти опустил глаза. Элиас заметил, что на краю его стола скопилась тонкая пыль вокруг пачки старых визиток. Прежде он не обращал внимания на такие вещи в кабинете начальника. Теперь его раздражало, что Лахти мог годами держать здесь бумаги и говорить с ним о служебных делах, зная хотя бы часть того, чего он сам не знал.

— Каким было имя женщины на архивной фотографии? — спросил Элиас.

— Эва Виртанен. Женщина, которую ты считал своей матерью.

— Это не ответ на вопрос, была ли она моей матерью.

— Нет.

— И вы не можете подтвердить, что на записи с пристани она?

Лахти посмотрел на размытый кадр.

— Не могу. Я узнал имя по фотографии, не по этому пальто. Встретив женщину на улице, я вряд ли узнал бы её по снимку тридцатилетней давности.

Элиас немного откинулся на спинку стула. Он был благодарен за эту осторожность и злился на неё: из-под предположений снова уходила земля, и ни одной простой версии не оставалось.

— В старых документах повторяется 1974 год, — сказал он. — Сегодня мне прислали запись, по которой Мария Коскела будто бы родила меня в 1968-м. Ей тогда было бы десять лет. Кто-то расставляет такие числа намеренно или кто-то очень плохо переписывал чужие фамилии.

— Дай мне копии, — попросил Лахти.

— Вы сначала скажете, где лежат материалы, о которых вы слышали.

Комиссар помолчал.

— Проверю контакты и старые служебные записи. И не стану обещать то, чего у меня может не оказаться. Но это надо передать отдельному сотруднику. Ты слишком близко к истории.

— Я расследую убийство Ингрид Сааринен. Её дело веду я.

— Я этого не отнимаю. Но если нужно будет проверить то, что касается твоего рождения, решение о доступе к личным документам должен принимать не ты один.

В этих словах не было угрозы. Оттого они прозвучали неприятнее. Элиас написал на чистой странице фамилию Лахти, поставил рядом дату разговора, а ниже: «Личный интерес — отдельно от убийства». Комиссар увидел запись, но ничего не сказал.

— Завтра восемнадцатое ноября, — произнёс Лахти, когда Элиас уже собрал бумаги.

— Знаю. День исчезновения Ингрид в девяносто первом.

— И дата, которая всплывает в ваших новых материалах. Проверь, откуда она в каждом случае, прежде чем связывать их.

Элиас задержался у двери.

— Вы действительно считали Эву мёртвой?

— Я считал, что у меня нет причин сомневаться в чужих словах.

— Вы сегодня сомневаетесь?

— Сегодня я видел, что у тебя появились причины. И понял, что давно должен был спросить сам.

Снаружи Элиас задержался возле окна. По стеклу стекала вода от тающего снега. Ему всё ещё хотелось спросить Лахти, любила ли Эва своего сына. Он не спросил. Даже если комиссар знал её лично, ответа на такой вопрос у него всё равно не могло быть.

23:16

Софи уже надела пальто. Она сидела на краю стула, пытаясь продеть в рукав перекрутившуюся подкладку; маленькая бытовая борьба почему-то занимала её сильнее, чем разговоры о смерти и семейных тайнах. Элиас поставил на стол чашку свежего чая. Кофе она отказалась пить ещё час назад.

— Я договорился, чтобы на ночь вас сопроводили к соседке, — сказал он. — Участковый проверит, что с замком. Завтра оформим всё, что нужно, по вашему заявлению.

— Хорошо.

Он показал ей архивную копию снимка Эвы Виртанен. Не кадр с пристани: там лицо оставалось почти невидимым, и вопросов об опознании возникло бы больше, чем ответов.

— Вы когда-нибудь видели эту женщину?

Софи сняла одну перчатку. Взяла лист за края, долго рассматривала лицо. Вокруг рта у неё появились две глубокие складки, которых Элиас не замечал раньше.

— Похоже… Я видела фотографию, не саму женщину. У тёти.

— Когда?

— Лет в шестнадцать. Может быть, позднее. Мы переезжали, я помогала разбирать книги. В одном из альбомов между страницами была вклеена женщина. Под снимком стояло одно слово.

— Какое?

Софи посмотрела на него.

— «Шестая».

Элиас повторил слово мысленно. Пять женщин на снимке у озера. Другая фотография — три. И теперь отдельно лежавший снимок женщины, которую кто-то обозначил порядковым номером. Он не стал складывать из этого готовую схему: при желании число шесть можно было привязать к чему угодно.

— Вы помните, была ли подпись на самой карточке или в альбоме?

— Кажется, под фотографией на странице. Карандашом. Но я могла прочесть чужую подпись не так, как она была написана.

— Тётя объясняла?

— Я не спрашивала. В шестнадцать лет мне было важнее, что она считает меня ребёнком. Я закрыла альбом, когда она вошла в комнату.

— Где он теперь?

— Не знаю. После смерти тёти мы разбирали квартиру. Часть вещей отдали на хранение. Часть вывезли.

— Кому именно?

Софи дотронулась до края фотографии. Потом сразу убрала палец, будто вспомнила, что это всё ещё материал дела.

— Йоханнесу Бергу. Он был знакомым семьи. Приехал с машиной, помог вынести коробки. Тётя ему доверяла, ещё когда была жива.

— Вы передали ему и альбом?

— Я не видела, в какой коробке он лежал. Если вы хотите точный ответ, его нет.

Элиас записал: «Установить судьбу семейного альбома. Берг помогал при разборе квартиры. Сам факт передачи конкретного альбома не подтверждён». Софи внимательно следила за ручкой.

— Вы решили, что я опять что-то скрыла?

— Я решил, что должен был раньше спросить о вещах тёти.

— Я рассказала сейчас, потому что вспомнила, когда увидела фото. Вы можете мне не верить. Только не надо делать вид, что я заранее знала, какая карточка окажется нужной.

— Я этого не делаю.

— Иногда делаете.

Он отложил ручку. Софи посмотрела на чашку, в которой уже остывал чай. Элиас вспомнил, как она стояла на пристани и говорила о воде так, будто цитировала мать. В её словах могла быть правда, ошибка памяти, поздняя подсказка. Ничто из этого не отменяло того, что женщине приходилось жить с отсутствием матери долгие годы.

— Простите, — сказал он. — Я должен проверить ваши слова. Но сейчас я вас ни в чём не обвиняю.

— Попробуйте иногда говорить это до вопросов.

Софи всё-таки улыбнулась — не ему, скорее своей усталости. За ней пришёл сотрудник, которому поручили сопровождение. Он сообщил, что машина подана, и подождал у открытой двери. Элиас проводил их до лестницы. Она попросила не звонить ночью, если можно обойтись сообщением утром. Он обещал. Софи не стала спрашивать, верит ли он теперь в Эву Виртанен.

23:48

После её ухода кабинет стал просторнее, но легче не сделалось. На соседнем столе лежал пакет с засохшей выпечкой, оставленный кем-то в середине дня. Элиас снял пиджак. Под рубашкой неприятно тянуло плечо — к вечеру он снова начал сутулиться над бумагами. Он открыл видео с пристани и просмотрел фрагмент без увеличения.

Женщина подняла руку к лицу. Было ли это знаком человеку за камерой? Она могла поправить капюшон, провести пальцем по носу, убрать волосы. На следующем кадре её рука уже опустилась. Элиас представил, как кто-нибудь назовёт это «приложила палец к губам», и закрыл файл. Не стоит переводить одно неразборчивое движение в осмысленный приказ молчать.

В почте появилось сообщение лаборатории — предварительное исследование фотографий, не окончательный вывод о времени съёмки. Элиас открыл его, сверил номер и дату, потом распечатал только те страницы, которые относились к его запросу. В документе были описаны бумага, печать, последовательность нанесения чернил и участки оборота, где поверх старых следов лежала более свежая надпись.

Он внимательно прочёл ключевой абзац. На одном изученном отпечатке дата «18 июля 1991 года» могла быть нанесена позже другой записи. Под ней просматривались элементы, допускавшие прочтение «18 июля 1980 года». Эксперт оговаривал границы метода: возраст бумаги сам по себе не устанавливал дату съёмки, а восстановление цифр оставалось предварительным.

Второе приложение содержало увеличенный фрагмент оборота. Следы букв образовывали фразу, которую лаборант предложил как возможную расшифровку:

«Первый состав. Пятеро взрослых. Один ребёнок. Замена разрешена».

Не «доказано написано». Возможная расшифровка. Элиас обвёл это слово в распечатке. Ему не понравилось, что глаз сразу перескочил к концу фразы — «замена разрешена» — и начал искать того, кого могли заменить. Человека? Имя? Лист в папке? Если письмо появилось позднее, весь смысл мог быть чужой ловушкой.

Он составил три колонки: что непосредственно наблюдала лаборатория; что эксперты предположили; какие следственные действия требуются дальше. В третьей записал получить исходный отпечаток, сравнить с остальными снимками, установить историю хранения и запросить письменное разъяснение по последовательности чернил. Первые две колонки не позволяли сделать вывод о судьбе мальчика на фотографии.

В коридоре хлопнула дверь. На часах было уже почти двенадцать. Элиас вынул из кармана телефон, чтобы написать дежурному о поступлении материалов, когда тот зазвонил сам.

18 ноября 2011 года. 00:07

Номер не определился.

Элиас посмотрел на экран, затем на часы компьютера. Он включил служебный журнал событий, коротко записал время и ответил. Никакой уверенности, что звонивший вообще имеет отношение к прежнему звонку, у него не было.

— Виртанен.

— Вы получили результаты по фотографии?

Мужской голос. Негромкий, с чуть утомлённой дикцией. На заднем плане слышался шум, похожий на воду или на работу вентиляции. Элиас оставил этот звук без названия.

— Кто говорит?

— Вы ведь прочитали надпись. Там есть слово, которое они не хотели оставлять.

Элиас перевёл взгляд на распечатку. Она лежала лицевой стороной вниз. Снаружи кабинета никто не мог видеть, что именно ему прислали из лаборатории.

— Откуда вы знаете содержание заключения?

— Я знаю фотографию.

— Этого мало.

— Знаю, что случилось с мальчиком на ней.

Незнакомец говорил небыстро. Элиас открыл чистую страницу блокнота и записывал сказанное сразу, не пытаясь одновременно разгадать, кем может быть мужчина.

— Представьтесь. Где вы находитесь?

— Вы всё ещё уверены, что ищете только убийцу женщины из гавани. А вам нужно спросить, кто когда-то согласился сделать ребёнка чужим сыном.

— Это обвинение? К кому оно относится?

— К вам, инспектор.

Элиас сильно нажал на ручку. Стержень оставил на листе тёмную точку.

— Вы не знаете, о чём говорите.

— Возможно. Тогда проверите завтра.

— Где?

— Старая пристань. Шесть утра. Один.

— Вы назначаете мне встречу в месте, которое уже фигурирует в расследовании. Почему я должен приехать?

— У меня оригинал фотографии. Той, на которой вырезали лицо мальчика.

Он хотел спросить, какой именно отпечаток мужчина называет оригиналом. В папке были разные изображения, некоторые вообще существовали только в виде копий. Но если начать объяснять это неизвестному, он сам назовёт сведения, которых у того может не быть.

— Что вы сделаете с фотографией?

— Покажу. Если придёте.

— Откуда она у вас?

На другом конце раздался короткий стук. Мужчина ответил почти шёпотом:

— Я держал ножницы.

— Ваше имя?

Связь прервалась.

Элиас некоторое время слушал пустой сигнал, затем отключил телефон. Не звонил обратно: номер не отображался. Он записал продолжительность разговора, сверил её с журналом аппарата и занёс в служебную заметку точные слова о фотографии, встрече и ножницах. Отдельно — всё, чего не знал: имени, местонахождения мужчины, подлинности его сведений, цели встречи.

В кабинет вернулся дежурный сотрудник, услышавший последние слова Элиаса из коридора. Инспектор попросил зарегистрировать второй вызов и проверить возможность срочного сохранения данных связи. На вопрос, поедет ли он на назначенную встречу, ответил не сразу.

— Если это ловушка, — сказал дежурный, — одному идти нельзя.

— Я пока не решил, как проводить встречу.

Он отпустил сотрудника и сел перед фотографиями. Маленький мальчик на одном из снимков. Пять женщин на другом. Обрывок надписи, под которым мог оказаться совсем иной год. Всё это существовало по отдельности; ни одна вещь ещё не доказывала, кем был ребёнок и кто распоряжался его именем.

На экране оставалась открыта служебная форма. Элиас дописал к ней два слова: «Источник неизвестен». Затем отправил сообщение Софи — набрал и стёр. Она просила не будить её без необходимости. Вместо этого он посмотрел на часы и записал для себя план утренней проверки.

Ниже, на свободной строке, появилась фраза незнакомца: «Я держал ножницы».

Можно было вырезать лицо с фотографии. Можно — переписать имя в реестре, заменить дату, заставить ребёнка поверить рассказу взрослых. Всё остальное требовало людей, действий и документов. К шести утра у старой пристани должен был появиться хотя бы один человек, который согласился говорить об этом вслух.

ЧАСТЬ II. ЧУЖИЕ СЕМЬИ

Глава 8. Человек без лица

Хельсинки. Пятница, 18 ноября 2011 года.

05:41

На въезде в портовую зону Элиасу пришлось остановиться: грузовик, выезжавший из-за складов, сдавал назад так медленно, что сигнальная лампа успела погаснуть и загореться ещё раз. Водитель высунулся из кабины, посмотрел на легковую машину и небрежно махнул рукой. Элиас подождал, пока освободится проезд. От недосыпа глаза слезились, а под воротником рубашки чесалась кожа. Он не поехал домой после ночного звонка. Провёл два часа в отделе, один — в машине на стоянке, стараясь решить, что именно готов услышать в шесть утра.

Не так много, как казалось ночью.

На старой пристани работали два фонаря. Один освещал пустую площадку у металлических ворот, другой — стену склада, покрытую трещинами и старой рекламой судового снабжения. Снег здесь не лежал: колёса превратили его в серую кашицу, к которой липла портовая пыль. Элиас поставил автомобиль так, чтобы из водительского окна видеть въезд, и заглушил мотор. Через несколько секунд на внутренней стороне стёкол выступил конденсат.

На соседнем сиденье лежала папка. В ней — копии фотографий, журнал ночного вызова, распечатка предварительного заключения. Оригиналы снимков остались в отделе. Элиас проверил это ещё раз, хотя прекрасно помнил, что брал из сейфа только копии. Тот, кто позвонил в 00:07, мог знать детали, которые не были опубликованы. А мог услышать их от кого-то внутри расследования.

Он достал телефон. Сообщение Софи, отправленное в 05:17, оставалось без ответа: «Проверяю сведения. Если до семи не выйду на связь, позвоните Ристо. Не Лахти». Отдельное уведомление о предполагаемой встрече было оставлено в служебном журнале без имени собеседника и без обещания, что встреча вообще состоится. Элиас понимал: этого недостаточно для безопасной операции. Ему следовало вызвать людей заранее, организовать наблюдение, а не приезжать одному на условленное место. Но сообщение неизвестного касалось его самого, и эта личная часть дела уже влияла на решения сильнее, чем он хотел признать.

Телефон погас. Он положил его экраном вниз.

Слишком много людей за последние дни называли его сыном, чужим ребёнком, человеком с подложными документами. Ни один не показал первичной записи, которую можно было бы проверить независимо. На экране оставалась зернистая фотография Эвы Виртанен. Элиас придвинул её ближе и тут же отодвинул: стоило заранее назвать лицо, и тени начинали послушно складываться в знакомые черты.

В 05:48 Элиас вышел из машины. Замок на водительской дверце прихватило морозом; пришлось дёрнуть сильнее. Он проверил, свободен ли путь к выезду, осмотрел пространство между складами и поправил под пальто кобуру. На пристани пахло дизельным топливом, мокрой верёвкой и старым железом. По краю бетонной площадки тянулась узкая полоса льда. Он не стал выходить к самому краю: оттуда было видно хуже, чем от стены здания.

В 05:55 вдалеке зашумел двигатель. Машина не появилась. Звук затих за ограждением терминала.

Элиас взглянул на часы и подумал о том, что, если незнакомец не придёт, придётся объяснять собственное отсутствие на утреннем совещании. Хорошо бы именно этим всё и закончилось.

05:58

Мужчина появился со стороны ремонтного ангара. Не вышел из тьмы неожиданно — сначала послышался сухой шорох подошв по гравию, затем в свет фонаря попали полы длинного пальто. Шёл он неторопливо, чуть наклоняясь влево. Правую кисть держал у груди; поверх перчатки белела повязка.

Элиас остался у стены склада.

— Вы Виртанен? — спросил незнакомец.

— Назовите себя.

Мужчина задержался метрах в пяти. Высокий, костлявый, с редкими седыми волосами, прижатыми шапкой к вискам. Лицо было узким. На щеке — участок красной, воспалённой кожи, который он, кажется, безуспешно пытался скрыть поднятым воротником. Возраст на глаз определить было трудно: за шестьдесят, возможно, ближе к семидесяти. Он смотрел не столько на Элиаса, сколько на его руки.

— Вы похожи на отца, — произнёс он.

— На которого из них?

Мужчина шумно выдохнул через нос. Не улыбнулся.

— Я надеялся, вы сами зададите этот вопрос.

— Руки так, чтобы я их видел. Обе.

Незнакомец поднял левую. Правую пришлось вытянуть осторожно, придерживая локоть. На повязке у основания большого пальца проступало коричневое пятно.

— Оружия нет, — сказал он.

— Проверять это на слово я не стану. Имя.

— Матти Раутио.

Элиас повторил имя про себя и пролистал список участников. Фамилии там не было. Он достал вторую папку, с копиями и исправлениями, сделанными разными почерками. Кто-то исчезал между двумя версиями одного списка; кто-то появлялся под другим именем. Элиас выписал новое имя на отдельный лист, не приписывая ему пока чужую биографию.

— Это вы позвонили мне ночью?

— Да.

— С какого номера?

— Сейчас он вам не поможет.

— Решать буду я.

Раутио посмотрел на воду за ограждением. На щеке дёрнулся мускул.

— Вы всё ещё ищете Эву?

— Я ищу человека, который может подтвердить, что она жива. Это разные вещи. Вы к ней имеете отношение?

— Когда-то имел.

— Тогда назовите, когда видели её в последний раз.

Вместо ответа Раутио натянул перчатку на больную руку. Материал не дошёл до запястья, и он оставил попытку.

— Йоханнес, — сказал он наконец, — тоже начинал с вопросов, на которые нельзя ответить одним словом.

— Берг?

— Он был мальчишкой. В восемьдесят первом ему едва исполнилось девятнадцать. В восьмидесятом — восемнадцать. Знал, как слушать взрослых, не показывая, что что-то запомнил.

— Кем он работал?

— Помогал Эйнару Салми. Раскладывал карточки, относил документы, иногда присутствовал при беседах. Ему тогда не давали подписывать решения. Если кто-то рассказывает другое — просите показать бумагу.

Элиас отметил эту оговорку. Человек, который пришёл на пристань с повязкой на руке и без очевидной защиты, не обязательно говорил правду. Но он хотя бы не приписывал восемнадцатилетнему Бергу полномочия, которыми тот, скорее всего, не обладал.

— Какое отношение всё это имеет к моим фотографиям?

— Прямое. Салми хранил их по группам. А Йоханнес учился отличать снимки, которые можно показать семье, от тех, что следовало убрать.

— Вы это видели?

— Несколько раз.

— В каком учреждении?

— Частном доме. Формально — помощь семьям. Внутри мы редко называли его одинаково.

— Адрес?

Раутио отодвинулся от фонаря.

— У меня есть фотография. Та, о которой я говорил. Но здесь стоять не стоит.

Элиас посмотрел на непрозрачные окна склада. Соглашаться идти с незнакомцем внутрь было бы ещё большей глупостью, чем приехать одному.

— Мы останемся на виду, — сказал он. — У стены. И вы сначала покажете конверт.

06:07

Под навесом было суше. С крыши капала вода; каждая капля попадала в ржавую банку, которую, вероятно, оставил здесь рабочий. Раутио достал из внутреннего кармана сложенный пополам крафтовый конверт. Не протянул сразу — придерживал большим пальцем клапан, будто боялся, что содержимое выпадет.

— В восемьдесят первом об этом уже говорили как о помощи. До этого пользовались другими словами: временное устройство, согласие семьи, медицинское сопровождение, — сказал он. — Я не знаю, как всё называлось в официальных отчётах. Мне выдавали задания на съёмку и платили наличными.

— Кто платил?

— Иногда Салми. Иногда женщина из администрации. Не назову фамилию, если вы собираетесь спрашивать, точно ли я её помню. Я не помню.

— Тогда расскажите то, в чём уверены.

Раутио взглянул на него с недоверием. Потом опёрся здоровой рукой о холодный бетон.

— Женщины приезжали на несколько дней, иногда на месяц. У некоторых уже были дети. У других — только фотографии. Им говорили, что ребёнка временно передадут тем, кто сумеет о нём позаботиться. Некоторые соглашались. Другим долго объясняли, почему отказаться — эгоизм.

— Приказы подписывал Салми?

— Он собирал бумаги. Но не все решения принимал он. И не каждое решение записывали.

— Кто ещё участвовал?

— Люди из частных клиник. Приходили консультанты. Были сотрудники, которых я знал только по имени. Не превращайте это в одну большую организацию. Она менялась. Одни уходили, другие забирали себе документы.

Элиас вынул блокнот и записал это почти дословно. Не потому, что поверил. Напротив: чтобы позднее отделить сказанное от того, что мог додумать сам.

— Вы чем занимались?

— Фотографировал. Детей для карточек. Иногда женщину вместе с ребёнком. Иногда — группу на улице, чтобы подтвердить, кто присутствовал при передаче.

— Подтвердить кому?

— Тем, кто выдавал деньги на содержание дома. Я тогда так думал.

— А сейчас?

— Сейчас думаю, что покупателям было важно знать, кого именно они получали.

Раутио посмотрел Элиасу в лицо. Тот не отвёл взгляд.

— Вы участвовали в продаже детей?

— Я получал плату за фотографию.

— Это ответ о плате. Не об участии.

— У меня не было доступа к договорам.

— Зато вы знали, зачем снимаете женщин с детьми.

— Не всегда. Достаточно часто, чтобы не задавать лишних вопросов.

Последнее прозвучало без попытки оправдаться. Ветер выдувал из-под навеса бумажную пыль; у Раутио снова сползла перчатка. Элиас заметил, что мужчина держит больную руку неподвижно. Настоящий ли ожог? Можно будет выяснить позднее, если удастся установить, где он живёт.

— Фотографию, — напомнил Элиас.

Раутио вынул плотную картонную подложку. На ней лежал цветной отпечаток: пять женщин перед деревянным домом у озера; широкая веранда, заросшая трава у ступеней, у одной из женщин — заметное кольцо. Внизу кадра стоял мальчик в полосатой рубашке. Лицо не было вырезано и не было закрыто. Он немного прищурился от света, хотя остальные смотрели прямо в объектив.

Элиас не тронул снимок сразу.

— Это ваш отпечаток?

— Я его сделал.

— Когда?

— Летом восьмидесятого. По крайней мере, я помню тот выезд как летний. Дату на обороте нужно проверить. Я мог подписать её позднее.

— Негатив у вас?

— Нет. Этот отпечаток удалось сохранить отдельно.

Элиас взял его за белые поля и осмотрел обе стороны. Неровный правый край, старый след от зажима, на обороте слабая карандашная пометка. Он не стал определять возраст бумаги на глаз. В утреннем холоде пальцы онемели; пришлось убрать блокнот под мышку, чтобы не уронить снимок.

— Кто мальчик?

— Тогда его называли Элиасом.

— «Тогда» — это когда вы снимали?

— В тот день.

— Вы утверждаете, что это я?

— Я утверждаю то, что слышал. Имя. Не знаю, что стояло у него в документах.

Элиас ещё раз посмотрел на мальчика. Светлые волосы. Упрямый вихор. Если поднести снимок к зеркалу, сходство, наверное, нашлось бы. В 1980 году ему исполнялось двенадцать. Он записал возраст на полях и перевернул фотографию: нужна была дата, оставленная не памятью.

— Почему на другой фотографии лицо вырезано?

Раутио опустил взгляд к отпечатку.

— В девяносто первом меня попросили убрать мальчика из одного экземпляра. Именно из того, который позже должны были показать семье. Ножницы были моими. Я не хотел портить негатив; думал, это обычное требование заказчика. В то время многие хотели, чтобы на их снимках не было прежних людей.

— Кто попросил?

— Женщина. На одном из снимков она держит кольцо на ладони.

— Эва Виртанен?

— Вы снова называете имя вместо меня.

— Потому что вы даёте намёки вместо сведений.

— Это имя вам надо проверить самому.

Раутио потёр повязку. Похоже, край ткани прилип к ожогу; он поморщился. Из пальто вынул второй конверт, меньшего размера.

— Здесь адрес и список тех, кто видел передачу детей. Имена могут быть не настоящими, но часть вы найдёте.

— Отдайте оба конверта. И останьтесь для официального опроса.

Мужчина поднял голову. В его взгляде мелькнуло что-то похожее на испуг, но Элиас не мог знать, чего именно тот боялся: задержания, прошлого или человека, которого сам же привёл к встрече.

— Не сейчас, — сказал Раутио.

Его глаза задержались за плечом инспектора.

— Возле вашей машины кто-то стоит.

Элиас не повернулся резко. В мокром стекле складского окна отражалось только движение светлого пятна — возможно, фонаря, возможно, чьей-то одежды. Он сместился к краю навеса, чтобы видеть площадку.

У проезда и вправду стоял человек. Далеко. Тёмное пальто, открытая голова, руки по бокам. Лица не разглядеть. Ни шагов, ни движения навстречу.

— Вы его знаете? — спросил Элиас.

Раутио убрал второй конверт.

— Я не хочу, чтобы вы повторили мою ошибку.

— Какую?

— В ноябре девяносто первого я позвонил в полицию. На следующий день Мария Коскела исчезла.

— Вы сами видели исчезновение?

— Нет.

— Кто сообщил вам о нём?

— Женщина, которая потом тоже перестала отвечать на звонки.

— Её имя?

Раутио посмотрел на человека у проезда.

— Сейчас вам не поможет даже настоящее.

Элиас достал телефон.

— Я вызываю патруль. Вы остаётесь здесь.

— Вы можете вызвать кого угодно, — сказал Раутио, — но меня больше здесь не будет.

Он повернул к узкому проходу за складом. Элиас шагнул наперерез, но в тот же момент человек у автомобиля развернулся и быстро пошёл к выезду. Две неизвестные фигуры. Одна — на расстоянии нескольких шагов, другая — возможный наблюдатель. Инспектор сделал выбор и бросился к дальнему.

Позднее ему пришлось записать это решение точно. Без объяснений, будто другого выбора не существовало.

06:19

За углом склада стояли два контейнера и пустая тележка с оторванной ручкой. Человек в пальто уже миновал ворота. Элиас успел увидеть, как тот свернул за грузовой фургон, а затем потерял его из виду. Он пробежал вдоль ограждения, остановился у проезда и оглядел дорогу. Транспорт у терминала двигался медленно; прохожего в тёмном пальто среди рабочих и водителей уже не отличить.

Вернувшись к навесу, он никого не застал. Раутио ушёл через боковой проход. У стены, там, где тот стоял, белел небольшой конверт. Элиас сначала сфотографировал его на месте вместе с привязкой к двери склада, затем аккуратно поднял за угол. Отпечаток с мальчиком оставался у него в отдельной папке. Второго, обещанного со списком свидетелей, не было.

В маленьком конверте лежала карточка. Печатные буквы, написанные чернилами, не очень ровно:

Эспоо. Меритуультентие, 18.

На обороте — карандашом: «Не верьте возрасту на фотографиях».

Слово «возрасту» было дважды подчёркнуто. Элиас перечитал его, затем поднёс карточку ближе к свету. Это могла быть попытка подсказать что-то важное. Или привычная загадка, позволяющая человеку потом объявить правильной любую разгадку.

Он позвонил дежурному и сообщил о встрече, не скрывая, что наблюдение заранее не организовали. Попросил проверить ближайшие камеры и зарегистрировать сведения о человеке, который мог следить за разговором. Имя Раутио передал по буквам; добавил описание повязки и направление, в котором тот ушёл. Отдельно отметил: очевидных оснований считать второго мужчину соучастником пока нет.

Когда Элиас вернулся к машине, до семи оставалось двадцать минут. На экране телефона появилось сообщение от Софи: «Прочитала. Вы в порядке?» Он ответил, что жив, и попросил не обсуждать случившееся ни с кем до встречи в отделе. Потом посидел с открытой дверцей, пока холод не заставил его снова включить двигатель.

У него были фотография и адрес. Не было ни подтверждения имени Раутио, ни доказательства того, что ребёнок на снимке — он сам. И совсем не было уверенности, что женщина, на которую указал фотограф, являлась Эвой.

07:31

В отделе Софи ждала у двери его кабинета. Она пришла раньше обычного и сняла пальто, но шарф так и остался на шее. На подоконнике рядом с ней стоял бумажный стаканчик. Крышку она продавила пальцем — горячий кофе остывал, оставляя коричневый след на белом пластике.

— Вы хотя бы понимаете, как выглядело ваше сообщение? — спросила она.

— Понимаю.

— Значит, вы намеренно сделали его ещё хуже, добавив «не Лахти».

— Пока мне не ясно, что Юкка знает об этих документах.

— Так вы не доверяете ему или мне?

Он остановился у двери. Вопрос был не о доверии — о праве требовать доверия, ничего не объясняя.

— Вам я не хотел оставлять неопределённость, если со мной что-нибудь случится, — ответил он. — Но поставил вас в положение, в которое не имел права ставить.

Софи помолчала.

— В следующий раз предупредите Ристо сами. Желательно до того, как куда-нибудь поедете.

— Согласен.

Он открыл кабинет и пропустил её вперёд. На столе лежала папка, оставленная с вечера. Элиас убрал свои вещи, расстелил чистый лист и положил на него фотографию Раутио. Софи наклонилась. Не прикоснулась.

— Мальчик, — сказала она. — Я видела его раньше.

— Где именно?

— У тёти. В альбоме, о котором говорила вчера. Не на том снимке, где подпись «Шестая». На соседней странице.

— Вы говорили о женщине. Про мальчика не упоминали.

— Я его не вспомнила, пока не увидела рубашку. Полоски широкие, тёмные. Тётя однажды сказала, что ткань для такой рубашки трудно было найти. Или это она говорила о другом ребёнке. Не знаю.

— Не надо угадывать. Что ещё осталось в памяти?

Софи встала рядом со столом, пытаясь восстановить изображение.

— Он стоял у двери. Чья-то рука у него на плече. Сначала я подумала, что женская. Сама женщина в кадр почти не вошла.

— Вы видели лицо?

— Кажется, это была Эва. Но я уже тогда знала её по другим снимкам. Могла додумать.

Элиас взял чистый лист.

— Покажите расположение фигур. Не пытайтесь нарисовать лица.

Софи изобразила дверь, ступеньку, маленькую фигуру. Отдельно — узкую часть второго человека, оказавшуюся у левого края. На двери она сначала поставила цифру восемь, зачеркнула и добавила перед ней единицу.

— Восемнадцать, — сказала она. — Или я это вспомнила, потому что вы всё время говорите о восемнадцатом ноября.

Элиас достал карточку с адресом. Положил рядом, не показывая оборот.

— Здесь тоже восемнадцать, — заметила Софи.

— Адрес я получил сегодня. Но совпадение номера ещё ничего не означает.

Она отступила на шаг.

— Мы поедем?

— Я поеду. Сначала проверю владельца и историю здания. Попробую договориться об опросе.

— Я могу помочь узнать, где хранится альбом.

— Это будет полезнее. Только не связывайтесь с Бергом самостоятельно.

Софи посмотрела на него. Вчера такое предупреждение вызвало бы спор; сейчас она ограничилась коротким кивком.

— И не называйте мальчика собой, — добавила она.

Элиас поднял голову.

— Я не называл.

— Вы смотрите на него как на человека, который у вас что-то забрал. Может, сначала выясним, кто он?

Он ничего не ответил. Потом перевернул снимок так, чтобы видеть только белую обратную сторону. Это было проще, чем признать: она заметила то, что он сам пытался скрыть.

09:12

Меритуультентие в Эспоо не была улицей, которую следовало искать по старой бумажной карте. Элиас проверил адрес в справочных материалах и остановился у двухэтажного дома, отгороженного от дороги густыми елями. В глубине участка стояли хозяйственный сарай и низкая пристройка. Местами на стенах сохранилась облупившаяся белая краска. За деревьями просматривалась светлая полоска воды.

Он не въехал во двор. Оставил машину у обочины, записал время прибытия и прошёл к калитке. Створка не была заперта. Под ногами потрескивал тонкий лёд; из вытяжной трубы тянуло дымом, похожим на запах подгоревшего хлеба.

Дом выглядел жилым. Это означало, что никакой найденный адрес не давал ему права входить и искать старые папки без согласия хозяев или законного основания. Элиас нажал кнопку звонка и подождал.

За дверью послышались шаги. Звякнула цепочка. В узкой щели показалось лицо пожилой женщины; волосы она зачёсала назад и заколола на затылке. Увидев удостоверение, она не открыла шире.

— Полиция? Здесь никто не вызывал полицию.

— Инспектор Виртанен. Мне нужно спросить об истории этого дома. Можно поговорить у двери, если вам так удобнее.

— Что случилось?

— Я расследую обстоятельства смерти женщины в Хельсинки. Есть сведения, что в восьмидесятые годы она могла бывать здесь.

Женщина оглянулась внутрь дома.

— Кто эта женщина?

Элиас не назвал фамилию сразу. Достал прозрачный пакет с копией фотографии, не с оригиналом, и показал через щель.

— Вы узнаёте дом на снимке?

Пожилая женщина подняла очки, висевшие на шнурке. Пригляделась. Пальцы на дверной цепочке дрогнули, но она не отпустила её.

— Откуда у вас это?

— Из материалов расследования. Человек, который принёс фотографию, назвался Матти Раутио.

— Матти, — повторила она, будто пробуя слово после долгого перерыва. — Живой?

— Сегодня утром я с ним разговаривал. Вы его знали?

— Он приезжал с камерой. Детей снимал.

Элиас убрал пакет.

— Я хотел бы записать ваш рассказ. Только добровольно. Если сейчас неудобно, можем договориться о другом времени.

Женщина подумала. Потом закрыла дверь, сняла цепочку и открыла снова.

— Входите. Но обувь оставьте на коврике. На полу вода ещё со вчерашнего дня, я не успела помыть.

09:28

Её звали Айно Хейккинен. Семьдесят восемь лет. В молодости она помогала управляющему: принимала поставки, составляла списки белья, выдавала ключи и иногда сидела с детьми, если женщины уезжали на приём к врачу. В 1980 году здесь действовал частный дом отдыха, как написано на старой вывеске, до сих пор хранившейся в сарае. Айно сказала, что после закрытия жила в доме с родственниками и постепенно осталась одна.

Гостиная была небольшой. В ней стояли низкий шкаф с сервизом и стол, покрытый клеёнкой с выцветшими ягодами. По одной стене шла коричневая полоса от старой печной трубы. Айно предложила чай. Элиас отказался, но она всё равно поставила чайник: в доме было прохладно и ей самой хотелось согреться.

— Здесь не было приюта, — сказала она, прежде чем он задал вопрос. — Так не называли.

— Как называли?

— Дом отдыха для женщин. Это писали в объявлениях. Приезжали и семейные пары, и женщины одни. Иногда с ребёнком. Иногда без него.

— Что им обещали?

— Что помогут решить вопрос. С жильём, с деньгами, с документами. Некоторые говорили, что их мужья не хотят детей. Другим было некуда вернуться.

— Кто руководил?

— Управляющий менялся. Люди с бумагами приезжали по воскресеньям. Я была помощницей, не сидела на этих разговорах.

— Фамилии приезжавших помните?

— Салми я знала. Он всегда ходил с портфелем и просил не оставлять журналы на виду. Берга тоже. Молодой, аккуратный. Улыбался так, будто с каждым человеком знаком давно.

— Сколько ему тогда было лет?

— Очень молодой. Двадцати, наверное, ещё не было. Может, чуть больше. Я не спрашивала паспорт.

Элиас записал: возраст — оценка свидетельницы. Позднее точные даты можно было сверить. Его интересовало другое.

— Что Берг делал здесь?

— Разговаривал с женщинами. Приносил опросники. Однажды я несла в комнату чистое бельё, дверь была открыта. Он спрашивал девушку, сумеет ли она любить ребёнка, если не сможет забрать его домой.

Айно аккуратно поставила чашку на блюдце. Руки у неё были сухие, кожа возле ногтей потрескалась от холодной воды.

— Она плакала?

— Нет. Сидела прямо. Только ногтем скребла подлокотник. После её ухода в дереве осталась белая царапина. Мне пришлось оттирать.

— Что было с ребёнком?

— Я не знаю. Но ещё долго видела эту девушку у ворот. Каждое лето возвращалась. Спрашивала, приходили ли письма. Приносила маленькие игрушки — машинки, книжки. А потом перестала.

— Когда?

— Примерно через одиннадцать лет. В девяносто первом. Я путаю годы, инспектор. Мне нужно поднять записную книжку. Но одиннадцать лет я помню: каждый раз считала, сколько времени она ждёт.

Элиас расстелил фотографию на столе. Айно подвинула сахарницу, чтобы не запачкать её. Разглядывала лица медленно; назвала Ингрид, Эву, женщину, которую могли звать Леной. Говорила с оговорками: некоторые использовали чужие имена, кого-то она знала только несколько недель, и снимок мог быть подписан позже.

— Женщина, которая ждала ребёнка, здесь? — спросил Элиас.

Айно поднесла карточку ближе к свету. Остановила палец у крайней фигуры — той, что стояла в стороне, с волосами на щеке и без улыбки.

— По-моему, эта.

— Уверены?

— Нет. Так я её помню. У неё были тёмные волосы. В тот год многие так стриглись. Но она всегда стояла немного в стороне на общих снимках.

— Эва?

Айно покачала головой.

— Эву я знала как Эву. Эта редко называла себя одним именем. Иногда просила обращаться к ней просто «мама». Только не было рядом мальчика, который мог бы так её звать.

Элиас обвёл край фотографии карандашом на копии, не на полученном оригинале. Свидетельница говорила о своём впечатлении. Не об опознании. Он попросил разрешения записать её слова точно и дождался кивка.

— Что произошло в ноябре девяносто первого?

Чайник щёлкнул на кухне. Айно не двинулась. Когда Элиас повторил вопрос, она посмотрела в сторону двери, ведущей в коридор.

— За ребёнком пришли. Только ребёнок давно был не здесь.

— Кто пришёл?

— Женщина с девочкой. Промокшие. Девочке было лет двенадцать, может, пятнадцать. Я не умею определять возраст по лицу — тогда тоже не умела. Женщина сказала, что у неё есть доказательства подмены, и потребовала показать журналы.

— Вы сказали, где они?

— Я сказала, что всё давно закрыто. Она назвала Берга. Не ругалась, не кричала. Говорила так, словно если ещё раз повторит фамилию, ей наконец откроют нужный шкаф.

Элиас не перебивал. Он вспомнил рассказ Софи о промокшем доме и старом ключе, но свидетельница не называла ни Софи, ни Марию, и связывать эти истории было рано.

— Что вы сделали?

— Ничего. Дала девочке сухое полотенце. Потом они ушли. На следующий день приехали люди, сказали, что из полиции, и забрали часть бумаг. Я не проверяла удостоверения. В те времена здесь всем хотелось, чтобы дело скорее закончилось.

— Помните имя старшего?

— Молодой. Высокий. Может, светлый. Я старалась не смотреть ему в лицо.

Элиас не стал подсказывать фамилию Лахти. Выяснить её можно будет по документам, если документы сохранились.

— А то, что не забрали?

Айно посмотрела на него поверх очков.

— Не всё лежало в главном шкафу.

10:06

Подвал начинался за дверью возле кухни. Айно спускалась осторожно, опираясь на перила, но ключ от нижнего шкафа отыскала сразу — на связке, где висели ещё две маленькие латунные пластинки. Лампа под потолком включилась не с первого раза. Снизу тянуло краской и старым деревом. В углу стояли лыжи, детские санки и две коробки с надписями, расплывшимися от сырости.

— Документы после закрытия должны были уничтожить, — сказала Айно. — Так мне объяснили. Я оставила копии. Иногда это были листы, которые не приняли к отправке. Иногда дубликаты, сделанные на машинке.

— Вы знали, что храните?

— Не всё. Знала только, что однажды женщине сказали: её мальчика здесь никогда не было. А я видела, как его привозили.

Элиас осмотрел шкаф, не трогая вещей за пределами того, что хозяйка сама показывала. Она достала небольшую папку, перетянутую аптечной резинкой. Резинка треснула и рассыпалась на три ломких кусочка. Айно выругалась себе под нос и смахнула их в ладонь.

На обложке папки стояло «0418». Не обязательно номер дела; мог быть внутренний шифр, составленный кем угодно. Элиас сфотографировал обложку, не раскрывая её, и спросил, готова ли хозяйка добровольно передать материалы для проверки. Она посмотрела на папку так, как смотрят на вещи, которые давно надо было выбросить, но рука не поднималась.

— Забирайте. Только напишите, что именно взяли. Мне потом никто не поверит, что всё это здесь лежало.

Он пообещал оформить передачу, записал её согласие и начал перелистывать документы на чистом листе бумаги, который достал из служебной сумки.

Карточки детей. Копии медицинских заключений без полных реквизитов. Фотографии в бумажных конвертах. На первой странице: «Группа 04. Случай 18. Временное размещение. Сведения о биологических родственниках не подлежат разглашению». Внизу — неразборчивая подпись. Элиас проверил оборот и край листа. Печати учреждения не было, имя составителя отсутствовало. Он отложил карточку к материалам, происхождение которых предстояло установить.

В таблице Элиас увидел строку:

03.03.1968 — Е. В. — семья № 12.

Он проверил, не отрезан ли левый край. Нет, дата стояла целиком. Рядом шли записи, в которых встречались другие инициалы и номера. Следующая строка, выделенная краснова-

тым карандашом, была датирована 12 ноября 1974 года: «Изменение статуса. Передача подтверждена».

Он поставил папку на колени. В 1974 году ему исполнилось шесть. Это совпадало с частью семейной истории, которую он помнил слишком хорошо: похороны, чёрные пальто взрослых, чужая ладонь на плече. Но память о похоронах не являлась доказательством подлинности карточки. Инициалы «Е. В.» могли относиться к нескольким людям. Семья № 12 не обязательно означала Виртаненов.

— Вы знаете, кто обозначен двенадцатым номером? — спросил он.

— Мне говорили, что это Виртанены. В те годы я не видела полного списка.

— Кто говорил?

— Управляющий. Я не помню, который из них.

На следующем листе была маленькая фотография мальчика на деревянном стуле. Левая бровь на снимке пересекалась со светлым пятнышком. Элиас прикоснулся к собственному лбу. В том месте у него остался шрам от падения с велосипеда. Сходство было пугающим, но даже здесь он заставил себя не писать в блокноте «я». Можно было сказать лишь: «мальчик с отметиной над левой бровью; внешне похож на Э. В.».

На обороте снимка: «12.11.1974. Ребёнок не знает о передаче».

Айно подняла руку к воротнику.

— Вы побледнели. Вам плохо?

— Нет. Просто здесь холодно.

Это была неправда. Ему стало жарко, и одновременно хотелось выйти из подвала, не взяв ничего. Вернуться в машину, поехать на обычный вызов, где у людей есть фамилии, соседи и ключи от квартир. Он положил карточку обратно на лист и вдохнул глубже.

— Вы говорили, что здесь были дети. Помните этого мальчика?

Айно всмотрелась. Долго. Потом отрицательно покачала головой.

— Не стану обманывать. Таких фотографий я видела сотни.

Это был первый ответ за утро, который принёс Элиасу облегчение.

11:43

На первом этаже Айно сразу открыла форточку. В подвале воздух был неподвижный и сырой; теперь в гостиную потянуло холодом с улицы. Элиас разложил бумаги на столе и составил опись. Напротив каждой позиции записывал не содержание, а вид: папка, пять отдельных листов, две фотографии, конверт, картонная карточка. Некоторые листы находились внутри друг друга. Он не хотел, чтобы позднее оказалось невозможно доказать, в каком порядке их передали.

Айно наблюдала за его работой. Иногда спрашивала, зачем он указывает пятна и сгибы. Элиас объяснил: это не оценка её аккуратности; просто вещи должны остаться узнаваемыми, даже если их придётся возвращать через несколько месяцев.

— В таких домах раньше вели журнал, — сказала она. — Обычная kirjaus[8], запись. Приехали, уехали, бельё получили. А потом человек приходит и показывает тебе бумагу, из которой следует, будто ребёнка вообще не было. Вот когда я поняла, что журналы не всегда говорят правду.

Он записал её слова отдельно. Нельзя было приписывать Айно знание механизма подмены только потому, что она хранила копии. Она видела женщин, двери, коридоры, посетителей. У неё могли быть основания подозревать, что записи меняли. Но кто и когда это делал — другой вопрос.

— Вы сказали, в девяносто первом здесь забрали архив, — напомнил он. — Осталось что-то ещё?

---

[8] kirjaus (фин.) — запись, внесение сведений в журнал или учётную форму.

Айно стояла возле комода. Не отвечала, пока не нашла нужный ящик. Из глубины она вынула небольшой металлический футляр для плёнки, помещённый в шерстяной носок. На крышке футляра выцвели буквы: «Шестая. Не проявлять до 18.11».

— Это оставила та женщина, — сказала она. — После первого разговора пришла ещё раз. Без девочки, кажется. Я уже не уверена, была ли это следующая ночь или через несколько дней.

— Та, что требовала документы?

— Да. Она сказала: если кто-нибудь из полиции будет спрашивать, я должна сделать вид, что ничего нет. Но если пройдёт много времени и кто-то придёт с настоящим вопросом о детях — отдать.

— Почему вы решили, что я и есть тот человек?

Айно усмехнулась. Без веселья.

— Не решила. Просто у меня теперь не так много времени, чтобы ждать другого.

Элиас осмотрел футляр снаружи. Не открывал. На металле были царапины и прилипший ворс. Надпись «18.11» не содержала года; нельзя было утверждать, что она относится к сегодняшнему числу или ко времени исчезновения женщины.

— Вы говорили, что полицейские приезжали после её визита. Кто это был?

Айно провела пальцем по шву носка.

— Я долго не хотела вспоминать фамилию. Он взял папки и сказал, что они нужны для проверки. Потом увидел один снимок. Сказал, что фотографии иногда опаснее оружия. Я подумала, хочет меня успокоить.

— Вы уверены в словах?

— В точных — нет. Смысл такой. Имя я запомнила. Юкка Лахти.

Элиас не сразу положил футляр в пакет. Он знал комиссара много лет. Знал, как тот подчёркивает строки синей ручкой, как ненавидит незаполненные графы и не любит, когда в коридоре при посторонних обсуждают незакрытые дела. Теперь перед ним лежало воспоминание пожилой женщины о человеке двадцатилетней давности. Оно могло быть ошибкой. Могло и не быть.

— Вы видели его удостоверение?

— Не помню. Но фамилию услышала от другого мужчины. Они разговаривали у машины.

— Какие документы забрали?

— Главную папку. Пачку журналов. Было несколько конвертов. Всё перечислить не смогу.

Он закончил опись. Айно подписала добровольную передачу, тщательно выводя буквы и время от времени снимая очки. Подпись заняла почти всю строку. Элиас оставил ей экземпляр и свой служебный номер.

У двери она вдруг спросила:

— А дети? Тех, кого здесь снимали, теперь нашли?

— Мы устанавливаем, кто они и где могут быть документы о них.

— Значит, ещё нет.

— Не всех.

Айно кивнула. Элиас не стал обещать больше. Он забрал пакеты и вышел на холодное крыльцо. За спиной щёлкнул замок. Дом снова стал обычным домом, где кто-то живёт один и ставит чайник, когда приезжает полиция.

13:16

Антти встретил его у лаборатории с листком в руке и недовольным выражением лица.

— Это опять фотографии? — спросил он.

— И плёнка.

— У меня очередь из вещей, которые имеют отношение к двум свежим смертям. Одна из них — твоё дело. Ты считаешь, что старую плёнку можно просто положить в проявитель?

— Я считаю, что она может объяснить, почему некоторые снимки меняли.

— Это разные заявления.

— Знаю.

В лаборатории пахло спиртом и остывшим чаем. У двери стоял контейнер для использованных перчаток. Антти прочёл опись, проверил внешний вид футляра, подписал приём, затем спросил, как долго плёнка находилась у свидетельницы и в каких условиях хранилась. Элиас ответил всё, что знал. «В шкафу дома, возможно десятилетиями» — не то же самое, что «хранилась надлежащим образом».

— Хорошо, — сказал Антти. — Сначала осмотрим упаковку, затем решим, как безопаснее работать с материалом. Если там вообще осталось изображение, я тебе сообщу. А если испорчен — тоже.

— На крышке указано восемнадцатое ноября.

— Я вижу. Года нет. Не начинай с того, что это послание именно тебе.

— Не собирался.

— Собирался. Просто вовремя остановился.

Элиас хотел возразить, но вместо этого передал копии протокола. У Антти на носу остался след от очков; он снял их, протёр и посмотрел на инспектора без привычной насмешки.

— Тебе нужен второй следователь, — сказал он тихо. — Который сможет читать эти материалы без мысли, что мальчик на них — он сам.

— Ристо получит копии.

— Лучше бы он получил их до того, как ты поехал сегодня утром на пристань.

Элиас покосился на часы. Информация уже разошлась по отделу.

— Он получит и мой рапорт.

Антти кивнул. Разговор окончен. В лаборатории снова затрещало что-то в принтере; один лист застрял, и криминалист пошёл его вытаскивать.

В коридоре Элиаса ждала Софи. Она принесла копии текста, который нашла среди работ Берга, связанных с так называемой реконструкцией семейной памяти. На титульном листе стояло несколько фамилий. Часть приложений отсутствовала.

— Здесь говорится о людях, переживших разлуку с детьми, — сказала она. — О том, как они рассказывают собственную историю. Некоторые участники потом жаловались, что путали реальные события с тем, что им внушали на консультациях.

— Это жалобы или вывод авторов исследования?

— В доступной копии — пересказ жалоб. Независимого исследования я пока не нашла.

— Тогда не будем писать, что Берг изменял людям память.

— Я и не пишу. Я хочу узнать, кто с ним работал. И где остались исходные интервью.

Она говорила с привычной осторожностью, но Элиас видел, как трудно ей остановиться. Берг был знаком с её семьёй. Возможно, помогал перевозить вещи тёти. И мог оказаться человеком, которому она по неведению отдала альбом.

— Вы не обязаны заниматься этим одна, — сказал он.

— А вы не обязаны расследовать собственное детство в одиночку.

Она произнесла это без укора и, кажется, сама удивилась резкости своей реплики. Элиас убрал листы в папку.

— Я передам Ристо всё, что касается дома и утренней встречи.

— Передайте и то, что говорил фотограф о Берге. С датами. Иначе потом опять получится, что мы знали больше, чем могли доказать.

16:52

Антти позвонил почти через четыре часа. Элиас как раз проверял старые сведения о доме в Эспоо: адрес переходил между владельцами, а названия организаций не всегда совпадали с тем, что утверждали бывшие сотрудники. В трубке голос криминалиста звучал глухо.

— Спустись. И приведи Ристо, если он рядом.

— Что-то получилось?

— Получились изображения. Не путай это с ответами.

В лаборатории на световом столе лежали шесть пробных отпечатков. Антти разложил их по последовательности кадров на изученном материале. Первый показывал деревянный дом у озера. Второй — комнату с детской кроватью и открытым ящиком. На третьем женщина стояла возле окна; лицо ушло в тень. Четвёртый — мальчик в полосатой рубашке. Пятый — пять женщин, собравшихся у края веранды. Шестой лежал отдельно, под защитным листом.

— Разве это все кадры? — спросил Элиас.

— Всё, что удалось получить с пригодной детализацией. По повреждённым участкам нужно отдельное заключение. Не рассчитывай на полную последовательность съёмки.

Антти отодвинул защитный лист. На последнем отпечатке была небольшая комната. За столом сидели двое мужчин; первый — худой, с тёмными волосами и узким лицом, очень похожий на молодого Йоханнеса Берга. Второй, в светлой рубашке, напоминал Юкку Лахти. Перед ним лежала папка, на которой можно было различить четыре цифры: 0418. Позади, возле стены, стояла женщина с ребёнком на руках.

Лицо ребёнка было закрыто густым чёрным пятном.

Элиас подошёл ближе, потом сам отступил. При увеличении изображение распалось на отдельные пятна; казалось, что его собственные ожидания добавляют к лицам недостающие черты.

— Кто эти мужчины, по твоему мнению? — спросил Антти.

— Берг и Лахти. Но это предварительное опознание по снимку. Мне нужно сравнение и показания людей, которые были в комнате.

— Правильно. А чёрный участок? — Криминалист коснулся указкой края отпечатка. — На первый взгляд вмешательство в изображение. Стадию, на которой его сделали, я сейчас не назову. При микроскопии и сравнении носителей будет видно больше.

— Можно восстановить лицо?

— Если деталь уничтожена физически, восстановить её неоткуда. Если её закрыли на копии, может сохраниться другой носитель. Пока это разные возможности, не обещание.

Элиас посмотрел на руки женщины. Она держала ребёнка уверенно, но не по-матерински, подумал он — и тут же одёрнул себя. По положению пальцев нельзя отличить мать от медсестры, родственницы или человека, которому ребёнка дали на минуту.

— Сделай увеличения без обработки, — попросил он. — И отдельный отчёт обо всех изменениях, которые будешь применять к изображению.

Антти кивнул.

— И не называй этого ребёнка вторым, пока у тебя нет второго.

Только теперь Элиас понял, что уже почти произнёс вслух слово, которого не было ни в одном доступном заключении. На одном отпечатке ребёнку оставили лицо. На другом — скрыли. Это мог быть один человек, двое детей или вообще две разные истории. Пока больше ничего.

18:09

Юкка Лахти стоял возле стола Элиаса, когда тот вернулся из лаборатории. Пальто комиссар не снял; с его полы на пол накапала узкая дорожка. Лахти посмотрел на закрытую папку в руках инспектора.

— Нам надо поговорить, — сказал он.

— Я собирался к вам.

Элиас закрыл дверь, положил перед ним копию шестого кадра и сел напротив. Разговор нельзя было начать как семейный спор. Перед ним находился начальник, который, по словам

свидетельницы, участвовал в изъятии документов двадцать лет назад. И человек, похожий на него, сидел на неизвестно когда сделанном снимке рядом с Бергом.

Лахти не тронул бумагу. Потом медленно подтянул её к себе.

— Где ты взял этот кадр?

— Из плёнки, оставленной в доме в Эспоо. Вам знакома комната?

— Я думал, этот материал уничтожили.

Он произнёс фразу негромко и сразу понял, что сказал больше, чем собирался. На секунду глаза его закрылись. Элиас не воспользовался паузой, чтобы добить вопросом. Дал комиссару возможность продолжить.

— Кто отдал распоряжение об уничтожении?

— Сначала покажи, что ты записал.

— Мой рапорт будет зарегистрирован. Я спрашиваю об обстоятельствах, которые имеют отношение к делу об убийстве.

— Ты понимаешь, насколько близко это касается тебя самого?

— Понимаю. Поэтому материалы получил Ристо. Поэтому я прошу вас отвечать не как моему старшему коллеге, а как человеку, который мог находиться там.

Лахти снял пальто. Повесил на спинку стула, но так и не сел. Сложил руки на столе. Элиас видел эти широкие ладони сотни раз — на совещаниях, за картами происшествий, над пустыми кружками. Сейчас костяшки побелели.

— Я был в той комнате, — сказал комиссар. — Да. Тогда у нас проверяли документы о детях, которых передавали между семьями. Не всё происходило в рамках уголовного дела.

— Кто женщина у стены?

Лахти внимательно посмотрел на снимок.

— Анна Линд.

— Анна, которая исчезла в ноябре 2011-го?

— Тогда она представлялась Еленой.

Элиас подвинул к нему бумагу с датой рождения Анны, установленной по доступным документам.

— В этом году ей сорок. Если снимок сделан в конце восьмидесятых или начале девяностых, перед нами должна быть девушка-подросток или молодая женщина. Вы уверены в опознании? И вообще известно ли вам, когда сделан кадр?

Лахти молчал дольше, чем требовалось, чтобы прочитать дату.

— В той истории меняли возраст, — сказал он.

— Где подтверждение?

— У меня его сейчас нет.

— Тогда в рапорте будет указано: вы назвали Анну Линд, но объяснить возрастное расхождение не смогли. С этим согласны?

— Пиши, что должен.

Элиасу не понравилось, как легко комиссар отступил. Как будто уже всё просчитал и позволил поставить на бумаге ровно те слова, которые не причинят вреда.

— Айно Хейккинен говорит, что в ноябре девяносто первого вы забрали из её дома архив.

Лахти сжал губы.

— Я помню этот адрес.

— Вы участвовали в изъятии?

— Да. Но бумаги забирали не только мы. Часть уже увезли, когда я приехал.

— Почему это не фигурирует в доступном мне деле?

— Потому что ты читаешь не все материалы.

— Тогда дайте доступ к остальным.

— Сначала решим, кто будет вести проверку твоих собственных документов. Ты не можешь одновременно быть заинтересованным лицом и единственным человеком, который принимает решения.

— Согласен. Только это не отменяет вашего ответа.

Лахти подошёл к окну. Во дворе женщина в светоотражающем жилете пыталась открыть заднюю дверь служебного фургона; замок заело, и водитель вышел помогать. Комиссар смотрел на них, не замечая, что Элиас стоит неподвижно.

— Женщина на фотографии, — сказал он, — была первой, кто отказался подписать соглашение о молчании.

— О каком молчании?

— О том, что дети не будут искать тех, от кого их отделили. Что семьи не станут обсуждать происхождение ребёнка с ним самим.

— Соглашение существует?

— Существовало. Я видел одну копию.

— Кто подписывал?

— Не все. Она не подписала.

— Вы назвали её Анной Линд. Если имя было другим, скажите сейчас.

— Я назвал имя, под которым её тогда знали люди, собиравшие документы.

— А настоящее?

Комиссар отвернулся от окна. Впервые за долгий разговор он выглядел не испуганным, а совершенно измотанным.

— Её заставили исчезнуть, — сказал он. — Остальное я не стану объяснять без документов. И ты тоже не должен.

Элиас записал последние слова. Он не знал, было ли это признанием собственного участия, предупреждением или ещё одной попыткой управлять следствием. Но теперь у него имелись две вещи, которые можно было проверить отдельно: показание Айно об архиве и слова Лахти о старой операции. Ни одно не заменяло другого.

Когда комиссар вышел, Элиас составил служебную заметку о разговоре и передал её Ристо вместе с просьбой установить, какие материалы 1991 года находятся в недоступных ему папках. Затем долго сидел, глядя на копию снимка. На ней оставалось чёрное пятно, которое не становилось меньше от чужих признаний.

20:37

Дома пахло холодным бельём. Элиас уехал утром, не закрыв форточку на кухне, и теперь батарея почти не справлялась. Он снял мокрую обувь в прихожей, прошёл к столу и поставил сумку подальше от чашки, оставленной со вчерашнего дня. Лампа включилась со второго нажатия: контакт в выключателе давно разболтался.

На автоответчике мигала цифра один.

Он вспомнил, что аппарат всё ещё подключён к домашней линии. После угроз в адрес свидетелей следовало бы давно перевести все контакты на служебные каналы, но некоторые люди упорно звонили туда, где привыкли слышать его голос. Элиас нажал воспроизведение.

Сначала раздался шум, будто микрофон задевал ткань. Затем женщина сказала:

— Элиас, если ты это слышишь, значит, они показали тебе фотографию.

Он придвинул стул и сел, не снимая пальто.

— Не верь тому, что говорит Лахти. И Бергу не верь. Ты должен найти мальчика, которого увезли вместо тебя.

Несколько секунд слышалось неровное дыхание. На записи что-то коротко щёлкнуло, как если бы говорившая закрывала дверь или передвигала телефон. Потом женщина добавила:

— Он жив. И знает, кто убил Ингрид.

Сообщение оборвалось.

Элиас прослушал его ещё раз, уже с блокнотом. Отметил точные слова, посторонний шум, длину пауз. Голос показался похожим на тот, который он слышал на стоянке накануне. Похожим — но сравнивать было не с чем: первый разговор не записали. Это сообщение, в отличие от него, существовало на носителе. Его можно было сохранить, установить технические параметры и передать для исследования.

Он позвонил Ристо, сообщил о записи и договорился о сохранении исходного сообщения без переписывания поверх. Попросил отдельно проверить историю вызова и номер, если он определялся. Кому-то другому Элиас сказал бы сделать это сразу. Себе пришлось напомнить дважды.

Потом он разложил на столе копии двух фотографий — мальчика у озера и шестилетнего ребёнка на стуле. Их оригиналы оставались среди материалов дела. На одном снимке левая рука ребёнка была убрана за спину; на другом обе ладони лежали на коленях. Элиас долго смотрел на эту деталь. У него был старый след на левом запястье, но он не помнил, в каком именно возрасте повредил руку. В детстве ему говорили, что он упал с велосипеда. Нельзя было ни подтвердить, ни опровергнуть эту историю одним взглядом на зернистую фотографию.

«Мальчика, которого увезли вместо тебя».

Фраза оставалась чужим утверждением. Тот, кто её произнёс, мог специально подтолкнуть его к мысли о подмене. Элиас выписал отдельные вопросы: кто снял два кадра, где хранились их оригиналы, когда нанесено повреждение на шестом, кто имел доступ к спискам детей. И ещё — кто, помимо Берга и Лахти, был в комнате, показанной на последнем отпечатке.

Он заметил, что карандашом вписал рядом с фамилией Раутио слово «свидетель». Зачеркнул. Пока Матти был человеком, давшим сведения о собственном возможном участии. Это различие могло оказаться важным позже.

За окном проехала машина; пятна света скользнули по потолку и исчезли. Элиас поставил будильник. До утра оставалось немного времени, а в шесть сорок три ему предстояло снова смотреть на эти лица и решать, что из увиденного можно проверить. Прежде чем выключить лампу, он раскрыл блокнот на новой странице.

«Второй ребёнок?»

Вопросительный знак он вывел крупнее остальных букв.

Глава 9. Два детства

Хельсинки. 19 ноября 2011 года. 06:43

В квартире не было слышно ничего, кроме холодильника и воды, которая время от времени постукивала в трубе отопления. Элиас стоял на кухне босиком. Он проснулся ещё до будильника и минут десять не мог вспомнить, снилось ли ему что-нибудь. Потом вспомнил дверь.

В доме, где он вырос, кухонную дверь обычно не закрывали. Зимой её даже подпирали старой табуреткой: тепло из печи должно было доходить до коридора. Но однажды дверь закрылась, задвижка встала на место, и мальчик, шедший за стаканом воды, остановился на полпути. Ему было, наверное, шесть. Может, семь. На обоях у выключателя отходил угол; он помнил, как подцеплял его ногтем, когда ждал разрешения войти. За дверью разговаривали двое взрослых.

— Он уже достаточно большой, — произнёс мужчина.

— Возраст здесь ни при чём, — ответила женщина.

Стук ящика. Скрип стула. Дальше — пусто.

Вчера Элиас записал в блокноте, что воспоминание о закрытой двери ненадёжно. Сегодня проснулся с ощущением, будто слышал этот разговор пять минут назад. Это злило его. За годы службы он неоднократно объяснял свидетелям, что память не хранит прошлое в том виде, в каком камера хранит изображение. Люди достраивают эпизоды. Слышанное позже незаметно становится частью того, что они якобы видели сами. Он не имел причин делать для себя исключение.

Чайник щёлкнул, не успев вскипеть. Элиас нажал кнопку ещё раз. На подоконнике лежал забытый конверт из магазина; рядом сохла грязная полоса от мокрой перчатки. На столе под лампой были два изображения детей, вчера вечером разложенные им рядом. Не оригиналы — рабочие копии. Исходные материалы передали на учёт и исследование. На внутренней стороне одной папки виднелся номер приёма, написанный его собственной рукой. В этом, по крайней мере, можно было не сомневаться.

На летнем снимке возле озера стояли пять женщин и мальчик в полосатой рубашке. Матти Раутио утверждал, что мальчика называли Элиасом. Не показал ни документа, ни человека, способного подтвердить его слова. На второй фотографии — ребёнок лет шести в светлом свитере, обе руки на коленях. Из дома Айно Хейккинен. В папке при передаче значилась одна дата, карандашом на обороте — другая; ни та ни другая ещё не были проверены по независимым источникам.

Элиас поставил чашку в сторону. Он не хотел пролить кофе на копии, хотя при таком количестве бумаги настоящая опасность была не в капле, а в привычке обращаться с ней как с собственной семейной собственностью. Он придвинул два изображения, включил боковую лампу. У одного ребёнка острый подбородок. У другого — тоже. Вглядываться в уши он перестал почти сразу: угол съёмки разный, зерно на старом отпечатке крупнее, и всякая уверенность здесь стоила дёшево.

Но рука.

Мальчик у озера прятал левую руку за спиной. На другом снимке ладони лежали на коленях, пальцы раздвинуты, как бывает у детей, которых долго заставляют сидеть смирно. Элиас провёл пальцем по собственному левому запястью. Под кожей оставалась неровность после старого перелома. В двенадцать лет, говорили ему, он упал с велосипеда. Гипс помнил: белый, изрисованный одноклассниками. Помнил, как зудела кожа в жарком классе и как учительница разрешала отвечать устно. Не помнил самого падения. Ни велосипеда. Ни дороги.

Он поднялся, нашёл коробку со старыми карточками и вынул выцветший школьный снимок. На нём левая рука была спрятана в рукав свитера. В каком году его сделали? Внизу стояла

дата, напечатанная фотомастерской, но это не помогало понять, когда именно сломалась кость. Не помогало и решить, кто изображён у озера.

Элиас достал чистый лист.

«Перелом — уточнить по медицинскому архиву».

Под ним: «1980: мальчик, которого называли Элиасом. Не установлена личность».

Он посмотрел на написанное, затем добавил отдельной строкой: «Воспоминания о доме — только со слов самого Э. В.» В бумагах это выглядело нелепо, но он оставил запись. Если завтра дело перейдёт другому следователю, тот должен увидеть, где кончается источник и начинается личная догадка.

В 06:51 зазвонил телефон. На дисплее — Антти. Звонок начался с короткого шума, похожего на то, как кто-то ставит на стол металлический лоток.

— Ты дома? — спросил криминалист.

— Пока да.

— Приходи к нам, когда сможешь. Посмотрели материал ещё раз.

— Шестой кадр?

— Да. Лицо мы не восстановили. Чтобы ты не ехал сюда за невозможным.

— Тогда что?

— Повреждённый участок исследовали отдельно от остальной поверхности. Есть основания считать, что затемнение внесли уже при работе с готовым материалом. Но способ и точная последовательность пока требуют подтверждения. Я готовлю заключение не по телефону.

Элиас посмотрел на копию. Там, где должно было быть лицо ребёнка, оставалось тёмное пятно. Накануне оно вызвало у него почти физическое желание отыскать сквозь чёрное хоть одну черту. Он снова почувствовал это желание и заставил себя отвернуться.

— То есть кто-то мог иметь снимок до вмешательства?

— Мог. А мог уничтожить всё, что ему было не нужно. Слово «мог» тут главное.

— Что ещё?

— У упаковки, в которой находился фрагмент плёнки, есть бумажная вкладка. На ней сохранились следы двух слов. Не на самой плёнке, Элиас. На бумаге. Мы пока не знаем, была ли она с негативом с самого начала или попала туда позже.

— Какие слова?

— «Второй ребёнок». Только так, без начала и конца фразы.

Элиас снял с плиты чайник. Вода снова не успела вскипеть.

— Хочу видеть всё в протоколе. И фотографии упаковки до вскрытия.

— Будут. Я позвоню, когда закончу первичный отчёт. А пока выспись хоть однажды.

— Не выйдет.

— Я заметил.

Связь оборвалась. Элиас записал слова Антти точно, без кавычек вокруг «второго ребёнка» не обошлось: это была часть надписи, а не вывод лаборатории. Ничего о том, какой ребёнок был первым и почему возник второй, вкладка не сообщала.

Он надел рубашку, высушенную на спинке стула. Один манжет почему-то остался жёстким после стирки. Пришлось расстегнуть пуговицу и застегнуть заново. Пальцы работали неловко. Элиас не стал думать, от холода это или от слишком долгого рассматривания фотографий.

За окном уже светлел двор. У мусорных контейнеров мужчина в оранжевой куртке ругался с заевшей крышкой. Никаких тайных смыслов в этом не было. Просто утро, которому не было дела до Элиаса.

. . .

07:38

В управлении пахло мокрыми ковриками и подогретой в пластике едой. Кто-то в дежурной части ел макароны из контейнера; на подоконнике сохли две пары форменных перчаток. Софи Коскела стояла у автомата с кофе, держа под мышкой папку. На ней была свежая тёмная водолазка, но волосы она собрала наспех. Один длинный волос прилип к влажной коже возле уха.

— Я думала, вы придёте позже, — сказала она.

— Антти звонил.

— Из лаборатории? Есть результат?

— Есть направление проверки. Результат будет в письменном виде.

Софи сняла со стаканчика неудобную пластиковую крышку, заглянула внутрь и поморщилась.

— Пейте мой. Там хотя бы без сахара.

— Вы его не любите?

— Я не люблю, когда автомат выдаёт сахар, даже если нажать «без сахара».

Элиас взял стакан. Дешёвый кофе обжёг язык. Софи уже шла к лестнице; он нагнал её у двери в кабинет, где возле доски с адресами стояли ещё две пустые кружки со вчерашнего вечера.

— Я посмотрела университетские публикации с фамилией Берга, — сказала она, открывая папку. — За восемьдесят восьмой — девяносто второй годы. Не всё связано с нашей программой. Но у него были консультации с подростками, пережившими смену семьи.

Она положила листы на стол в порядке номеров. Между одиннадцатой и четырнадцатой страницами зиял пробел.

— Приложения отсутствуют, — заметил Элиас.

— В электронной копии. Я запросила бумажный фонд и исходные библиографические данные. На этих листах можно найти названия методик, но не список детей. Пока.

На обложке стояли три фамилии. Берг — третьим. Рядом университетский штамп и номер фонда. В тексте встречались благопристойные фразы: «стабилизация семейной истории», «помощь в формировании непротиворечивого рассказа о раннем детстве». Если не знать ни одной из историй, попавших к ним в руки, это можно было принять за сухую научную работу.

— Здесь есть абзац, — сказала Софи. — Детям рекомендовали не возвращаться к воспоминаниям, противоречащим официально принятой семейной истории. Указано как способ уменьшить тревогу.

— Рекомендовали кому? Родителям? Специалистам? Самим детям?

— В отрывке не уточняется.

— Тогда сначала найдём полный текст.

Софи забрала один из листов, положила обратно. Её пальцы задержались на грубой копировальной бумаге.

— Я понимаю, что вы скажете. Наука сама по себе не преступление. Но попробуйте представить ребёнка, которому говорят, что его память мешает семье.

— Мне не нужно представлять.

Она подняла глаза. Элиас пожалел о последней фразе сразу после того, как произнёс её.

— Я знаю, — сказала Софи. — Поэтому и принесла вам это.

Он сел напротив. Из соседнего кабинета доносился разговор о сломанном принтере. Дежурный дважды прошёл по коридору, оба раза с одинаково тяжёлой папкой. Элиас открыл блокнот.

— Что вы хотите проверить первым?

— Могу найти людей, которые в те годы работали в отделении. Если их имена появятся в приложениях.

— Хорошо. И отдельно — кто оплачивал исследования. Не хочу потом выяснить, что половина архивного фонда — частные бумаги Берга, а мы обращались с ними как со служебными.

Софи кивнула. Он увидел у неё на полях три вопросительных знака, выведенных красной ручкой. Раньше она не оставляла таких знаков в документах.

— Вы опять почти не спали, — сказала она.

— Вы тоже.

— У меня причины лучше.

Он не стал спорить. Софи потёрла висок, потом неожиданно попросила:

— Можно кое-что сказать без протокола? Не как сотрудник дела.

— Можно. Но если это относится к делу, нам потом придётся оформить ваши слова отдельно.

— Я понимаю.

Она смотрела на крышку стола. Там, на старой пластиковой поверхности, кто-то год назад выжег тонкую чёрную точку сигаретой. Ничего примечательного, однако Софи долго держала на ней взгляд.

— Моя тётя называла меня Лаурой. Когда я была маленькой.

— Лаурой?

— По ночам. Если болела или сильно уставала. Заходила, говорила: «Лаура, не подходи к окну». Утром уверяла, что перепутала меня с кем-то.

Вчера Софи в другой связи уже рассказывала о старом альбоме, о мальчике в полосатой рубашке. Но об этом имени она не упоминала. Элиас записал точную фразу на отдельном листе, прежде спросив разрешения. Софи кивнула, хотя явно не хотела видеть собственные слова на служебной бумаге.

— Сколько вам было?

— Семь, может, восемь. Много лет назад. Обои помню. Там были мелкие красные цветы. А вот время года — нет.

— Если семь, это примерно восемьдесят третий?

— Да. По моему свидетельству о рождении.

Софи помолчала, потом добавила:

— Вы сейчас подумаете о той записи за восемьдесят шестой.

— Подумаю о двух разных документах. И о том, что мы не знаем, кому принадлежит второй.

— Если мне изменили год рождения, вы всё равно не сможете признать это, пока не получите бумагу?

— Если вам изменили год рождения, бумага — как раз один из способов это установить. Но не единственный. Нужны исходная запись, история её исправлений, люди, которые могут подтвердить события. И надо выяснить, кто принёс ту медицинскую карту и зачем.

— Как вы это говорите. Почти спокойно.

— Я на работе.

— А я разве нет?

Элиас закрыл ручку колпачком. Он не нашёл ответа. Софи встала, подошла к окну и несколько раз безуспешно попыталась приподнять заевшую жалюзи. Наконец оставила её в покое.

— Вы не представляете, каково это, — сказала она.

— Нет, — ответил он. — Не представляю до конца.

Он хотел рассказать о кухонной двери и двух детских фотографиях. Не рассказал. В тот момент это прозвучало бы так, будто он пытается разделить её тревогу на двоих и тем самым сделать её меньше. А она не становилась меньше.

— Но я не буду решать, кто вы, по бирке или чужому письму, — добавил Элиас. — И вам не позволю этого делать.

Софи повернулась. Взгляд её остался настороженным, но папку она больше не прижимала к себе так сильно.

— Хорошо. Тогда начинайте с исходной записи. Я подпишу всё, что нужно для доступа к моим документам. В форме всё равно будет графа «henkilötunnus»[9], а я впервые хочу понимать, что именно подтверждает номер, под которым меня знают.

— Не здесь. Оформим надлежащим образом, отдельно от ваших служебных обязанностей по этому делу. И проверять это будет не только я.

— Потому что у вас собственная история с этими людьми?

— Именно.

Впервые за всё утро она позволила себе улыбнуться. Коротко и без особой радости.

— Вы могли сказать это раньше.

— Мог.

Он передал ей список университетских источников для уточнения. Софи взяла лист и вышла, но на пороге обернулась:

— Лаура Линд. Дочь Петера. Вы не думаете…

— Пока не связываю эти два имени. Одного совпадения недостаточно.

— Я тоже пытаюсь так думать.

Дверь закрылась мягко, потому что на ней уже давно не работал доводчик.

[9] henkilötunnus (фин.) — персональный идентификационный номер, используемый в Финляндии для учёта личности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.